

Н. К. РЕРИХ

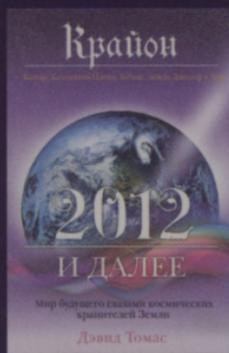
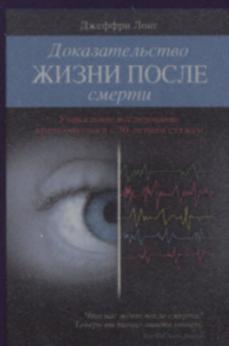
МЦФ

АТЛАНТИДЫ

ПРИТЧИ, ЛЕГЕНДЫ, СКАЗАНИЯ

Ранее в серии опубликованы книги

МИФ

АТЛАНТИДЫ

Н. К. РЕРИХ

ΩΖΦ

ΑΤΛΑΝΤΙΔΕΣ

ПРИТЧИ, ЛЕГЕНДЫ, СКАЗАНИЯ

Москва

ЭКСМО

2012

УДК 141.339
ББК 86.42
Р 42

Рерих Н. К.

Р 42 Миф Атлантиды / Рерих Н. К. — М.: Эксмо, 2012. —
384 с. — (Мистический бестселлер).

ISBN 978-5-699-53763-1

В этой книге представлены рассказы, эссе и очерки великого русского художника и мыслителя Н.К. Рериха, посвященные самым таинственным, непознанным сторонам бытия. Древние цивилизации, легенды и мифы, иные миры и необычные природные явления; паранормальные способности человеческой психики и другие загадки природы и человека — все эти темы захватывающе интересно отражены в литературных работах великого живописца и исследователя.

УДК 141.339
ББК 86.42

ISBN 978-5-699-53763-1

© Ковалева Н. Е., составление, 2011
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2012

СОДЕРЖАНИЕ

ЛЕГЕНДЫ

Легенды	8
Детская сказка	13
Царь Соломон.....	17
Гримр-викинг.....	21
Марфа-Посадница.....	25
Старинный совет.....	27
Великий Ключарь.....	31
Лют-великан.....	32
Девассари Абунту.....	35
Лакшми-победительница.....	37
Знамения.....	40
Замки печали.....	43
Сон	45
Царица Небесная.....	47
Миф Атлантиды.....	48
Страхи.....	51
Клады.....	53
Города пустынные.....	55
Граница царства.....	59

ЭССЕ, РАССКАЗЫ, ОЧЕРКИ

Неисчерпаемость.....	61
Дружелюбие!.....	65

Мера искусства.....	69
Чуткость.....	72
Влечение.....	75
Стойкость.....	80
Скорее!.....	85
Твердыня пламенная.....	90
Силомеры.....	107
Терпимость.....	112
Оружие Света.....	119
Качество.....	127
Туман.....	133
Адамант	139
Действие.....	150
Право входа.....	155
Монсальват	159
Взаимость.....	165
Неприязнь.....	170
Нереченное.....	174
Испытания.....	179
Звезда Матери Мира	184
Бесстрашие	195
Потустороннее.....	198
Невидимки.....	203
Бывшее и будущее.....	209
Новые грани.....	213
Жизнь вечная.....	216
Свет опознанный.....	222
Одеяние духа.....	227
Видения.....	238
Безумия	244
Оттуда.....	249
Звезды смерти.....	255

Особенное.....	265
Внимательность.....	266
Парапсихология	270
Мистицизм.....	278
Крылатая чума.....	279
Туда и оттуда.....	284
Эпидемии	287
Мысль.....	292
Сущность.....	297
Истинная сила.....	303
Знак эры.....	307
«Совершенно новое»	316
Бичи.....	321
Борьба с невежеством.....	327
Следы мысли.....	338
Ученые	343
ШАМБАЛА СИЯЮЩАЯ	349

ЛЕГЕНДЫ

ЛЕГЕНДЫ

Профессор Варшавского университета Зелинский в своих интересных исследованиях о древних мифах пришел к заключению, что герои этих мифов вовсе не легендарные фигуры, но реально существовавшие деятели. К тому же заключению пришли и многие другие авторы, таким образом опровергая материалистическую тенденцию прошлого столетия, которая пыталась изображать все героическое лишь какими-то отвлеченными мифами. Так, французский ученый Сенар пытался доказать, что Будда никогда не существовал и не что иное, как солнечный миф, что было сейчас же опровергнуто археологическими находками. Такие же попытки были делаемы, чтобы доказать, что и Христос никогда не существовал, хотя мы имеем свидетельства, очень близкие к Его времени. Кроме того, в Сирии недавно была найдена плита с римскою надписью — эдикт против первых христиан, по времени чрезвычайно близкая к манифестации Христа. В этой борьбе между познающими и отрицающими так ясна граница, разделяющая всю мировую

психологию. При этом чрезвычайно поучительно наблюдать, насколько все отрицатели со временем оказываются побежденными; те же, кто защищал Героизм, Истину, Великую реальность, они находят оправдание в самой действительности.

Тот, кто истинно понимал героев и мифы и кто временно считался мечтателем, оказывался величайшим реалистом, тогда как скептик-отрицатель по справедливости занял место «мечтателя», поверившего или клевете, или извращенному источнику. Так медленно, но верно оборачивается колесо эволюции, неся с собою восстановление забытой правды.

Оглянемся и заметим, как быстро и как легко человечество забывает даже недавние события и деятелей. Еще недавно такие лица, как Парацельс или Томас Воган, отмечались в энциклопедиях как обманщики. Но затем некоторые люди, в которых была жива справедливость, дали себе труд ознакомиться с их произведениями и нашли, вместо оглашенных шарлатанов, глубоких ученых, открытия которых принесли человечеству много блага. Вспоминаю, как в детстве мы увлекались книгою Гастона Тиссандье «Мученики науки». Те, которые погибли жертвами всеожжения, в пытках, на эшафоте, теперь признаны как великие ученые. Но лживый скептицизм продолжает свою подпольную работу и, вместо прежних мучеников, спешит изобрести других, чтобы затем они, в свою очередь, так же были почтены памятниками и народными торжествами.

За последние годы в общественных направлениях замечаются некоторые отдельные действия, которые дают надежду, что вредоносное отрицание как будто уже осознается и, таким образом, будем надеяться, займет заслуженный темный угол.

Люди начинают стремиться к жизнеописаниям. Но и в этом шептуны-скептики не хотят уступить. Пожимая плечами, они скажут вам: «Как вы можете быть уверены относительно истинных побуждений, родивших поступки, отображенные в биографии?» Или: «Как вы можете быть уверены, что не были случайностями те события, которые окрасили жизнеописания ваших героев?» Или: «Можете ли вы утверждать, что биограф был искренен и беспристрастен?»

Допустим, что эти замечания до известной степени могут иметь под собою почву. Отдадим некоторую окраску жизнеописания личности самого биографа. Но тем не менее архивы исторических документов доносят до нас все же многие несомненные жизненные вехи действительности. Еще в недавнем прошлом летописи считались как сомнительные документы, не заслуживавшие серьезного внимания. Но археологические и исторические находки и документы, современные летописям, показывают, что они заслуживают гораздо большего почтения, нежели еще недавно поверхностные умы полагали. Конечно, будем надеяться, что человечество теперь не будет терять целые века для верного освещения выдающихся явлений.

Отдавая должное летописям и жизнеописаниям, человечество научится и писать их. Было бы величайшей ошибкой думать, что понятие героев совместно лишь с прошлым. Синтез нашей Эры выкристаллизовывает своих героев. Позволительно надеяться, что костры, тюрьмы и казни более не будут неизменными атрибутами этих великих душ!

Устанавливая, что боги древности были героями, запечатленными в памяти народа, мы укрепим себя в сознании, что и в наши дни индивидуальность и личность управляют рулем человечества. Утверждая существование таких индивидуальностей, мы научимся, по примеру предков, в благожелательном позитивном исследовании передать сущность их личности в последующие поколения. Не забудем, что в будущем эти жизнеописания войдут в народные школы как Светочи Прогресса. Потому научим молодежь не только читать биографии, но и уметь писать их или, вернее, различать — что из проявлений их современников войдет в историю.

Читая легенды, молодежь научится мечтать. Это великое качество, ибо оно наполняет сердце лучшими, мощными огнями. Этими огнями сердца молодежь познает, как различать, где истина. Истина не познается расчетами, лишь язык сердца знает, где живет великая Правда, которая несмотря ни на что ведет человечество к восхождению. Разве легенды не есть гирлянда лучших цветов? О малом, о незначительном и жалком человечество не слагает легенд. Часто даже в кажущихся отрицательных ми-

фах заключено уважение к потенциалу внутренней мощи. Во всяком случае, каждая легенда содержит нечто необычное. Не ведет ли эта необычность дух человеческий поверх сумерек механического стандарта? Этим машинным стандартом эволюция не строится. Легенда, которая освобождает нас от подавляющих условий каждодневной рутины, обновляет наше мышление, позволяет погрузиться в новые глубины познания, полные неисчерпаемого молодого задора.

Спросите великого математика, великого физика, великого физиолога, великого астронома, умеет ли он мечтать? Я не упоминаю художников, музыкантов, поэтов, ибо все существо их построено на способности мечтать. Великий ученый, если он действительно велик и не боится недоброжелательных свидетелей, конечно, доверит вам, как прекрасно он умеет возноситься мечтами. Как многие из его открытий в основе своей имеют не только расчет, но именно высокую жизненную мечту.

Да, легенды — не отвлеченность, но сама реальность. Поистине мечты — не знаки безграмотности, но отличия утонченных душ. Потому всячески поощрим в молодежи нашей стремления к зовущим и творящим сказаниям и вместе с молодежью, оставаясь молодыми, почтим мечту как ведущие и возносящие крылья нашего возрождения и усовершенствования.

Устремление, Иерархия, Беспредельность, Красота — только по этим вехам мы движемся несо-

мненно вперед. Существо нашей деятельности мы должны приложить к жизни немедленно. Воздавая должное мечте, мы не сделаемся «мечтателями».

Пусть будет эта мечта Творца. В этой мечте не будет ни одурманивания, ни изменчивости, но будет непреложное Знание, собранное в глубинах нашего духа. И, прежде всего, будем помнить, что слово Культура может значить «Культ-Ур» — Культ Света.

Гималаи. Февраль, 1931 г.

ДЕТСКАЯ СКАЗКА

В очень известном и большом городе жил старый царь, вдовец. У царя была дочь, невеста. Царевна далеко славилась и лицом и умом, и потому многие весьма хорошие люди желали сосватать ее. Среди этих женихов были и князья, воеводы и гости торговые, и ловкие проходимцы, которые всегда толкаются в знатных домах и выискивают, чем бы услужить; были разные люди. Царевна назначила день, когда могут прийти к ней женихи и сказать громко при ней и при всех, что каждый надеется предоставить своей жене; царевна была мудрая. Женихи очень ожидали этого дня, и каждый считал себя лучше всех других. Один перед другим хвалились женихи: кто именитым родом за тридевять поколений, кто богатством, — но один из них ничем не хвалился, и никто не знал, откуда пришел он. Он хорошо умел складывать песни; песни его напоми-

нали всем их молодые, лучшие годы, при этом он говорил красиво, и его любили слушать, даже забывая спросить, кто этот певец. И хотя он не был князем, но все женихи обращались с ним как с равным.

В назначенный день все женихи оделись получше и собрались в палату, к царю. Согласно обычаю, женихи поклонились царю и царевне. Никого не пустил вперед князь древнего рода, за ним слуги несли тяжелую, красную книгу. Князь говорил:

— Царевна, мой род очень знатен. В этой книге вписано более ста поколений... — И князь очень долго читал в своей книге, а под конец сказал: — И в эту книгу впишу жену мою! Будет она ходить по палатам моим, а кругом будут образы предков весьма знаменитых.

— Царевна, — говорил именитый воевода, — окрест громко и страшно имя мое. Спокойна будет жизнь жене моей, и поклонятся ей люди — им грозно имя мое.

— Царевна, — говорил залитый сокровищами заморский торговый гость, — жемчугом засыплю жену мою; пойдет она по изумрудному полю и в сладком покое уснет на золотом ложе.

Так говорили женихи, но певец молчал, и все посмотрели на него.

— Что же ты принесешь жене своей? — спросил певца царь.

— Веру в себя, — ответил певец.

Улыбнувшись, переглянулись женихи, изумленно вскинул глазами старый царь, а царевна спросила:

— Скажи, как понять твою веру в себя.

Певец отвечал:

— Царевна! Ты красива, и много я слышал об уме твоём, но где же дела твои? Нет их, ибо нет в тебе веры в себя. Выходи, царевна, замуж за князя древнего рода и каждый день читай в его алой книге имя свое и верь в алую книгу! Выходи же, царевна, замуж за именитого гостя торгового, засыпь палаты свои сверкающим золотом и верь в это золото! В покое спи на золотом ложе и верь в этот покой! Покоем, золотом, алыми книгами закрывайся, царевна, от самой себя! Моего имени нет в алой книге, не мог я засыпать эту палату золотом, и куда иду я — там не читают алой книги и золото там не ценно. И не знаю, куда иду я, и не знаю, где путь мой, и не знаю, куда приду я, и нет мне границ, ибо я верю в себя!..

— Подожди, — прервал певца царь, — но имеешь ли ты право верить в себя?

Певец же ничего не ответил и запел веселую песню; улыбнулся ей царь, радостно слушала ее царевна, и лица всех стали ясными. Тогда певец запел грустную песнь; и примолкла палата, и на глазах царевны были слезы. Замолчал певец и сказал сказку; не о властном искусстве говорил он, а о том, как шли в жизнь разные люди, и пришлось им возвращаться назад, и кому было легко, а кому тяжело. И молчали все, и царь голову опустил.

— Я верю в себя, — сказал певец, и никто не смеялся над ним. — Я верю в себя, — продолжал он, — и

эта вера ведет меня вперед; и ничто не лежит на пути моем. Будет ли у меня золото, впишут ли имя мое в алых книгах, но поверю я не золоту и не книге, а лишь самому себе, и с этой верой умру я, и смерть мне будет легка.

— Но ты оторвешься от мира. Люди не простят тебе. Веря лишь в себя, одиноко пойдешь ты, и холодно будет идти тебе, ибо кто не за нас — тот против нас, — сурово сказал царь.

Но певец не ответил и снова запел песню. Пел он о ярком восходе; пел, как природа верит в себя и как он любит природу и живет ею. И разгладились брови царя, и улыбнулась царевна, и сказал певец:

— Вижу я — не сочтут за врага меня люди, и не оторвусь я от мира, ибо пою я, а песня живет в мире, и мир живет песней; без песни не будет мира. Меня сочли бы врагом, если бы я уничтожил что-либо, но на земле ничто не подлежит уничтожению, и я создаю и не трогаю оплотов людских. Царь, человек, уместивший любовь ко всей природе, не найдет разве в себе любви — к человеку? Возлюбивший природу не отломит без нужды ветки куста, и человека ли сметет он с пути?

И кивнула головой царевна, а царь сказал:

— Не в себя веришь ты, а в песню свою.

Певец же ответил:

— Песня — лишь часть меня; если поверю я в песню мою больше, чем в самого себя, тем разрушу я силу мою и не буду спокойно петь мои песни, и не будут, как теперь, слушать их люди, ибо тогда я буду

петь для них, а не для себя. Все я делаю лишь для себя, а живу для людей. Я пою для себя, и пока буду петь для себя, дотоле будут слушать меня. Я верю в себя в песне моей; в песне моей — все для меня, песню же я пою для всех! В песне люблю лишь себя одного, песней же я всех люблю! Весь для всех, все для меня — все в одной песне. И я верю в себя и хочу смотреть на любовь. И как пою я лишь для себя, а песнью моей живлю всех, — так пусть будет вовеки. Поведу жену в далекий путь. Пусть она верит в себя и верой этой дает счастье многим!

— Хочу веры в себя; хочу идти далеко; хочу с высокой горы смотреть на восход!.. — сказала царица.

И дивились все.

И шумел за окном ветер, и гнул деревья, и гнал на сухую землю дожденосные тучи — он верил в себя.

1893

ЦАРЬ СОЛОМОН

До сих пор по просторам Азии летает царь Соломон на своем чудесном летательном приборе. Многие горы Азии увенчаны или развалинами, или камнем с отпечатками ступни великого царя, или отпечатками колен его, следами длительной молитвы. Это все так называемые троны Соломона. Великий царь прилетал на эти горы молиться. На эти высоты он уходил от тягот царствования для возношения Духа. Горы Соломона, тайники сокровищ Соломона, Премудрость Соломона, таинственная власть перст-

ня Соломона, Соломонова печать с познанием света и тьмы — кому же другому столько удивления и почтения принесла Азия?

Самые таинственные предметы и образы связаны с именем Соломона. Самые оккультные из птиц считаются удоды, и эта птичка также связана легендой с царем Соломоном.

Охраняли удоды покой царя Соломона во время его великих трудов, и, вернувшись от трудов, царь спросил птичек, что они хотели бы получить в награду. Птички сказали: «Дай нам, царь, золотые короны твои, они так прекрасны, и мы не видели ничего более чудесного, как ты, когда надеваешь свою корону».

Царь улыбнулся и сказал: «Птички, но ведь тяжела корона моя, как же можете вы желать возложить на себя такое бремя!» Но птички продолжали просить о коронах, и царь велел своему златоковачу сделать маленькие короны по образцу царской, и эти короны были прикреплены на головы птичек. Но не успел пройти самый короткий срок, как птички снова слетелись к царю, и устало поникли под золотыми коронами их головки.

Они просили: «Царь, освободи нас от корон. Прав ты был, мудро предупреждая нас! Что мы можем знать, мы малые! Можем ли мы знать, что за блеском и очарованием скрывается тягота, — освободи нас, царь».

Царь сказал: «Видите, неразумные, к чему привело ваше стремление к бремени. Хорошо, будь по-ва-

шему, будут сняты короны золотые — но пусть вы носите всегда на себе воспоминание о неразумном стремлении вашем к короне. Отныне носите корону из перьев, она не отяготит вас, ибо она будет только короною того тайного царства, о котором вы знали, служа труду моему». И так птица удад — самая оккультная птица, которая знает многие тайны, — носит корону из перьев. Если удад провожает караван или лодку, люди говорят — это к доброму пути; птица царя Соломона знает что делает.

И другие животные служили царю. Мусульманин, пришедший в Кашмир с караваном через афганскую границу, знает, что Великому Соломону даже муравьи помогали строить храм. От великих джиннов, духов воздуха и огня, до муравьев — все служило строению.

В неустанной молитве царь Соломон безостановочно управлял силами природы для создания чудесного храма. Когда истощились силы царя и он знал, что приблизилось время отхода в другой мир, он оставил завет джиннам и без него докончить постройку. Но буйные стихийные духи дали ответ, что они повинуются лишь царю Соломону здесь, на земле, и без него они свободны от заклятия. И укрепился духом царь Соломон и, опершись на посох, он остался в храме, призывая все силы к работе. Тут же и отошел он, но тело его осталось неподвижным и непреклонным, чтобы не отлетели буйные джинны. И никто из живущих и никто из джиннов не знал, что ставший на молитву царь уже отошел.

И страшились все подойти к неподвижному Владыке и напрягали все усилия довершить строение. И окончен храм, но Владыка недвижим. Кто же решился нарушить его устремление? Но самый меньший из сотрудников царя — муравей начал подтачивать царский посох, и когда было переточено дерево, пало тело царя и все увидели, что дух его отошел, но остался Великий храм.

Но не заоблачный Владыка царь Соломон. Он сходит к народу и, подобно другим Владыкам Востока, изменив платье, мешается в толпах, чтобы знать все тайны жизни. Свой перстень с чудесным камнем, в котором была заложена основа мира, царь Соломон оставляет на хранение жене своей, царице Египта. Но хитер и искусен египетский жрец, прибывший с царицей. Он меняет голос и облик и под видом царя овладевает перстнем. А сам Владыка обречен на долгие годы скитания, пока снова истина не восстановлена. Так все необыкновенное, необычайное связывают народы Востока с царем Соломоном. Он восходил на горы — он спускался под землю, он встречал царей и исчезал в народных толпах. В старом царстве уйгуров, где теперь живут благоверные мусульмане, имя Соломона мешается и с царем Александром и с великим Акбаром. Иногда вы узнаете те же сказания, которые украшают и царя и собирателя Индии.

«Кажется, то же самое говорят и про Акбара, названного Великим?»

Старый седобородый мусульманин в зеленой

чалме, совершивший покаяние в Мекке, наклоняет голову: «Оба Владыки были мудры и велики. Когда видите две снеговые горы, как решитесь сказать их отличие? Они обе сверкают под одним солнцем, и приблизиться к ним обоим одинаково трудно. Кто же решился бы приписать одному Владыке то, что, может быть, принадлежит им обоим? Правда, Владыка Акбар не выходил за пределы Индии. Он укреплял ее, оставаясь внутри ее, и мы не знаем, которые джинны служили ему. О царе же Соломоне все знают, что он летал по всему свету и учился правде во всех странах, и даже он был на далеких звездах. Но кто же может снизу судить о двух снеговых вершинах. Мы даже надеваем темные очки, чтобы защитить наши слабые глаза от их блеска».

На горе Мориа сокровищница Соломона. Но не только во храмах мудрые Соломоновы знаки. По указаниям Библии открыл инженер Хаммон в Родезии богатейшие рудники Соломона. И Соломонова звезда сохранила для математиков ценнейшие соображения.

«И это пройдет!» Так ободрил мятущееся человечество царь Соломон. И вечна в красоте своей «Песнь песней».

ГРИМР-ВИКИНГ

Гримр, викинг, сделался очень стар. В прежние годы он был лучшим вождем и о нем знали даже в дальних странах. Но теперь викинг не выходит уже

в море на своем быстроходном драконе. Уже десять лет не вынимал он своего меча. На стене висит длинный щит, кожей обитый, и орлиные крылья на шлеме покрыты паутиной и сырою пылью.

Гримр был знатный человек. Днем на высоком крыльце сидит викинг, творит правду и суд и мудрым оком смотрит на людские ссоры. А к ночи справляет викинг дружеский праздник. На дубовых столах стоит хорошее убранство. Дымятся яства из гусей, оленей, лебедей и другой разной снеди.

Гримр долгое темное время проводит с друзьями. Пришли к нему разные друзья. Пришел из Медвежьей Долины Олав Хаки с двумя сыновьями. Пришел Гаральд из рода Мингов от Мыса Камней. Пришел Эйрик, которого за рыжие волосы называют Красным. Пришли многие храбрые люди и пировали в доме викинга.

Гримр налил в ковш меду и подал его, чтобы все пили и каждый сказал бы свою лучшую волю. Все говорили разное. Богатые желали почета. Бедным хотелось быть богатыми. Те, которые были поглупее, просили жизни сначала, а мудрые заглядывали за рубеж смерти. Молодые хотели отличиться в бою, им было страшно, что жизнь пройдет в тишине без победы.

Гримр взял ковш самый последний, как и подобает хозяину, и хотел говорить, но задумался и долго смотрел вниз, а волосы белой шапкой легли на его лоб. Потом викинг сказал:

— Мне хочется иметь друга, хоть одного верного Друга!

Тогда задвигались вокруг Гримра его гости, так что закрипели столы, все стали наперерыв говорить:

— Гримр, — так говорил Олав, который пришел из Медвежьей Долины, — разве я не был тебе другом? Когда ты спешил спасти жизнь твою в изгнании, кто первый тебе протянул руку и просил короля вернуть тебя? Вспомни о друге!

С другой стороны старался заглянуть в глаза Гримра викинг Гаральд и говорил, а рукой грозил:

— Эй, слушай, Гримр! Когда враги сожгли усадьбу твою и унесли казну твою, у кого в то время жил ты? Кто с тобой строил новый дом для тебя? Вспомни о друге!

Рядом, как ворон, каркал очень старый Эйрик, прозвищем Красный:

— Гримр! В битве у Полуночной Горы кто держал щит над тобой? Кто вместо тебя принял удар? Вспомни о друге!

— Гримр! Кто спас от врагов жену твою? Вспомни о друге!

— Слушай, Гримр! Кто после несчастного боя при Тюленьем заливе первый пришел к тебе? Вспомни о друге!

— Гримр! Кто не поверил, когда враги тебя клеветали? Вспомни! Вспомни!

— Гримр, ты сказал неразумное слово! Ты, уже седой и старый, много видал в жизни! Горько слышать, как забыл ты о друзьях, верных тебе даже во времена твоего горя и несчастий.

Гримр тогда встал и так начал:

— Хочу я сказать вам. Помню я все, что вы сделали мне; в этом свидетелями называю богов. Я люблю вас, но теперь вспомнилась мне одна моя очень старинная дума, и я сказал невозможное слово. Вы товарищи мои, вы друзья в несчастьях моих, и за это я благодарю вас. Но скажу правду: в счастье не было у меня друзей. Не было их и вообще, их на земле не бывает. Я был очень редко счастливым; даже нетрудно вспомнить, при каких делах.

Был я счастлив после битв с датчанами, когда у Лебединога мыса мы потопили его датских ладей. Громко трубили рога; все мои дружинники запели священную песню и понесли меня на щите. Я был счастлив. И мне говорили все приятные слова, но сердца друзей молчали.

У меня не было друзей в счастье.

Был я счастлив, когда король позвал меня на охоту. Я убил двенадцать медведей и спас короля, когда лось хотел бодать его. Тогда король поцеловал меня и назвал меня лучшим мужем. Все мне говорили приятное, но не было приятно на сердце друзей.

Я не знаю в счастье друзей.

Ингерду, дочь Минга, все называли самую лучшею девою. Из-за нее бывали поединки, и от них умерло немало людей. А я женою привел ее в дом мой. Меня величали, и мне было хорошо, но слова друзей шли не от сердца.

Не верю, есть ли в счастье друзья.

В Гуле на вече Один послал мне полезное слово.

Я сказал это слово народу, и меня считали спасителем, но и тут молчали сердца моих друзей.

При счастье никогда не бывает друзей.

Я не помню матери, а жена моя была в живых недолго. Не знаю, были ли они такими друзьями. Один раз мне пришлось увидеть такое. Женщина кормила бледного и бедного ребенка, а рядом сидел другой — здоровый, и ему тоже хотелось поест. Я спросил женщину, почему она не обращает внимания на здорового ребенка, который был к тому же и пригож.

Женщина мне ответила: «Я люблю обоих, но этот больной и несчастный».

Когда несчастье бывает, я, убогий, держусь за друзей. Но при счастье я стою один, как будто на высокой горе. Человек во время счастья бывает очень высоко, а наши сердца открыты только вниз. В моем несчастье вы, товарищи, жили для себя.

Еще скажу я, что мои слова были невозможными, и в счастье нет друга, иначе он не будет человеком.

Все нашли слова викинга Гримра странными, и многие ему не поверили.

1899

МАРФА-ПОСАДНИЦА

По Мете, красивой, стоят городища. На Тверской стороне во Млеве был монастырь. Слышно, в нем скрывалась посадница Марфа. В нем жила четырнадцать лет. В нем и кончилась.

Есть могила Марфы во Млеве. Тайно ее там схоронили. Уложили в цветной кафельный склеп. Прятали от врагов. Так считают. Уже сто лет думают так, и склеп не открыт до сих пор.

Чудеса творятся у могилы Марфы. С разных концов новгородской земли туда идет народ. Со всеми болезнями, со всеми печальями. И помогает Марфа.

Является посадница в черной одежде с белым платком на голове. Во сне является недугующим и посылает на могилу свою. Идут. Молятся. И выздоравливают.

Марфа-заступница! Марфа-помощница всем новгородцам! Лукавым, не исполнившим обещания, Марфа мстит. Насыляет печаль еще горшую.

В старую книгу при млевской церкви иереи вписали длинный ряд чудес Марфы. Простодушно вписали вместе с известиями об урожаях, падежах, непогодах.

С Тверской стороны не являются на могилу Марфы. Обаяние ее туда не проходит. К посаднице идут только от новгородских пятин. Идут, почему — не знают. Служат молебны. Таинственный атавизм ведет новгородцев ко млевской могиле.

Когда речь идет о национализме искусства, вспоминаю этот путь новгородцев. Мы мало различаем чванный пестрый национализм от мистики атавизма. Пустую оболочку — от внутренних нитей. Мешаются часто последовательности, племенная и родовая.

Уже не смеемся, а только не доверяем перево-

площению. С недоумением подбираем «странные» случаи. Иногда страшимся их. Уже не бросаем их в кучу, огулом. То, что четверть века назад было только смешно, теперь наполняется особым значением.

Новые границы проводятся в искусстве. Пестрый маскарад зипуна и мурمولки далеко отделяется от красот старины в верном их смысле. Привязные бороды остаются на крюках балагана.

Перед истинным знанием отпадут грубые предрассудки. Новые глубины откроются для искусства и знания. Именно атавизм подскажет, как нужно любить то, что прекрасно для всех и всегда. Чарами атавизма открывается нам лучшее из прошлого.

Заплаты бедности, нашивки шутовские нужно суметь снять. Надо суметь открыть в полном виде трогательный облик человеческих душ. Эти образы смутно являются во сне, — вехи этих путей наяву трудно открыть.

Время строить сущность земли. Под землю не спрятать того, что нужно народу. Незнаемый никем склеп Новгород помнит. Славит хозяйку. Тайком служит молебен.

Марфа, сильная духом, нам помоги.

1906

СТАРИННЫЙ СОВЕТ

В одной старинной итальянской рукописи — кажется, пятнадцатого столетия — начальные страницы и все украшения книги были вырваны благород-

ною рукою любителя библиотек, — простодушно рассказывается о том, как пришел ученик к учителю-живописцу Сано ди Пьетро за советом о своей картине.

Учитель трудился над спешной работой и не мог прийти на зов ученика, начавшего самостоятельно картину «Поклонение волхвов» для небольшой сельской церкви Сиенского округа.

Учитель сказал:

— Мой милый, я дал слово настоятелю Монтефалько не покидать своего дома, пока не закончу заказанное им «Коронование Пресвятой Девы». Но скажи, в чем сомнения твои. Я боюсь, не слишком ли долго проработал ты у меня, — что теряешься теперь перед своей работой.

— Почтенный учитель, — сказал ученик, — картина моя сложна, и трудно мне сочетать отдельные части ее. Как лучше писать темную оливковую рошу на красноватом утесе вдаль? Видны ли там стволы деревьев и насколько отчетлив рисунок листвы?

— Мой милый, пиши так, как нужно тебе.

— Плащ Богородицы полон золотого рисунка. Лучше ли перебить его мелкими складками или навести рисунок в больших плоскостях?

— Сделай его так, как нужно тебе.

— Почтенный учитель, ты слишком занят превосходной работой своей, я лучше помолчу до времени ближайшего отдыха.

— Мой милый, я не думаю отдыхать скоро, а тебе нельзя терять время, если в картине твоей так мно-

го неоконченного. Я все слышу и отвечаю тебе, хотя и с некоторым удивлением.

— Головы воинов, сопровождающих царей, многочисленны; найти ли для них общую линию или дать каждую голову и из частей получить абрис толпы?

— Просто сделай так, как тебе нужно.

— Я сделал кусты на дальних полях и полосами струи реки, но захотелось дать их отчетливо, как только иногда видит свежий глаз. Захотелось в воде увидеть волны и челнок на них и даже весло в руках гребца. Но ведь это вдали?

— Нет ничего проще: сделай так, как нужно.

— Учитель, мне делается страшно. Может быть, все-таки скажешь мне, стоит ли короны царей сделать выпуклыми или только для венцов оставить накладное золото?

— Положи золото там, где нужно.

— Мне приходит в мысль, не сделать ли на ягнятах волокна шерсти. Положим, они почти не видны, но вспомни, какие шелковистые, мягкие пряди лежат на ягнятах, так и хочется сделать их тонкой кистью, но в общей картине они почти не видны.

— Делай их так, как нужно.

— Учитель, я не вижу в ответах твоих совета моему делу. Я знаю, что все должно быть так, как нужно, но как нужно — затемнилось у меня сейчас.

— Скажи, ставил ли тебе какие-нибудь условия работы отец Джиованни?

— Кроме срока, никаких условий. Он сказал:

«Бенвенуто, напиши хорошее изображение «Поклонение трех волхвов Пресвятому Младенцу», и я заплачу тебе десять дукатов из монастырских сумм». Потом назначил срок работы и размеры доски. Но во время работы являлись мне разные мысли от желания сделать лучшее изображение. И к тебе, учитель, по-прежнему обратился я за добрым советом. Скажи, что же значит «как нужно»?

— Как нужно — значит, все должно быть так, как хорошо.

— Но как же так, как хорошо?

— Несчастный непонятливый Бенвенуто, о чем мы всегда с тобой говорили? Какое слово часто повторял я тебе? Так, как хорошо, может значить лишь одно — так, как красиво.

— А как красиво?

— Бенвенуто, выйди за двери и иди к сапожнику Габакуку и скажи: возьми меня мять кожи, я не знаю, что такое «красиво». А ко мне не ходи и лучше не трогай работы своей.

После этой истории в рукописи идет сообщение о рецептах варки оливкового масла и об употреблении косточек оливы. Затем еще рассказ о пизанском гражданине Чирилли Кода, погребенном заживо. Но два последних рассказа для нас интереса не представляют.

ВЕЛИКИЙ КЛЮЧАРЬ

Вот почему ночью летают светлые мушки.

Грешные души от земли хотели подняться. Хотели найти ворота райские, и воззвали души к великому ключарю, апостолу:

— Отец ключарь! Хотим идти к воротам твоим! Темно нам, пути не найти!

Ответил сверху апостол:

— Вижу вас, жалкие! Вижу вас, темные! Вот стою я. Светлы ворота мои, это вы, темные, идете во мраке.

Плакались души внизу:

— Отец ключарь! Петр-апостол! Света нет у нас. Темны пути наши. Дай нам светочи, с ними увидим тебя. Пустынно в полях и холодные камни.

— Неразумные! Чего к земле приникаете? Оставьте пути темные. Идите путями верхними.

— Света, света дай нам. Хоть одну искру дай нам. Темно, и не знаем мы, где идти нам наверх.

И сказал последнее апостол:

— Малые, малейшие, не знаете, что затемнило путь ваш. Дам вам светочи; светите себе, но нет темной дороги в светлые страны. Просите светоча, но светоч не есть свет.

Так дал великий ключарь светочи грешным душам, и ночью видят их даже люди.

И летают быстро, идут в ворота Рая грешные души. И летают вечно, и есть у них светочи.

ЛЮТ-ВЕЛИКАН

На роге Крикуне под красным бором,
На озере жил Лют-Великан,
Очень сильный, очень большой, только
добрый.

Лютый зверье гонял,
Борода у Люта —
На семь концов.
Шапка на Люте —
Во сто песцов.
Кафтан на Люте —
Серых волков.
Топор у Люта —
Красный кремень.
Копье у Люта —
Белый кремень.
Стрелы у Люта черные,
Приворотливые.
Лютовы братаны за озером жили.
На горе-городке избу срубили.
С Крикуна рога братанам кричал,
Перешептывал.
Брату за озеро топор подавал.
Перекидывал.
С братом за озером охотой
Ходил;
С братом на озере невод
Тащил;
С братом за озером пиво

Варил;
Смолы курил, огонь добывал,
Костры раздувал, с сестрою гулял,
Ходил в гости за озеро.
Шагнул, да не ладно —
Стал тонуть;
Завяз великан Лют
По пояс.
Плохо пришлось.
Собака скакнула за ним —
Потонула.
Некому братанов посетить.
Не видать никого и на день ходьбы.
Озеро плескает.
Ветер шумит.
Осокою сама смерть идет.
Заглянул великан под облако.
Летит нырь.
Крикнул великан:
«Видишь до воды?» —
«Вижу-у», — ответ дает.
«Скажи братанам:
«Тону-у, тону-у!» Летит нырь далеко.
Кличет нырь звонко:
«Тону-у, тону-у!»
Не знает нырь,
Что кричит про беду.
Не беда нырю на озере.
Озеро доброе.
Худо нырю от лесов,

От полей.
Братаны гогочут,
Ныря не слышат.
Лося в трясине загнали.
Пришли братаны,
А Лют утонул.
Сложили могилу длинную,
А для собаки круглую.
Извелась с тоски Лютова сестра
За озером.
Покидали великаны горшки
В озеро.
Схоронили топоры под кореньями.
Бросили жить великаны в нашем
Краю.
Живет нырь на озере
Издавна.
Птица глупая. Птица
Вещая.
Перепутал нырь клики
Великановы.
На ведро кричит:
«Тону-у, тону-у!»
Будто тонет, хлопает
Крыльями.
Под ненастье гогочет:
«Го-го, Го-го».
Над водою летит, кричит:
«Вижу-у!»
Знает народ Люто озеро,

Знает могилы длинные,
 Длинные могилы великановы.
 А длина могилам — тридцать сажений.
 Помнят великанов плесы озерные.
 Знают великанов пеня дубовые.
 Великаны снесли камни на могилы.
 Как ушли великаны, помнит народ.
 Повелось исстари так,
 Говорю: было так.

1908

ДЕВАССАРИ АБУНТУ

Так поют про Девассари Абунту.

Знала Абунту, что сказал Будда про женщин Ананде, и уходила она от мужей, а тем самым и от жен, ибо где мужи, там и жены. И ходила Абунту по долинам Рамны и Сокки и в темноте только приходила в храм. И даже жрецы мало видели и знали ее. Так не искушала Абунту слов Будды.

И вот сделалось землетрясение. Все люди побежали, а жрецы наговорили, что боги разгневались. И запрятались все в погребах и пещерах, и стало землетрясение еще сильнее, и все были задавлены. И правда, удары в земле были ужасны. Горы тряслись. Стены построек сыпались и даже самые крепкие развалились. Деревья поломались, и, чего больше, реки побежали по новым местам.

Одна только Девассари Абунту осталась в доме и не боялась того, что должно быть. Она знала, что

вечному Богу гнев недоступен, и все должно быть так, как оно есть. И осталась Девассари Абунту на пустом месте, без людей.

Люди не пришли больше в те места. Звери не все вернулись. Одни птицы прилетели к старым гнездам. Научилась понимать птиц Девассари Абунту. И ушла она в тех же нарядах, как вышла в долину, без времени, не зная места, где живет она. Утром к старому храму собирались к ней птицы и говорили ей разное: про умерших людей, части которых носились в воздухе. И знала Абунту многое занимательное, завершенное смертью, неизвестное людьми.

Если солнце светило очень жарко, летали над Девассари белые павы, и хвосты их сверкали, и бросали тень, и трепетаньем нагоняли прохладу. Страшные другим, грифы и целебесы ночью сидели вокруг спящей и хранили ее. Золотые фазаны несли лесные плоды и вкусные корни. Только не знаем, а служили Абунту и другие птицы — все птицы.

И Девассари Абунту не нуждалась в людях. Все было ей вместо людей: и птицы, и камни, и травы, и все части жизни. Одна она не была. И вот слушайте изумительное: Абунту не изменилась телом, и нрав ее оставался все тот же. В ней гнева не было; она жила и не разрушалась.

Только утром рано прилетели к Девассари лучшие птицы и сказали ей, что уже довольно жила она и время теперь умереть. И пошла Абунту искать камень смерти. И вот приходит в пустыню, и лежат на ней многие камни, темные. И ходила между ни-

ми Абунту и просила их принять ее тело. И поклонилась до земли. И так осталась в поклоне, и сделалась камнем.

Стоит в пустыне черный камень, полный синего огня. И никто не знает про Девассари Абунту.

1904

ЛАКШМИ-ПОБЕДИТЕЛЬНИЦА

На восток от горы Зент-Лхамо, в светлом саду живет благая Лакшми, богиня Счастья. В вечной работе она украшает свои семь покрывал успокоения — это знают все люди. Все они чтут богиню Лакшми.

Боятся все люди сестру ее Сиву Тандаву, богиню Разрушения. Она злая, и страшная, и гибельная.

Но вот идет из-за гор Сива Тандава. Злая пожаловала прямо к жилищу Лакшми. Тихо подошла злая богиня и, усмирив голос свой, позвала Лакшми.

Отложила благая Лакшми свои драгоценные покрывала и пошла на зов. А за нею идут светлые девушки с полными грудями и круглыми бедрами.

Идет Лакшми, открыв тело свое. Глаза у нее очень большие. Волосы очень темные. Запястья на Лакшми золотые. Ожерелье — из жемчуга. Ногти янтарного цвета. Вокруг груди и плечей, а также на чреве и вниз до ступней разлиты ароматы из особенных трав.

Лакшми и ее девушки были так чисто умыты, как после грозы изваяния храма Абенты.

Все доброе ужаснулось при виде злой Сивы Тандавы. Так ужасна была она даже в смиренном виде своем. Из песьей пасти торчали клыки. Тело было так красно и так бесстыдно обросло волосами, что непристойно было смотреть.

Даже запястья из горячих рубинов не могли украсить Сиву Тандаву; ох, даже думают, что она была и женщиной.

Злая сказала:

— Слава тебе, Лакшми, добрая, родня моя! Много ты натворила счастья и благоденствия. Даже слишком много прилежно ты наработала. Ты настроила города и башни. Ты украсила золотом храмы. Ты расцветила землю садами. Ты — любящая красоту!

Ты сделала богатых и дающих. Ты сделала бедных, но получающих и тому радующихся. Ты устроила мирную торговлю. Ты устроила между людьми все добрые связи. Ты придумала радостные людям отличия. Ты наполнила души людей приятным сознанием и гордостью. Ты — щедрая.

Девушки твои мягки и сладки. Юноши — крепки и стремительны. Радостно люди творят себе подобных. Забывают люди о разрушении. Ошва тебе!

Спокойно глядишь ты на людские шествия, и мало что осталось делать тебе. Боюсь, без труда и заботы утучнеет тело твое, и на нем умрут драгоценные жемчуга. Покроется жиром лицо твое, а прекрасные глаза твои станут коровьими.

Забудут тогда люди принести приятные тебе

жертвы. И не найдешь больше для себя отличных работниц. И смешаются все священные узоры твои.

Вот я о тебе озаботилась, Лакшми, родня моя! Я придумала тебе дело. Мы ведь с тобой близки, и тягостно мне долгое разрушение временем. А ну-ка, давай разрушим все людское строение. Давай разобьем все людские радости. Изгоним все накопленные людьми устройства.

Разорви твои семь покрывал успокоения, и возрадуюсь я, и сразу сотворю все дела мои. И ты возгордишься потом, полная заботы и дела, и вновь спрядешь еще лучшие свои покрывала.

Опять с благодарностью примут люди все дары твои. Ты придумаешь для людей столько новых забот и маленьких умыслов, что даже самый глупый почувствует себя умным и значительным. Уже вижу радостные слезы людей, тебе принесенные...

Подумай, Лакшми, родня моя! Мысли мои очень полезны тебе, и мне, сестре твоей, они радостны!

Очень хитрая Сива Тандава! Только подумайте, что за выдумки пришли в ее голову.

Но Лакшми рукой отвергла злобную выдумку Сивы Тандавы. Тогда опять приступила злая богиня, уже потрясая руками и клыками лязгая.

Все предложения Сивы Тандавы отвергла Лакшми и сказала:

— Не разорву для твоей радости и для горя людей мои покрывала. Тонкою пряжею успокою людской род. Соберу от всех знатных очагов отличных работниц. Вышью на покрывалах новые знаки, са-

мые красивые, самые богатые, самые заклятые. И в этих знаках, в образах лучших животных и птиц, пошлю к очагам людей добрые мои заклятия.

Так решила Лакшми. Из светлого сада ушла Сива Тандава ни с чем. Радуйтесь, люди!

Безумствуя, ждет теперь Сива Тандава долгого разрушения временем. В безмерном гневе иногда потрясает она землю, и тогда погибают толпы народов. Но успевает всегда Лакшми набросить свои покрывала покоя, и на телах погибших опять собираются люди. Сходятся в маленьких, торжественных шествиях.

Добрая Лакшми украшает свои покрывала новыми священными знаками.

1908

ЗНАМЕНΙΑ

Из темной кладовки вышел черный человек и прошел на дворовую лестницу. Шел быстро, точно скрывался. Шел какими-то неслышными шагами.

Как он зашел в кладовку? Зачем там был? Куда ушел? Почему шел неслышно?

Не узнать. Не придумать.

В людской зазвонил комнатный звонок. Звонил долго и сильно. А никто не звонил; никто никого не звал.

Почему звонок сам звонил? Никак не узнать.

В комнате тетушки Анны Ивановны завертелась дверная ручка. Завертелась сильно. Несколько раз перевернулась. А никто до нее не дотронулся.

Зачем ручка крутилась, что это значит?

Странно и непонятно.

В столовой в один день прошли семь мышей.

Никогда такого не бывало, а тут сразу семь.

Откуда пришли? Зачем вылезли? Непонятно, но неспроста.

Кухарка вечером вернулась домой в большом страхе. Туман стоял. Шла она по Длинному переулку, а навстречу ей идет белая лошадь. Идет из тумана одна, без человека. Идет, тихо ступает. Шума никакого не слышно. Так и прошла. Ушла в туман.

Откуда — неведомо. Куда — неизвестно. Страшно вспомнить.

Поздно вечером случилось самое страшное: лопнула картина на доске. Висела, висела себе тихо и вдруг с большим треском лопнула прямо через лицо святого Иеронима.

Почему именно вечером лопнула? Это уже совсем плохо.

Весь канун сочельника наполнился непонятными и странными делами. Не только нам, но и прислуге, и всем большим стало ясно, что случится страшное что-то. Даже тетушка Анна Ивановна сказала:

— Не к добру!

В буфетной горничная Даша шептала Анисье Петровне, экономке:

— Дурной шалит! Дай-ка позову доброго — тот мигом все утишит.

Но Анисья Петровна предупредила:

– Не зови! Не поминай! Позвать-то легко, а поди потом убери его. Так-то бывало позовешь, придет легко, по первому голосу, а потом уйти не уходит. На уход надо знать тоже крепкое слово.

Кто он, дурной? Кто он, добрый? Почему кто-то пришедший не уйдет?

Все это было особенно; все это было чудесно.

Говорили мы тихо. Шептали все новые догадки. Новые причины придумывали. Одна другой несбыточней, одна другой красивей.

Все ужасающие возможности были сказаны. Новый звонок, стук или голос наполняли нас трепетом жутким и небывалым.

Садились мы близко друг к другу. Верили, любили и трепетали.

А в постелях, пока не уснули, стало и совсем страшно. И двери в темную комнату стали как-то приотворяться. И пол скрипел под невидимым шагом. И прохладным вихрем тянуло откуда-то. У порога стояло настоящее.

Утром все побледнело. А дядя Миша пришел и стер огневое вечернее слово. Все объяснилось.

Черный человек оказался новым слесарем и ходил неслышно в калошах. Оказалось, кот улегся на кнопку звонка. В дверной ручке испортилась старая пружина. Белая лошадь ушла с каретного двора, и ее скоро поймали. А мыши пришли снизу после отъезда кондитера.

За трещину в картине дядя Миша очень сердился и говорил, что уже три года просил на паркет пере-

ложить картину, иначе она должна была расколоться. За небрежность к картине дядя Миша даже на шумел.

От страхов ничего не осталось. Не пришли ни дурной, ни добрый. Все стало обычным и мирным, и скучным.

После того у нас никогда ничего не бывало. Даже сны прекратились. Знаков особенных нет ни на чем.

Знаменей ждем! Знаменей просим!

1913

ЗАМКИ ПЕЧАЛИ

Идете по замку. Высокая зала. Длинные отсветы окон. Темные скамьи. Кресла.

Здесь судили и осуждали.

Еще зала, большая. Камин в величину быка. Колонны резные из дуба.

Здесь собирались. Решались судить.

Длинные переходы. Низкие дверки в железных заплатах. Высокий порог

Здесь вели заподозренных.

Комната в одно окно. Посередине столб. На столбе железные кольца и темные знаки.

Здесь пытали огнем.

Высокая башня. Узкие окна. Узкая дверка. Своды.

Здесь смотрели врага.

Помещение для караула. Две старые пушки. Горка ядер. Пять алебард. Ободок барабана.

Сюда драбанты кого-то тащили убить.

Ступеньки вниз. На колоннах своды. У пола железные кольца.

Здесь были осужденные.

Подвал. Перекладина в своде. Дверка на озеро. Большой плоский камень.

Последняя постель обреченных.

Двор у ворот. Камни в стенах. Камни на мостовой. В середине столб с кольцом.

Кольцо для шеи презренного.

Молельня. Темный, резной хор. Покорные звери на ручках кресел.

Здесь молились перед допросом.

Тесная ниша. Длинное окошко в залу совета. Невидимое око, тайное ухо.

Здесь узнавали врагов.

Исповедальня. Черный дуб. Красная с золотом тафтяная завеса.

Через нее о грехе говорили.

Малая комната. Две ступени к окну. Окно на озеро. Темный дорожный ларец. Ларец графини.

Около него не слышно слова печали.

Не в нем ли остались искры радости или усмешка веселья?

Или и в нем везли горе?

Все, что не говорит о печали, слезы выели из серого замка.

Проходила ли радость по замку?

Были в нем веселые трубы. Было твердое слово чести. Было познание брака.

Все это унесло время.

Долго стоят по вершинам пустые серые замки.

И время хранит их смысл.

Что оставит время от наших дней? Проникнуть не можем. Не знаем.

Если бы знали, может быть, убоялись.

СОН

Перед войной сны были.

Едем полем. За бугром тучи встают. Гроза. Сквозь тучу стремглав молнией в землю уперся огненный змей. Многоглавый.

Или: едем серую равниною. Холм высокий темнеет. Смотрим, не холм, а змей серый клубком завился.

Еще задолго были заклятия. Заклинали землей и водой лихих. Заклинали кривду. Заклинали и зверем и птицею. Заклинали землей и водой. Не помогло. Выползли гады.

Потом были знамения. Не усмотрели их. Не поверили. Не додумались. Толпой топтали.

И проснулся змей. Поднялся враг рода человеческого. Пытался злословно мир покорить. Города порушить. Осквернить храмы. Испепелить людей и строения. Поднялся себе на смерть.

Были заклятия. Были знамения. Остались сны. Сны, которые сбываются. Лег ночь переспать.

Думал: увижу волхвов великих. Хотел посмотреть, что у них в тороках увязано. Какою они едут дорогою. Чтобы показали куда и откуда.

Но не показали волхвы. Верно, рано еще. Не выехали.

Показались двое других.

Один — средовек, в старой синей рубахе. В кафтане темном, тоже ветхом. Волосы длинноватые. В деснице — три кочерги. Держит их концами вверх. Замечайте — вверх!

Прокопий праведный — тот, что увел тучу каменную от Устюга Великого. Тот, что за неведомых молился.

А другой — белый и старый, с мечом и со градом.

Конечно, Никола-святитель!

Вместо волхвов со звездой эти пришли.

Прокопий говорит:

«Не удаляйтесь Земли. Земля красная злом раскаленная. Но жар зла питает корни Древа, а на нем свивает Добро преблагое гнездо свое. Принимайте труд на земле. Восходите к океану небесному, нам темному.

Берегите благое Древо: на нем Добро живет. Земля есть источник горя, но из горя вырастают радости. Высший всех знает время радостей ваших.

Не удаляйтесь Земли. Посидим, о дальних странствующих подумаем».

Другой, седоватый, меч поднял: а к нему люди продвинулись. Много их выступило:

Никола милостивый! Ты — чудотворец! Ты — могучий! Ты — святитель! Ты — воинствующий!

Ты — сердца побеждающий! Ты — водитель мыслей истинных! Силы земные ты знающий!

Ты — меч хранящий! Ты — городам заступник!
Ты — правду зрящий! Слышишь, владыко, моления?

Злые силы на нас ополчились. Защити, владыко,
пречистый град! Пречистый град — врагам озлобле-
ние!

Прими, владыко, прекрасный град! Подвигай, от-
че, священный меч! Подвигни, отче, все воинство!

Чудотворец! Яви грозный лик! Укрой грады свя-
тым мечом! Ты можешь! Тебе сила дана!

Мы стоим без страха и трепета.

ЦАРИЦА НЕБЕСНАЯ

(Стенопись Храма Св. Духа в Талашкине)

Высоко проходит небесный путь. Протекает ре-
ка жизни опасная. Берегами каменистыми гибнут
путники неумелые, не знающие различить, где доб-
ро, где зло.

Милосердная Владычица Небесная о путниках
темных возмыслила. Всеблагая на трудных путях на
помощь идет. Ясным покровом хочет покрыть люд-
ское все горе, греховное.

Из светлого града. Из красной всех ангельских
сил обители Преблагая воздымается. К берегу реки
жизни Всесвятая приближается. Собирает святых
кормчих Владычица, за людской род возносит мо-
ленья.

Трудам Царицы ангелы изумляются. Из тверды-
ни потрясенные сонмы подымаются. Красные, пре-
красные силы в подвиге великом утверждают.

Трудным гласом Владычице славу поют. Из-за твердых стен поднялись Архангелы. Херувимы, серафимы окружают Богородицу. Власти, Престолы, Господствия толпами устремляются. Приблизились начала, тайну образующие.

Духу Святому, Господу Великому передаст Владычица моления. О малых путников вразумлении, о Божьих путей посещениях, о спасении, заступлении, всепрощении. Подай Господи, Великий Дух.

Подымается к тебе мольба великая. Богородицы моление пречистое. Вознесем Заступнице благодарение. Возвеличим и мы Матерь Господа: «О Тебе радуется, Благодатная, всякая тварь».

МИФ АТЛАНТИДЫ

Атлантида — зеркало солнца. Не знали прекрасней страны. Вавилон и Египет дивились богатству атлантов. В городах Атлантиды, крепких зеленым нефритом и черным базальтом, светились, как жар, палаты и храмы. Владыки, жрецы и мужи, в золототканых одеждах, сверкали в драгоценных камнях. Светлые ткани, браслеты, и кольца, и серьги, и ожерелья жен украшали, но лучше камней были лица открытые.

Чужестранцы плыли к атлантам. Мудрость их охотно все славил. Преклонялись перед владыкой страны.

Но случилось предсказание оракула. Священный корабль атлантам привез великое вещее слово:

— Встанут волны горою. Море покроеет страну Атлантиду. За отвергнутую любовь море отомстит.

С того дня не отвергали любовь в Атлантиде. С любовью и лаской встречали плывущих. Радостно улыбались друг другу атланты. И улыбка владыки отражалась в драгоценных, блестящих стенах дворцовых палат. И рука тянулась навстречу с приветом, и слезы в народе сменялись тихой улыбкой. И забывал народ власть ненавидеть. И власть забывала кованный меч и доспех.

Но мальчик, сын владыки, особенно всех удивлял. Само солнце, сами боги моря, казалось, послали его на спасенье великой страны.

Вот он был добр! И приветлив! И заботлив о всех! Были братья ему великий и малый. Для каждого жило в нем доброе слово. Про каждого помнил он его лучший поступок. Ни одной ошибки он точно не помнил. Гнев и грубость увидеть он точно не мог. И перед ним укрывалось все злое, и недавним злодеям хотелось стать навсегда добрыми, так же, как он.

За ним шел толпой народ. Взгляд его всюду встречал лишь лица, полные радости, ждущие улыбку его и доброе, мудрое слово. Вот уж был мальчик! И когда почил в этой жизни владыка-отец и отрок, туманный тихой грустью, вышел к народу, все, как безумцы, забыли про смерть и гимн хвалебный запели владыке желанному. И ярче цвела Атлантида. А египтяне назвали ее страной любви.

Долгие тихие годы правил светлый владыка. И лучи его счастья светили народу. Вместо храма народ стремился к владыке. Пел: «Он нас любит.

Без него мы — ничто. Он — наш луч, наше солнце, наше тепло, наши глаза, наша улыбка. Слава тебе, наш любимый!» В трепете восторга народа дошел владыка до последнего дня. И начался день последний, и бессильный лежал владыка, и закрылись глаза его.

Как один человек встали атланты, и морем сплошным залили толпы ступени палат. Отнесли врачей и постельничих. К смертному ложу приникли и, плача, вопили: «Владыко, взгляни! Подари нам хоть взгляд твой. Мы пришли тебя отстоять. Пусть наше, атлантов, желанье тебя укрепит. Посмотри — вся Атлантида собралась к дворцу твоему. Тесной стеной мы встали от дворца и до моря, от дворца до утесов. Мы, желанный, пришли тебя удержать. Мы не дадим тебя увести, всех нас покинуть. Мы все, вся страна, все мужи и жены и дети. Владыко, взгляни!»

Рукой поманил владыка жреца, и хотел сказать последнюю волю, и всех просил выйти хоть на короткое время.

Но атланты остались. Сплотились, в ступени постели вросли. Застыли и немые и глухи. Не ушли.

Тогда приподнялся на ложе владыка и, обратя к народу свой взгляд, просил оставить его одного и позволить ему сказать жрецу последнюю волю. Владыка просил. И еще раз напрасно владыка просил. И еще раз они были глухи. Они не ушли. И вот случилось тогда. Поднялся владыка на ложе и рукой хотел всех отодвинуть. Но молчала толпа и ловила взгляд любимый владыки.

Тогда владыка сказал:

— Вы не ушли? Вы не хотите уйти? Вы еще здесь? Сейчас я узнал. Ну, я скажу. Скажу одно слово мое. Я вас ненавижу. Отвергаю вашу любовь. Вы отняли все от меня. Вы взяли смех детства. Вы ликовали, когда ради вас остался я одиноким. Тишину зрелых лет вы наполнили шумом и криком. Вы презрели смертное ложе...

Ваше счастье и вашу боль только я знал. Лишь ваши речи ветер мне доносил. Вы отняли солнце мое! Солнца я не видал; только тени ваши я видел. Дали, синие дали! К ним вы меня не пустили... Мне не вернуться к священной зелени леса... По травам душистым уже не ходить... На горный хребет мне уже не подняться... Излучины рек и зеленых лугов уже мне не видеть... По волнам уже не носиться... Глазом уже не лететь за кречетом быстрым... В звезды уже не глядеться... Вы победили... Голоса ночные слышать я больше не мог... Веления Бога стали мне уже недоступны... А я ведь мог их узнать... Я мог почуять свет, солнце и волю... Вы победили... Вы все от меня заслонили... Вы отняли все от меня... Я вас ненавижу... Вашу любовь я отверг...

Упал владыка на ложе. И встало море высокой стеной и скрыло страну Атлантиду.

СТРАХИ

Стояли дубы. Краснели рудовые сосны. Под ними в заросших буграх тлели старые кости. Желтели, блестели цветы. В овраге зеленела трава. Закапало солнце.

На поляну вышел журавль и прогорланил:

— Берегись, берегись! — И ушел за опушку. Наверху зашумел ворон:

— Конец, конец.

Дрозд на осине орал:

— Страшно, страшно.

И иволга просвистела:

— Бедный, бедный.

Высунулся с вершинки скворец, пожалел:

— Пропал хороший, пропал хороший.

И дятел подтвердил:

— Пусть, пусть.

Сорока трещала:

— А пойти рассказать, пойти рассказать.

Даже снегирь пропищал:

— Плохо, плохо.

И все это было. С земли, с деревьев и с неба свистели, трещали, шипели.

А у Дивьего Камня за Медвежьим оврагом неведомый старик поселился. Сидел старик и ловил птиц ловушками хитрыми. И учил птиц большими трудами каждую одному слову.

Посылал неведомый старик птиц по лесу, каждую со своим словом. И бледнели путники и робели, услышав страшные птичьи слова.

А старик улыбался. И шел старик лесом, ходил к реке, ходил на травяные полянки. Слушал старик птиц и не боялся их слов.

Только он один знал, что они ничего другого не знают и сказать не умеют.

КЛАДЫ

— От Красной Пожни пойдешь на зимний восход, будет тебе могилка-бугор. От бугра на левую руку иди до Ржавого ручья, а по ручью до серого камня. На камне конский след стесан. Как камень минувешь, так и иди до малой мшаги, а туда пять стволов золота Литвой опущено.

В Лосином бору, на просеке, сосна рогатая не рублена. Оставлена неспроста. На сосне зарубки. От зарубок ступай прямиком через моховое болото. За болотом будет каменистое место, а два камня будут больше других. Стань промеж них в середину и отсчитай на весенний закат сорок шагов. Там золота бочонок схоронен еще при Грозном царе.

Или еще лучше. На Пересне от Князьего Броду иди на весенний закат. А пройдя три сотни шагов, оберни в полгруды да иди тридцать шагов вправо. А будет тут ров старый, а за рвом пневое дерево, и тут клад положен большой. Золотые крестовики и всякий золотой снаряд, и положен клад в татарское разорение.

Тоже хороший клад. На Городище церковь, за нею старое кладбище. Среди могил курганчик. Под ним, говорят, старый ход под землю, и ведет ход в пещерку, а в ней богатства большие. И на этот клад запись в Софийском соборе положена, и владыка новгородский раз в год дает читать ее пришлым людям.

Самое трудное скажу. Этот клад хоронен со смертным зарокон. Коли сумеешь обойти, коли противу страхов пойдешь — твое счастье.

За Великой Гривой в Червонный ключ опущено разбойными людьми много золота; плитой закрыто, и вода спущена. Коли сумеешь воду от земли отвести да успеешь плиту отковать — твое счастье большое.

Много кладов везде захоронено. Говорю — не болтаю. Дедами еще положены верные записи.

Намедни чинился у меня важный человек. Он говорил, а я услышал.

— В подземной Руси, — сказал, — много добра схоронено. Русь берегите.

Сановитый был человек.

Про всякого человека клад захоронен. Только надо уметь клады брать. Неверному человеку клад не дастся. Пьяному клад не взять. Со скоромными мыслями к кладу не приступай. Клад себе цену знает. Не подумай испортить клад. Клады жалеть надо. Хоронили клады не с глупым словом, а с молитвой либо с заклитием.

А пойдешь клад брать, иди смирно. Зря не болтай. На людях не гуляй. Свою думу думай. Будут тебе страхи, а ты страхов не бойся. Покажется что, а ты не заглядывайся. Криков не слушай. Иди себе бережно, не оступайся, потому брать клад — великое дело.

Над кладом работай быстро. Не оглядывайся, а пуще всего не отдыхай. Коли захочешь голос показать, пой тропарь богородичный. Никаких товарищей для кладов никогда себе не бери.

А на счастье возьмешь клад — никому про него не

болтай. Никак не докажи клад людям сразу. Глаз людской тяжелой, клад от людей отвык — иначе опять в землю уйдет. И самому тебе не достанется, и другому его уж труднее взять. Много кладов сами люди испортили, по своему безобразию.

— А где же твой клад, кузнец? Отчего ты свой клад не взял?

— И про меня клад схоронен. Сам знаю, когда за кладом пойду.

Больше о кладах ничего не сказал черный кузнец.

ГОРОДА ПУСТЫННЫЕ

Мир пишется, как ветхий муж
 Повинны человеки устремлением.
 Устремлением возрастают помыслы.
 Помысел породил желание.
 Желание подвигло веление.
 Здание человеческое устремлениями
 сотрясается.
 Не бойся, древний муж!
 Радость и печаль — как река.
 Волны переходят омывающие.

Возвеселился царь:

— Моя земля велика. Мои леса крепки. Мои реки полны. Мои горы ценны. Мой народ весел. Красива жена моя.

Возвеселилась царица:

— Много у нас лесов и полей. Много у нас певчих птиц. Много у нас цветочных трав.

Вошел в палату ветхий муж. Пришлый человек.

Царю и царице поклон дал. Сел в утомлении. Царь спросил:

— Чего устал, ветхий? Видно, долго шел в странствии?

Воспечалился ветхий муж:

— Земля твоя велика. Крепки леса твои. Полны реки твои. Горы твои непроходны. В странствии едва не погиб. И не мог дойти до града, где нагнал бы покой. Мало, царь, у тебя городов. Нам, ветхим, любо градское строение. Любы станы надежные. Любы башни зрящие и врата, велению послушные. Мало, царь, у тебя городов. Крепче окружились стенами владыки соседних стран.

Воспечалился царь:

— Мало у меня городов. Мало у меня надежды стенной. Мало башен имею. Мало врат, чтобы вместить весь народ.

Восплакал царь:

— Муж ветхий! Летами мудрый! Научи зарастить городами всю мою землю великую. Как вместить в стены весь народ?

Возвеселился ветхий муж:

— Будут, царь, у тебя города. Вместишь в стены весь народ. За две земли от тебя живет великанский царь. Дай ему плату великую. Принесут тебе великаны от царя индийского городов видимо-невидимо. Принесут со стенами, с вратами и с башнями. Не жалея наградить царя великанского. Дай ему плату великую. Хотя бы просил царицу, жену твою.

Встал и ушел ветхий. Точно его, прохожего, и не было.

Послал царь в землю великанскую просьбу, докучу великую. Засмеялся смехом великанский мохнатый царь. Послал народ свой к царю индийскому своровать города со стенами, вратами и башнями. Взял плату великанский мохнатый царь немалую. Взял гору ценную. Взял реку полную. Взял целый крепкий лес. Взял в придачу царицу, жену царя. Все ему было обещано. Все ему было отписано.

Воспечалилась царица:

— Ой, возьмет меня мохнатый царь! Ой, в угоду странному мужу, ветхому! Ой, закроют весь народ вратами крепкими. Ой, потопчут городами все мои травы цветочные. А закроют башнями весь надзвездный мир, помогите, мои травы цветочные, — ведомы вам тайны подземные. Ой, несут великаны города индийские, со стенами, вратами и башнями.

Жалобу травы услышали. Закивали цветными макушками. Подняли думу подземную. Пошла под землей дума великая. Думою море вспенилось. Думою леса закачались. Думою горы нарушились, мелким камнем осыпались. Думою земля наморщилась. Пошло небо морщинкой.

Добежала дума до пустынных песков. Возмутила дума пески свободные. Встали пески валами, перевалами. Встали пески против народа великанского.

Своровали великаны города индийские со стенами, вратами и башнями. Повытряхивали из закуток индийский народ. Поклали города на плечи. Шибко назад пошли. Пошли заслужить плату великую своему мохнатому царю.

Подошли великаны к пустынным пескам. Сгрудились пустынные пески. Поднялись пески темными вихрями. Закрыли пески солнце красное. Залегли пески по поднебесью. Как напали пески на великанский народ. Налезли пески в пасти широкие. Засыпали пески уши мохнатые. Залили пески глаза великановы. Одолели пески великанский народ. Покидали великаны города в пустынные пески. Еле сами ушли без глаз, без ушей.

Схоронили пески пустынные города индийские. Схоронили со стенами, воротами и башнями. Видят люди города и до наших дней. А кто принес города в пустынные пески, то простому люду неведомо.

Распустились травы цветочные пуще прежнего.

Поняла царица от цветочных трав, что пропали города индийские. И запела царица песню такую веселую. Честным людям на услышание, Спасу на прославление.

Услыхал песню царь, возрадовался ликованием. И смеялся царь несчастьем великанскому. И смеялся царь городам индийским, скрытым теперь в пустынных песках. Перестал царь жалеть о чужих городах.

Осталась у царя река полная. Осталась гора ценная. Остался у царя весь крепкий лес. Остались у царя травы цветочные да птицы певчие. Остался у царя весь народ. Осталась царица красивая. Осталась песня веселая.

Возвеселился царь.

Ветхий муж к ним не скоро дойдет.

ГРАНИЦА ЦАРСТВА

В Индии было.

Родился у царя сын. Все сильные волшебницы, как знаете, принесли царевичу свои лучшие дары.

Самая добрая волшебница сказала заклятие:

— Не увидит царевич границ своего царства.

Все думали, что предсказано царство, границами безмерное.

Но вырос царевич славным и мудрым, а царство его не увеличилось.

Стал царствовать царевич, но не водил войско отодвинуть соседей.

Когда же хотел он осмотреть границу владений, всякий раз туман покрывал граничные горы.

В волнах облачных устилались новые дали. Клубились облака высокими грядами.

Всякий раз тогда возвращался царь, силой полный, в земных делах мудрый решением.

Вот три ненавистника старые зашептали:

— Мы уstraшаемся. Наш царь полон странной силой. У царя нечеловеческий разум. Может быть, течению земных сил этот разум противен. Не должен быть человек выше человеческого.

Мы премудростью отличенные, мы знаем пределы. Мы знаем очарования.

Прекратим волшебные чары. Пусть увидит царь границу свою. Пусть поникнет разум его. И ограничится мудрость его в хороших пределах. Пусть будет он с нами.

Три ненавистника, три старые повели царя на высокую гору. Только перед вечером достигли вершины, и так все трое сказали заклятие. Заклятие о том, как прекратить силу:

— Бог пределов человеческих! Ты измеряешь ум. Ты наполняешь реку разума земным течением. На черепахе, драконе, змее поплыву. Свое узнаю. На единороге, барсе, слоне поплыву. Свое узнаю. На листе дерева, на листе травы, на цветке лотоса поплыву. Свое узнаю. Ты откроешь мой берег! Ты укажешь ограничение! Каждый знает, и ты знаешь! Никто больше. Ты больше. Чарыними.

Как сказали заклятие ненавистники, так сразу алой цепью загорелись вершины граничных гор. Отвратили лицо ненавистники. Поклонились.

— Вот, царь, граница твоя.

Но летела уже от богини доброго земного странствия лучшая из волшебниц.

Не успел царь взглянуть, как над вершинами воздвигся нежданный пурпуровый град, за ним устлалась туманом еще невиданная земля.

Полетело над градом огневое воинство. Заиграли знаки самые премудрые.

— Не вижу границы моей, — сказал царь.

Возвратился царь духом возвеличенный. Он наполнил землю свою решениями самыми мудрыми.

НЕИСЧЕРПАЕМОСТЬ

Исчерпаемо ли? Истощаемо ли?

В плане физическом, как и все, — истощимо, но в плане духовном — во всем лежит именно неистощимость. И по этой мере, прежде всего, разделяются эти два плана. Если вам говорят, что нечто истощилось, — мы знаем, что это касается чисто внешне-физических обстоятельств.

Творец воображает, что его творчество иссякло, и это будет, конечно, неверно. Просто имеются или возникли какие-то причины, препятствующие творчеству. Может быть, что-то произошло, нарушающее свободное выделение творчества. Но само по себе творчество, раз оно вызвано к деятельности, оно неиссякаемо, точно так же, как непрерывна и ненарушима психическая энергия как таковая.

При современной смятенной жизни это простое обстоятельство иногда приходится напоминать. Люди уверяют, что они устали, сами себе внушают, что творчество их иссякло. Повторяя на всякие лады о трудностях, они, действительно, опутывают себя целою паутиною. В пространстве, действи-

тельно, много перекрещенных губительных тонов. Они могут влиять на физическую сторону явления. Людям же, которые так привыкли строить все в пределах физических, начинает казаться, что эти внешние вторжения убивают и сущность психической энергии. Впрочем, даже и это выражение часто покажется чем-то неопределенным, ибо люди до сих пор редко задумываются по поводу такой основной благословенной энергии, неисчерпаемой, неистощимой, если она осознана.

Вообще вопрос об осязательности очень неясен в человеческом обществе. Каждому приходится слышать, как иногда человек дает совершенно определеннейшие данные, но слушатели невоспитанным вниманием своим скользят поверх них, а затем уверяют, что было дано лишь неприложимо-отвлеченное. Мне самому часто приходилось быть свидетелем, как люди давали показания совершенно определенные и обоснованные, а им на это отвечали — «нельзя ли что-нибудь поближе к делу, определеннее». Такой вопрос лишь показывал, что слушатель вовсе не собирался принять во внимание ему сказанное, он хотел услышать только то, что почему-либо ему хотелось услышать. И под этим самовнушением он иногда не мог даже и оценить всех тех определенных фактов, которые ему сообщались. Ведь так часто люди хотят слышать не то, что есть, а то, что им хочется услышать. «Самый глухой — тот, который не хочет слышать».

Нежелание слышать и видеть порождает не только сугубую несправедливость, но нередко является как бы духовным самоубийством. Человек до такой степени уверит себя в том, что он чего-то не может, до такой степени забудет свою основную энергию, что, действительно, попадает во власть всяких внешних физических и психических вторжений.

Каждый слышал, как некоторые так называемые нервнобольные не могут перейти улицу, или не могут подойти к окну, или, наконец, впадают в ужас подозрительности. Если проследить, как именно начались эти убийственные симптомы, то всегда можно найти маленькое, даже трудно уловимое, начало подавленности психической энергии. Иногда оно будет настолько косвенно затронуту и начнется от чего-то совершенно случайного.

Именно такие случайности могли бы быть вполне отражены, если была бы развиваема внимательность к происходящему вокруг. Ведь эта внимательность помогла бы заметить также, что основная энергия неистощима. Одно это простое, ясное осознание уберегло бы многих от бездны отчаяния и разочарования. Так, страдающий бессонницей иногда найдет причину ее в самом внешнем, реальном обстоятельстве. Также человек поймет, почему издревле сказано, что если трудно себя заставить думать, то еще труднее заставить себя не думать.

Когда человек угашает свой энтузиазм, он это делает тоже в силу каких-либо чисто внешних обстоя-

тельств. Если бы по внимательности он понял, насколько случайны и преходящи эти обстоятельства, то он отмахнулся бы от них, как от назойливой мухи. Но ни в семье, ни в школе детей к внимательности не приучают, а затем впоследствии удивляются, почему человек «из-за кустов леса не видит». Да и часто ли вообще в семьях говорят о сердечном огне, о вдохновении, об энтузиазме? Ведь слишком часто семейное сборище сводится лишь к осудительным и мертвящим обменам колючими словами. Но опять-таки издревле отовсюду доносятся зовы и приказы о хранении в чистоте колодцев вдохновения и творчества как мыслью, так и делом.

«Радж-Агни, так называли тот Огонь, который вы зовете энтузиазмом. Действительно, это прекрасный и мощный Огонь, который очищает все окружающее пространство. Мысль созидающая питается этим Огнем. Мысль великодушная растет в серебряном свете Огня Радж-Агни. Помощь ближнему истекает из этого же источника. Нет предела, нет ограничения крыльям, сияющим Радж-Агни. Не думайте, что Огонь этот загорится в мерзком сердце. Нужно воспитывать в себе умение вызывать источник такого восторга. Сперва нужно уготовить в себе уверенность, что приносите сердце ваше на Великое Служение. Потом следует помыслить, что слава дел не ваша, но Иерархии Света. Затем можно восхититься беспредельностью Иерархии и укрепиться подвигом, нужным всем мирам. Так не для себя,

но в Великом Служении зажигается Радж-Агни. Поймите, что Мир Огненный не может стоять без этого Огня».

5 февраля 1935 г.

Пекин.

ДРУЖЕЛЮБИЕ!

«Архат отдыхает ли? Уже знаете, что отдых есть перемена труда, но истинный отдых Архата есть мысль о Прекрасном. Среди трудов многообразных мысль о Прекрасном есть и мост, и мощь, и поток дружелюбия. Взвесим мысль злобы и мысль блага и убедимся, что мысль прекрасная мощнее. Разложим органически различные мысли и увидим, что мысль прекрасная — сокровищница здоровья. В мышлении прекрасном узрит Архат лестницу восхождения. В этом действенном мышлении есть отдых Архата.

В чем же можем найти иной источник дружелюбия? Так можно вспоминать, когда мы особенно утеснены. Когда повсюду закрываются ставни само-сти; когда гаснут огни во тьме, не время ли помыслить о Прекрасном? Не загрязним, не умалим этот путь! Лишь в нем привлечем то, что кажется чудесным. И чудо не есть ли неразрывная связь с Иерархией? В этой связи и вся физика, и механика, и химия, и вся панацея. Кажется, немногим устремлением можно продвинуть все препятствия, но полнота этого условия непомерно трудна людям! Почему

они отрезали крылья прекрасные?» Так говорит книга «Мир Огненный».

«Все ли здесь?», «Все ли готовы?» — перекликаются дозорные на стенах твердынь. С башен им отвечают: «Всегда готов» — «Бодрствуем во благе!» Поистине следует перекликаться в нынешнее темное время всем, кто мыслит о благе. Через все горы и океаны следует объединенно держаться всем сердцам правды.

В час торжественный как же не объединиться и не послать всем ведомым и неведомым друзьям слово о дружелюбии. Не слабость, не безразличие это дружелюбие. Стремление к правде заложено в нем. Связано с ним желание лучшего преуспевания и беспредрасудочного познания. Может быть, никогда еще мир не нуждался настолько в основе дружелюбия.

«Мир всему живущему». Но путь к этому миру через то дружелюбие, которым должны быть полны сердца наши всегда, во все время дня и ночи, при каждой встрече. Ведь нигде не заповедано «во встречном ищи врага». Наоборот, дружелюбие является тем творящим началом, которое создает обновленную, преображенную жизнь.

Какие множества веков должна была протекать жизнь земная, чтобы опять, в тоске разрушения и утеснения, мы должны вспоминать об оружии света, о панцире дружелюбия. Может быть, это излишне, может быть, земная жизнь протекает в достаточном духовном и телесном благосостоянии? Мо-

жет быть, мы не должны в предрассветный час тосковать сердцем нашим о бедствиях народных?

Но невозможно закрывать глаза на каждодневные сообщения о духовных смятениях, об убийствах тела и духа, о страшных призраках лжи и взаимного поношения. Доходит человечество до предела разложения. Нужно строить, необходимо неотложно предаться тому светлому строению, которое понимается в высоком значении Культуры. Где же те словари добра, где же те высокие начала, которые могут залить благодатью язвы мира, которые так ужасно открылись в дни наши?

Не призрачны эти бедствия. У каждого из нас собралось бесконечное количество сообщений о всевозможных разлагающих ужасах, как в частной, так и в общественной жизни. Само добро, как таковое, начинает казаться многим чем-то отвлеченным, недостижимым, так далеким, что и стремиться к нему будто бы не в силах человеческих.

Но не может быть сомнения об этом вездесущем Благе, когда каждое человеческое сердце знает, что есть дружелюбие. Поверх всяких засорений, нечистот, невежества, клеветничества, предательства каждый, хотя бы и духовно опустошенный, человек, каждый двуногий все-таки знает, что такое улыбка: не улыбка глумления, но благая улыбка дружелюбия. Как же мы можем приступить к рассуждениям и к решениям, если мы не обезвредимся истинным дружелюбием?

Мы должны думать не только о том, что свойст-

венно лишь очень немногим избранным. Учитель Великий шел ко всем. Все заповеди говорят о том, что принадлежит всем. Из простейших начал всем, всем, всем заповедано дружелюбие. В пламенении сердца это дружелюбие претворится и в любовь, в ту самую животворную, чудесно творящую любовь, которая во всем оружии Блага указывает: «Да живет все живущее».

Если бы чье-то сердце еще не могло вместить этот всеобъемлющий завет, то ведь и у него останется простейший, повседневный путь волны жизни дружелюбия. Начатый от семьи, от рода, от близких, путь дружелюбия восходит великой спиралью до самых вышних обителей.

Много говорим о сердце. Но без основного дружелюбия какое же это будет сердце! Даже дикие звери глубоко чувствуют начало дружелюбия. Чем же прежде всего отвращает человек даже самое лютое нападение? Глаз дружелюбия, взор добра останавливает самые зверские когти.

Озарение высоких сердец, их светоносность, зажженная любовью, ведь началась когда-то от такого же повседневного дружелюбия. Началась эта великая сила у того единого костра, к которому сходятся путники пустыни. А разве не путники мы? Разве не обезводили все пустыни духа? Страшно остаться во тьме, безоружным, когда из черной мглы несутся вопли ненависти и взаимоудушения.

Нужен свет. Нужен священный огонь. Нужны оружия света, которые сиянием своим рассеют пол-

чища тьмы и разложения. Первым оружием света, о котором так прекрасно сказано в заповедях всех заветов, будет именно общечеловеческое дружелюбие. Первым качеством этого дружелюбия будет непрестанное творчество, созидательный труд, который вместо тяжких оков каждодневности превратится в сияние творящего праздника.

Эту творящую любовь, это всеобщее дружелюбие хранят дозорные, перекликаясь в час торжественный на стенах твердынь. «Все ли здесь?» «Все ли готовы?»

Меттасутта посылает свой мудрый зов дружелюбия словами:

«Как мать, подвергая опасности жизнь свою, блюдет свое дитя единое, так пусть каждый растит дружелюбную мысль ко всему сущему. Пусть он взрастит в себе желание ко всему миру и дружелюбие и вверху, и внизу, и всюду, неограниченно, без всякой ненависти, без всякой вражды!» (Меттасутта 7, 8).

Гималаи

МЕРА ИСКУССТВА

Успенский говорит:

«Впереди всех других человеческих способов проникновения в тайны природы идет искусство. Ум, оперируя с теми данными, которые он получает от органов чувств и психического аппарата, должен идти через трехмерную сферу и не может идти

иначе, точно так же, как он не может действовать иначе, как через логику. Искусство идет совсем другим путем. Опираясь с эмоциями, с настроениями, с инстинктами и с пробуждающимися интуициями, оно совершенно не стеснено пределами трехмерной сферы, совершенно не должно считаться с законами логики и сразу выводит человека в широкий мир многих измерений.

Поэтому искусство идет впереди науки, точного знания и даже впереди философии, но не служит им, не прокладывает для них путей, а идет своим путем, открывая свои горизонты... Искусство разрушает весь логический и трехмерный мир, с таким трудом созданный человеком, всю маленькую и жалкую «правду», за которую с таким отчаянием цепляется человек, боящийся без нее очутиться среди хаоса... Искусство видит мир в «астральном свете», строит свой собственный мир, совершенно аналогичный астральному миру оккультистов, и заставляет человека понимать, что этот мир совсем не похож на мир железных дорог, автомобилей и аэропланов; заставляет понимать законы этого нового мира, полного чудес, и путем постепенного ощущения и постижения этих «законов чудесного» подходит к Вечному. Искусство и все, что дает искусство, нельзя ни смерить, ни свешать. Поэзию нельзя заключить в колбу.

Искусство нарушает весь механический порядок трехмерного мира. Оно открывает дверь в мистику и магию, зовет в мир удивительных и волшебных

приключений... Искусство не принадлежит миру трех измерений и не может ему служить; наоборот, выводит из него, как великая богиня Смерть, которая, если она открывает нам тайны иного мира, в то же время одним взмахом руки скрывает и уничтожает этот.

Искусство, которое не говорит об этом «ином мире», не заставляет о нем думать или его чувствовать, или рисует тот мир как подобие или продолжение нашего, это не искусство, а подделка, трезвая и рассудочная подделка, псевдоискусство. Псевдоискусство отличается от настоящего, подлинного искусства тем, что оно состоит из одной правды. В нем нет воображения, нет экстаза... Одна только голая и трезвая «трехмерная правда», которая есть величайшая ложь, потому что ничего трехмерного в действительности не существует.

Задача правильного распознавания истинного и ложного искусств разрешается одновременно с загадками пространства и времени — искусство, довольствующееся временем и не стремящееся к вечности, должно быть и будет признано фальсификацией... В мир высших измерений можно проникнуть, только отказавшись от этого, нашего мира. Кто ищет в высшем мире подобие низшего или продолжение его, тот не найдет ничего. И кто думает, что нашел истину или что кто-нибудь другой нашел ее за него, тот никогда не увидит даже ее тени».

Бывало, о том же с Балтрушайтисом толковали.

1 декабря 1942 г.

ЧУТКОСТЬ

Говорится, что вода, уже отработавшая на мельнице, будто бы производит впечатление меньшей силы, нежели вливающаяся на колесо. Точно бы предполагается, что кроме грубо физических условий какая-то энергия словно бы утекла в напряжении. Конечно, это иллюзия; точно так же как говорят, что новая не прочитанная книга потенциальнее многими прочтенной. Точно бы многие глаза могли отнять от страниц какой-то потенциал.

Но в то же время все справедливо говорят о намоленных предметах, о вещах овеванных и тем усиленных мыслями. Как будто выходит, что если вещи можно нечто придать посредством мысли, нечто наслоить на предмет, то как будто бы можно предположить, что таким же порядком, посредством мысли, посредством энергии можно и обеднить предмет, отнять у него кое-что.

Приходилось слышать, как кто-то, раскрывая возвращенную книгу, говорил: «Даже в руки взять неприятно, должно быть какой-то негодяй читал ее». Может быть, это говорила лишь подозрительность, а может быть, и впрямь почувствовалось влияние какой-то энергии.

Так часто и какая-то несказуемая враждебность, а подчас и неизреченное доброжелательство чувствуется в самом пространстве. Опять-таки какие-то чуткие люди скажут: «Как тяжело в этом жилье», или наоборот — «Как легко здесь дышится». Если про-

стые фотографии подчас дают такие неожиданные показания, если химический анализ пространства тоже готов приоткрыть многое, то что же удивляться, если тончайший аппарат человеческий может вполне почувствовать присутствие тех или иных энергий.

Иногда струнный инструмент как бы самозвучит от воздействий, человеческому глазу недоступных. Иногда фарфоровая ваза сама разбивается от вибраций, почти не слышимых человеческому уху. Песок дает затейливые рисунки от сотрясений, внешне почти неуловимых. Также и присутствие многих воздействий не выскажется словами, но почувствуется внутренним человеческим аппаратом.

Это не будут суеверия и наносные подозрения. Это будет именно чувствознание. Никакими словесными объяснениями вы не разубедите человека, который ясно почувствовал эти прикосновения энергии. Все равно как вы не убедите человека в том, что он не видел чего-то, если он это твердо и внимательно воспринял своими глазами.

Иногда считают какую-то даже стыдную слабость признаться в этих определенных чувствованиях, а в то же время спокойно говорят, что пища оказалась слишком соленой или горькой, тогда как сотрапезник вовсе не нашел это. Для одного эта степень была не обращающей на себя внимание, а другой ее вполне почувствовал. Если бы только люди также естественно и безбоязненно обращали внимание и сообщали близким о своих чувствах-

ниях, насколько бы больше новых ценных наблюдений обогатило бы земную жизнь и внесло бы большое рвение к преобразению чувствований в познании.

Невозможно откладывать способы познания в какие-то преднамеренные рамки. Поистине, вестник приходит неожиданно. Недаром во всех Учениях эта неожиданность прозрения так определенно указана. При этом люди непременно хотят, чтобы вестник появился в назначенный ими час, через определенную дверь принес бы ожидаемые ими новости и, вероятно, сказал бы им на том языке и в тех выражениях, которые предположены самими ждущими.

Каждое изменение в такой самопредуказанной программе внесло бы уже смущение или, может быть, послужило бы к отрицанию. Как это могло случиться, как я это ожидал?! Опять это несчастное ограниченное я, которое желает узко-самонадеянно повелевать в пределах зримого и слышимого мира. А вдруг самое напыщенное окажется совершеннейшим ничтожеством перед малейшим проявлением тонкого порядка? Можно ли ограничивать то, что не уложится ни в какие сказуемые границы?

Сколько вестников вообще не могло войти, ибо, подойдя к двери, они уже знали, что их не ждут. Повторяя про себя самую Богоданную вдохновляющую весть, вестник уже знал, что ее не захотят принять именно на этом языке. Сколько уже сложенного и близкого остановлено спесивой ограниченно-

стью. Но если попробуете отложить пределы этой ограниченности в каком угодно измерении, то никаких размеров ее не найдете, до такой степени она совершенно ничтожна.

Таким порядком среди замечательнейших прозрений и озарений вторгаются, как серая пыль, бесчисленные осколки невежества. Пусть каждая пылинка почти не весома, но слой их может затемнить самые изысканные цветы. Общая работа, общая забота должна быть, чтобы в хозяйстве было как можно меньше пыли.

ВЛЕЧЕНИЕ

Ливингстон только мертвым мог быть увезен из Африки, настолько его привлекала к себе именно эта часть света. Казати насильно был увезен из той же Африки, в которой он единственно чувствовал себя как дома. Весь остаток своей жизни, проведенной в Италии, казалось бы, на родине, он чувствовал себя несчастным.

Множество всевозможных примеров таких же, как бы непонятных влечений к определенной части света или даже к определенному месту, можно перечислить. Вот перед нами кровные испанцы, которые возлюбили или Гавану, или Южную Америку. Вот перед нами британцы, привлеченные навсегда в Индию. Вот перед нами шведы, французы, русские, которые могут дышать лишь воздухом Азии.

В жизни человеческой столько трудно объясни-

мых влечений. От самых высоких и до самых повседневных. С одной стороны, мы видим влечения к месту своего рождения. Это находит себе многие пояснения. Но как же можем мы разгадать необъяснимое, властное влечение к какому-либо удаленному месту земного шара. Часто люди попадают туда как бы случайно. И вдруг находят себя опять-таки как бы в природной обстановке. Ведь никто не изгонял их из места их рождения. Никакие оскорбления или преступления не гнали их за далекие моря и горы. Значит, было какое-то другое основание, какой-то другой магнит, который заставлял их всем сердцем устремиться туда, куда и рассудок не мог бы посоветовать.

Такие влечения, они совершенно отличны от справедливого желания молодежи куда-то уехать, куда-то вырваться, где-то на новом воздухе расправить крылья. В час таких решений юный искатель даже не задается мыслью, куда именно ему хочется. Он лишь знает зовы, а может быть, и вопли сердца, влекущие его еще что-то узнать. Обычно благородные характеры выясняются в таких искателях. Они добровольно ищут какое-то испытание. Эти первые дни самостоятельности навсегда останутся для них маяком бодрости.

Мысленно шлем привет одному нашему американскому другу, который сейчас, в преклонных годах, с особенною живостью и ласковостью вспоминает свое первое путешествие в качестве юнги на корабле. Этот же деятель рассказывал мне, как, в

свою очередь, он послал внука своего одного, верхом, от Тихого Океана к Атлантике, чтобы приучить десятилетнего мальчика к полной самостоятельности. Наверное, где-то по намеченному пути была незримая забота о юном путешественнике, но все же он должен был выполнить задание, предоставленный своей находчивости и разумности. А ведь передвижение по Америке при необыкновенно сложном и насыщенном движении иногда бывает полным всякими неожиданностями. При этом было даже наставление, чтобы всадник не только хранил свое здоровье, но и привел бы коня в добром состоянии. Наверное, такая поездка останется в памяти на всю жизнь.

Также все мы читали о молодых людях, бежавших в Америку за поисками новой жизни. И в таких случаях привлекало само передвижение, искание новых решений жизни, но все-таки это не было всегда находением желанного места, в котором хотелось бы сосредоточить труд и жизнь.

Иначе звучит рассказ об одном пятилетнем тибетском мальчике, который неоднократно, неудержимо уходил в какой-то свой дом. Малыш одевался как бы в дорогу. Привязывал себе на спину запас пищи и священную книгу, а затем находил удобный момент исчезнуть из дому. Когда же бросались его искать, то находили идущим по горным тропинкам. Его пробовали возвращать домой. Ему говорили, что он должен вернуться в дом свой. Но мальчик уверял, что он именно идет в свой настоящий дом,

что дом, где он жил до сих пор, не его дом и что он должен спешить в свой настоящий дом, где он должен остаться. Мы проезжали это место как раз во время четвертого ухода этого мальчика и не знаем, чем это кончилось в будущем.

Во всяком случае это было какое-то непреодолимое влечение, и весьма возможно, что если оно осталось бы невыполненным, то малыш засох бы, как цветок без влаги. Изумительно было наблюдать, что пятилетний мальчуган так серьезно толковал о своем настоящем доме, в который он должен пойти.

Вот и Ливингстон, и Казати, и все те бесчисленные путники к дому своему, они засохли бы, если им не пришлось бы достичь своего назначения, так ясного их сердцу. При этом особенно поразительно то обстоятельство, что эти устремленные не искали только благорастворения природы, не стремились к какому-то благоустроенному жилью. Наоборот, их дом, их свой дом, бывал очень труден. Такой желанный дом бывал часто почти непереносим для их тела, и все же их дух ликовал и чувствовал себя в назначении.

«Не по хорошу мил, а по милу хорош». Эта поговорка заглядывает глубоко. В ней подчеркивается внутреннее значение, которое превышает все внешнее. Если такой путник нашел свой дом, то бывает губительно отрывать его оттуда по каким-то внешним обстоятельствам. Никакие повышения служебные, никакие заманчивые выгоды не могут возместить человеку найденного им своего дома. Он не

сделается членом народа или племени, среди которого находится этот его необъяснимый дом. Он привлекается туда не столько людьми, сколько всеми прочими обстоятельствами бытия. Ведь когда человеку хорошо, то обычно он даже не может объяснить словами, почему ему хорошо. Иногда это хорошее чувство возникает даже при очень трудных обстоятельствах.

Так же точно человек, встречая своих спутников или противников, часто не отдавая себе рассудочного объяснения, по глазам и по сердцу знает многое, что не может быть рассказано словами. Люди должны со всею бережностью относиться к таким влечениям. Они должны улавливать их даже в самых зачатках, чтобы не потушить и не раздробить их оковами рассудка. Если в человеке проснулось такое влечение, то можно извратить человека, можно навсегда его исковеркать, но ничем не удастся изъять из него то, что сердце его, что дух его знает.

Знаем и навсегда пораненных людей. Или кто-то когда-то не допустил их до своего опознанного дома. Или кто-то и что-то лишило их найденного спутника. Невежды считают такие влечения чепухой, предвзятостью, которую нужно прекратить всякими мерами. Эти невежды никогда не задумаются, откуда, по какой причине приходит его знание. Но зато можно видеть, какое огромное значение для всей жизни человеческой приносит нахождение этого своего опознанного дома, нахождение и своего сужденного, когда-то встреченного спутника.

Если бы даже по каким-то причинам человек добровольно, для блага должен был бы временно разлучиться со своим домом, со своим спутником, то все же вся его деятельность в течение временного отсутствия пройдет под знаком совершившегося опознания.

Человек нашел свой дом, человек нашел спутника, человек укрепился давними магнитами и тем яснее и звучнее может он приносить ближним своим великую пользу. Сердце знает, когда довлеет опять прикоснуться к каким-то другим домам и когда настанет час воодушевить каких-то других спутников. Такое сердечное чувствознание не обессилит человека, оно лишь преобразит его деятельность, и многие спросят себя, откуда берутся такие силы и такая уверенность? Они происходят от опознания желанного дома, от взаимоукрепления желанным спутником. Семья, воспитатели должны бережно относиться к каждому проявленному влечению. Дом может быть и очень близко, а может быть и за горами, и за долами. И спутник найдется тогда, когда ничем не отемнены истинные, сужденные влечения.

27 апреля 1935 г.

Цаган Куре

СТОЙКОСТЬ

Встает передо мной нечто незабываемое из моей первой выставки в Америке. В одном из больших городов местный богач и любитель искусства приветствовал меня большим, парадным обедом. Все

было и обширно, и роскошно, присутствовали лучшие люди города. Как всегда, говорились речи. Хозяин и хозяйка, оба уже седые, радушно и сердечно беседовали с гостями. Во всем была полная чаша, и хозяйка обратила мое внимание, что все комнаты убраны в синих и лиловых цветах, и добавила:

«Именно эти тона я так люблю в Ваших картинах».

После обеда одна из присутствовавших дам сказала мне:

«Это очень замечательный прием, — и пояснила: — Вероятно, это последний обед в этом доме».

Я посмотрел на мою собеседницу с изумлением, а она, понизив голос, пояснила:

«Разве Вы не знаете, что хозяин совершенно разорен и не дальше как вчера потерял последние три миллиона?»

Естественно, я ужаснулся. Собеседница же добавила:

«Конечно, это тяжело ему, особенно принимая во внимание годы. Ведь ему уже семьдесят четыре».

Такое несоответствие услышанного со всею видимостью, а главное, с видимым спокойствием хозяев было поразительным. С тех пор я стал интересоваться особенно их судьбою. Оказалось, через три месяца после этого обеда они уже жили в своем гараже. Казалось бы, все было потеряно, а через три года этот же деятель был опять в миллионах и жил в прежнем своем доме-дворце.

Когда я говорил его знакомым о моем удивле-

нии, почему многочисленные друзья и, наконец, город, которому он пожертвовал так много, не помогли ему, мне сказали: «Во-первых, он не принял бы помощи, а во-вторых, такие бури жизни ему не впервые».

Этот последний разговор происходил в большом клубе, где в спокойных креслах около окон сидело много почтенных людей, читая газеты и беседуя. Мой собеседник, указывая на них, сказал:

«Все это миллионеры. Спросите их, сколько раз каждый из них переставал быть миллионером и вновь им делался».

А члены клуба продолжали спокойно читать и весело беседовать, как будто бы никогда никакие житейские бури не проносились над ними. Я спросил моего приятеля, как он объясняет себе это явление? Он пожал плечами и ответил одним словом:

«Стойкость».

Действительно, это понятие стойкости должно быть отмечено среди других основ, нужных в жизни. Мужество — одно, доброжелательство и дружелюбие — другое. Трудолюбие — третье. Неустанность и неисчерпаемость — четвертое. Энтузиазм и оптимизм — пятое. Но среди всех этих основ и многих других, так нужных, привходящих светлых утверждений, стойкость будет оставаться как нечто отдельное, незаменимое и дающее крепкое основание преуспеянию.

Стойкость вытекает из большого равновесия. Это равновесие не будет ни холодным расчетом, ни

презрением к окружающему, ни самомнением, ни себялюбием. Стойкость всегда будет иметь некоторое отношение к понятию ответственности и долга. Стойкость не увлечется, не поскользнется, не зашатается. В тех, кто шел твердо до последнего часа, всегда была стойкость.

В наши дни смущений, многих разочарований, узких недоверий должно быть особенно благословенно основное качество стойкости. Когда люди так легко впадают в самую непристойную панику, именно стойкий человек внесет здравые понимания и удержит многих от ужаса падения в хаос. Когда люди сами себя стараются убедить во всевозможных древних небывальщинах, именно стойкий человек поймет в сердце своем, где есть безопасный выход. Когда люди впадают в такое безумие, что даже краткий шквал им уже кажется нескончаемой бурей, именно стойкость напомнит и о соизмеримости.

Может быть, скажут, что стойкость есть не что иное, как благоразумие. Но будет вернее сказать, что из благоразумия порождается также и стойкость. Ведь в понятии стойкости уже есть совершенно реальное выражение. Стойкость нужна именно здесь, на земном плане, где так много обстоятельств, от которых нужно устоять. Потому-то так полезно среди множества понятий благоволения, сотрудничества и преуспевания усмотреть смысл и ценность стойкости. Недаром люди с особенным уважением всегда подчеркивают, как стойко чело-

век выдерживал то или иное нападение, напряжение или неожиданные удары. Подчеркивается в таких случаях и зоркость, и находчивость, но всегда будет отмечена и стойкость как нечто положительное, прочно стоящее на чем-то осознанном. Как пример стойкости и выдержки вспоминается одна быль из Сан-Франциско.

Приехал иностранец. По-видимому, был богат. Был принят всюду в обществе. Приобрел много друзей. Укрепилась за ним репутация хорошего, доброго и богатого приятеля. Тогда он поехал к особо выказавшимся новым друзьям с просьбою одолжить ему десять тысяч долларов на новое дело. Произошло нечто любопытное, хотя и очень обычное. У всех его друзей нашелся достаточный предлог, чтобы отказать или уклониться от этой просьбы. Мало того, в обществе сразу пробежало отчуждение и холодное отношение к нему. Тогда иностранец поехал к некоему человеку, который с самого начала относился к нему довольно холодно. Объяснил ему дело и просил десять тысяч. На этот раз была вынута немедленно чековая книжка и написана сумма. На следующий день иностранец вновь приезжает к тому же лицу. Тот спрашивает:

«Разве что-нибудь случилось или Вы неверно вычислили цифру; может быть, она мала?»

Но иностранец достал из кармана вчерашний чек, отдал его хозяину и сказал:

«Деньги мне не нужны. Я лишь искал компаньона, которым и предлагаю Вам быть».

Всем же остальным так называемым друзьям, которые опять обернулись к нему, он сказал:

«Вы меня кормили обедами; помните: мой стол всегда накрыт для Вас». Мистер Л. в Сан-Франциско помнит это.

Сколько поучительных страниц дает сама жизнь. Воображение есть не что иное, как припоминание.

6 февраля 1935 г.

Пекин

СКОРЕЕ!

«...Мне вообще хочется, чтобы все тяжкое и трудное, что стоит впереди меня и всего человечества, — чтобы все оно наступило скорее и чтоб единым духом все преодолеть для стремительного движения вперед, поскольку хватит сил. В прошлом и в настоящем много ужаса в мире. Чувствую, как сгущаются знаки кругом и как хочется крикнуть: «Скорее!» Больше и больше бунтует нетерпеливый дух. Не знаю, хорошо ли это».

Так пишет наш сотрудник, одаренный и вдохновенный. Его глаз, смотрящий по широкому горизонту, конечно, замечает все те нагромождения, от которых душно человечеству и хочется крикнуть: «Скорее!» Он же продолжает: «Говорят об усиленной заболеваемости. Недавно зубная врачиха удивлялась множеству воспалительных процессов. В Париже в конце мая — снег, в Токио — град величиною с двухкопеечную монету. Простой нехитрый мужичок недавно усиленно советовал моему знакомому

уехать отсюда куда-нибудь, ибо — чувствует его сердце, что так надо. Всюду — смятение».

Не только зубные врачи, но и врачи глазные, горловые и легочные — все говорят о большом количестве каких-то воспалительных процессов. Конечно, сердечные заболевания и всякие напряжения особенно обращают на себя внимание. Сотрудник спрашивает: получили ли мы книгу об Апокалипсисе? Мы не получили, но много Апокалипсиса происходит вокруг. Если возьмем передовой лист ежедневной газеты, то разве не видно на нем апокалиптических знаков? Только заведомо глухие и слепые не хотят видеть напряженность времени. А вот простой мужичок, как пишут, стремится хоть куда-нибудь уехать. Такое беспокойство сердечное всегда очень показательно. Все же более сознательные, конечно, не только хотят уехать куда-то, но определенно заклинают пространство кличем: «Скорее!» Они-то понимают, что без каких-то разрешительных процессов нарывы и гнойники не вскроются, зараза будет лишь углубляться, заражая весь организм.

Опытный хирург, усмотрев опасное состояние зараженного организма, тоже восклицает: «Скорее, скорее!», чтобы не допустить распространения заразы. Ведь он знает, что если разложение достигло известных пределов, то его нужно немедленно прекратить. Если простой человек хочет просто уехать, хоть куда-нибудь, то в других сердцах это же мрачное предчувствие выражается подавленностью на-

строения. Кто-то говорил: «Пусть все пропадет». Но наш сотрудник в силу своего строительного характера вовсе не хочет, чтобы все пропадало. Чутко и мудро он призывает: «Скорее, скорее!» Пусть операция будет уже в прошлом. Пусть явится еще одна возможность думать о будущем и стремиться к нему с обновленными грозой силами.

Люди разделяются на два типа в отношении восприятий грозовых явлений. Одни тупо боятся и молнии, и грома. Они готовы нелепо спрятаться, зарыться в подушки, заткнуть уши, лишь бы не слышать этих прекрасных грозовых разрядов. Другие же, наоборот, восторженно воспаляются духом, когда грохочет гром и сверкает молния. И в этот момент они менее всего думают лишь о себе. В них нет мысли: ударит ли в них молния или нет. Но те, которые зарываются в подушки от космических явлений, они-то, наверное, где-то думали о себе, о своей «драгоценной жизни».

Представьте людей такого типа в бою, и, наверное, вы увидите такую же растерянность и уклончивость. Они прикроются многими соображениями. Они скажут, что не идут вперед потому, что не имели времени обсудить, действительно ли им нужно подвергать себя опасности. Они не успеют вовремя, ибо найдут многие причины, почему им пришлось опоздать. Они очень находчиво изложат причины, почему они уклонились от действия, от подвига. Вероятно, в сердце своем они будут негодовать на те обстоятельства, которые призывали их

к подвигу. Извилисты пути всяких уклонений от добра. При этом не будут пощажены самые священные, великие основы. Если безумец может быть чрезвычайно находчивым и выносливым, если лунатик неведимо пройдет по узкому карнизу над бездной, то и безумие страха своеобразно преисполняет людей к такой же находчивости.

Но одно восклицание не будет у этих людей на устах. Они не скажут: «Скорее, скорее». Наоборот, они найдут всевозможные причины, чтобы промедлить. Конечно, по характеру своему они никогда не признаются в истинных своих побуждениях. Какие сказки и рассказы будут придуманы, чтобы не только оправдаться, но даже и очернить все, что не боится молнии и смело зовет: «Скорее». Этот тип людей или по природе своей, по далекому бывшему, уже привел себя в такое состояние. Но иногда оно является подражанием тому, что безвольные люди видели с малых лет в окружающем быту.

Может быть, мать, или бабушка, или дед боялись грозы. Или всякого передвижения. Может быть, ребенок видел, как кто-то от ужаса зарывался в перины или считал величайшим несчастьем переезд в новый дом. Сызмальства могли влезать в тайники духа эти безобразия ужаса. Если же не было обратных примеров яркого мужества, достоинства и справедливости, то нередко дух слабый подпадал всем отрицательным явлениям. Просто складывались дурные привычки.

Во всех просветительных делах прежде всего

нужно всеми разумными мерами отучать от дурных привычек. Часто кажущаяся маленькая дурная привычка имеет в основе своей глубокое заблуждение. Такие привычки, такие заблуждения прежде всего излечиваются личным примером. Если заболевший организм еще излечим, то каждодневным примером можно изъять из него опасные микробы разложения.

Пушкин даже в зрелых годах благодарно вспоминал свою старую няню, которая рассказала ему многие прекрасные, зовущие вдаль сказки. А разве каждая сказка не имеет в основе своей быль, но такую чудесную, что она уже кажется за пределами возможности?

Когда говорится: «Не делать жалобных выводов из-за промедления», — это будет значить, что промедления и не было, и оно было лишь кажущимся для нетерпеливого духа. Ничего худого нет в том, что дух к добру нетерпелив. Наоборот, это очень хорошо. Также хорошо сознавать, что кто-то не одинок в тягостях житейских, сознавать постоянную заботливость, это уже будет тою радостью, которую поистине должны быть наполнены сумерки быта.

Когда кто-то вопиет в ясном предвидении: «Скорее, скорее», он уже знает, что, несмотря на всю суровость грядущего, оно проявит себя к добру, ко благу человечества. В таком «скорее» не будет безнадежности овцы, видящей нож над собою; наоборот, будет львиное устремление вперед, к подвигу,

который как в земном, так и в надземном будет звучать тем же отважным торжественным призывом. Песнь песней. Песнь сердца! Именно в сердце рождается устремленный глас: «Скорее, скорее».

8 июня 1935 г.

Цаган Куре

ТВЕРДЫНЯ ПЛАМЕННАЯ

В книге «Сердце» старая китайская сказка говорит о великане заоблачном и о карлике-пересмешнике. Уязвлен великан, стоящий головою выше облаков, и карлик насмехается, что великан не видит мира земного. Но великан сносит все насмешки, говоря: «Если захочу, могу ползти по земле, но ты никогда не заглянешь за облака».

На одном университетском торжестве Крукс сделал известный доклад свой о мировоззрении с точки зрения великана и карлика. Ученый провел замечательные параллели преломления законов в возможностях антиподов. Также антиподные суждения образуются и около понятия творчества в личном преломлении. Но, как и во всем, лишь наибольшие меры соответствуют вершинному понятию жизни. Мысля о творчестве, надо признать наибольшее, наисветлейшее и наисвязующее.

Субстанция есть чувство. Также и творчество есть выражение сердечной энергии. Как прекрасно, когда эта могущественная энергия осознана, воспитана и приведена в действие. Сколько неосознанных и непримененных возможностей распле-

скивается в бездну хаоса. Не часто люди отдают себе отчет, что творчество выражается не только в механических проявлениях, но гораздо больше, могущественное вечное мысленно изливается во благо мира. Стрелы благие и прекрасные часто понимаются лишь как какой-то древний символ! О значении и мощи мысли начали думать так недавно! О сердце и излучениях наука лишь начинает мыслить!

«Дети, любите друг друга», — так заповедуют Высшие и Лучшие. Для любви надо открыть и воспитать сердце. Но где же доступ, кроме ключа Прекрасного? Духовность, религиозность, подвиг, героизм, доброжелательство, мужество, терпение и все прочие огни сердца — разве не расцветают они в Саду Прекрасном?

Не для слез и отчаяния, но для радости духа созданы красоты Вселенские. Но радость должна быть осознана, а без языка сердца где же раскинет радость светоносный шатер свой? Где же, как не в сердце, твердыня радости?

Осознавший область сердца неминуемо пристаёт к берегам творчества. Как бы этот путник духа ни выражал свое творительство, оно будет в основе своей тем же единым самоцветным камнем, о котором поют все лучшие сказания человеческие. Благочестивый мейстерзингер Вольфрам фон Эшенбах поет о том же драгоценном камне, о котором говорит и незапамятная мудрость Дао.

Ведь неизбежно нужно где-то и как-то встретить-

ся! Ведь когда-то нужно покинуть звериные привычки. Ведь сердце-то тоскует по Храму Прекрасному, по Иерусалиму Небесному, по Светлому Китежу и по всем горным Обителям Духа.

Каждое отвращение от Прекрасного, от Культуры приносит разрушение и разложение. Наоборот, каждое обращение к культурному строительству создавало все блестящие эпохи Ренессанса.

«Повторять об одном и том же мне не тягостно, а для вас полезно», — пишет Апостол Павел. И звучит эта черта знания духа человеческого не как гробовой укор, но как улыбка мудрости. Именно до рисунка на мозгу нужно твердить о насущности Культуры. Нужно твердить во всех возрастах, во всех положениях, во всех народах.

Пока Культура лишь роскошь, лишь пирог праздничный, она еще не перестроит жизнь. Может ли сознание среди каждодневности обойтись без книг, без творений красоты, без всего многообразного Музейона — Дома Муз?

Культура должна войти в ближайший, каждодневный обиход как хижины, так и дворца. В этом очищенном мышлении понятно станет, где оно самое нужное, неизбежное и где лишь наносы переходящих волн. Как благостно касание крыла Культуры, благословляющего колыбель на подвиг и несущего отходящего путника в просветленном сознании. В несказуемых, неизреченных мерах облагораживается он касанием Культуры. Не смутный, туманный оккультизм и мистицизм, но Свет Великой

Реальности сияет там, где произошло просвещение Культуры.

С песнею входит друг. Художник являет качество духа своего в картине. Взаимно убеждаемся и радуемся на всех проявлениях творчества.

Если даже звери преклоняются перед звучанием, то насколько же оно нужно сердцу людей и в звуке, и в цвете, и в форме.

Не может человечество продолжать низвергаться по пути расчленения и ненависти, иначе говоря, спешить к одичанию. Стойте, стойте, уже и пропасть близка!

Соберемся вокруг понятия Культуры, вокруг Великого Служения Свету. Познавая единость Высшего Света, найдем и способность не укорять, не унижать, не злословить, но славословить Красоте Всевышней.

Разрушительная критика дошла до пределов. Словарь зла, и поношения, и унижения возрос до непереносимости. Но дух человеческий и в темнице своей взыскует о радости, о строении, о творении.

Помню, как Пюви де Шаванн находил искреннее, благое слово для самых различных произведений. Но не забуду, как известный художник Р. обходил выставку лишь с пеною поношения. Однажды бросилось в глаза, что Р. останавливается гораздо дольше около поносимых им произведений. По часам я заметил, что три четверти часа ушло на ругательство и всего одна четверть на радость. Прово-

жая художника, я заметил: «Знаю, чем задержать вас дольше! Лишь ненавистными для вас вещами». При этом ругательства Р. были весьма изысканны, а похвалы очень бедны и сухи. Конечно, в творчестве Пюви де Шаванн был несравненно выше Р. Не из благодати ли творческой исходила благость суждений Пювиса?

Зачем разделяться и злодействовать там, где заповедан общий восторг, общая радость творчества?

Бесчисленны от незапамятных времен заповеди о Прекрасном. Целые государства, целые цивилизации складывались этим великим Заветом.

Украсить, улучшить, вознести жизнь — значит пребывать в добре. Всепонимание, и всепрощение, и любовь, и самоотвержение создаются в подвиге творчества.

И разве не должны стремиться к творчеству все молодые сердца? Они и стремятся. Нужно много пепла пошлости, чтобы засыпать этот священный пламень. Сколько раз одним зовом «Творите, творите!» можно открыть новые врата к Прекрасному.

Сколько дряхлости сказывалось в ледящей программе: сперва научусь рисовать, потом перейду к краскам, а уже затем дерзну на сочинение. Бессчетно успевал потухать пламень сердца, прежде чем ученик доходил до запретной двери творчества!

Но зато сколько радости, смелости и бодрости развивалось в сознании с малых лет дерзнувших творить. Как заманчиво увлекательны бывают дет-

ские сочинения, пока глаз и сердце еще не поддались всепожирающим условиям стандарта.

Где же условия творчества? В непосредственности, в повелительном трепете сердца, позвавшего к созиданию. Земные условия безразличны для призванного творца. Ни время, ни место, ни материал не могут ограничить порыв творчества. «Хоть в тюрьму посади, а все же художник художником станет», — говаривал мой учитель Куинджи. Но зато он же восклицал: «Если вас под стеклянным колпаком держать нужно, то и пропадайте скорей! Жизнь в недотрогах не нуждается!» Он-то понимал значение жизненной битвы, борьбы Света со тьмою.

Пришел к учителю с этюдами служащий; художник похвалил его работы, но пришедший стал жаловаться: «Семья, служба мешают искусству».

«Сколько вы часов на службе?» — спрашивает художник. «От десяти утра до пяти вечера». — «А что вы делаете от четырех до десяти?» — «То есть как от четырех?» — «Именно от четырех утра». — «Но я сплю». — «Значит, вы проспите всю жизнь. Когда я служил ретушером в фотографии, работа продолжалась от десяти до шести, но зато все утро от четырех до девяти было в моем распоряжении. А чтобы стать художником, довольно и четырех часов каждый день».

Так сказал маститый мастер Куинджи, который, начав от подпaska стада, трудом и развитием таланта занял почетное место в искусстве России. Не суровость, но знание жизни давало в нем ответы, пол-

ные сознания своей ответственности, полные осознания труда и творчества.

Главное, избегать всего отвлеченного. Ведь, в сущности, оно и не существует, так же, как и нет пустоты. Каждое воспоминание о Куинджи, о его учительстве, как в искусстве живописи, так и в искусстве жизни, вызывает незабываемые подробности. Как нужны эти вехи опытности, когда они свидетельствуют об испытанном мужестве и реальном созидательстве.

Помню, как после окончания Академии художеств Общество поощрения художеств пригласило меня помощником редактора журнала. Мои товарищи возмутились возможностью такого совмещения и прочили конец искусству. Но Куинджи твердо указал принять назначение, говоря: «Занятый человек все успеет, зрячий все увидит, а слепому все равно картин не писать». Помню также, как однажды Куинджи раскритиковал мою картину «Поход». Но полчаса спустя он, сильно запыхавшись, вновь поднялся в мастерскую: «Вы не должны огорчаться, пути искусства бесчисленны, лишь бы песнь шла от сердца», — улыбаясь, говорил он.

И другой мой учитель Пюви де Шаванн, полный благожелательства и неистощимого творчества, мудро звал всегда к самоуглублению, к труду и к радости сердца. Не погасла в нем любовь к человечеству и радость творения; а ведь первые шаги его не были поощрены. Одиннадцать лет его картины не

были принимаемы в Салон. Это был достаточный пробный камень величия сердца!

И третий мой учитель, Кормон, всячески поощрял меня к самостоятельной работе, говорил: «Мы становимся художниками, когда остаемся одни».

Благословенны Учители, когда ведут они благою, опытною рукою к широтам горизонта. Сладостно, когда можем вспоминать Учителей своих со всем трепетом сердечной любви.

Учительство старой Индии, углубленное понятие Гуру — Учителя, особенно и трогательно и вдохновительно. Именно вдохновительно видеть, что свободное, осознанное почитание Учителя существует и до сего дня. Истинно, оно составляет одну из основных красот Индии. Без сомнения, то же понятие жило и среди старых мастеров Италии и Нидерландов и среди русских иконописцев. Но там сейчас оно уже в прошлом, тогда как в Индии оно еще живет и не умрет, надеюсь.

Всякое духовное обнищание стыдно. Из тонкого мира печально смотрят великие мастера, жалея о неразумно затрудненных возможностях. В «Духовных ценностях», в «Переоценке», в «Огне Претворяющем» мы достаточно говорили обо всем том, что не должно быть утеряно на перепутьях и перекрестках. Но не могу не вспомнить покойного друга моего, поэта Блока, и его глубокие слова о Несказуемом. Блок прекратил посещение религиозно-философского общества, ибо: «Там говорят о Несказуемом». Именно, есть предел слов, но нет границы

чувств и вместилища сердца. Всюду прекрасное. Все путники добра, все искатели искренние приставали к этому берегу. Как бы ни ссорились, как бы ни озверели люди, они все же объединенно замолкают при звуках мощной симфонии и прекращают препирательства в музее или под сводами Парижской Богородицы.

Та же любовь сердца вспыхивает, когда мы читаем о молниях красоты во всех заветах.

Трогательна персидская апокриф о Христе. «Когда проходил Христос с учениками, на пути оказался труп собаки. Отшатнулись ученики от тления. Но Учитель и здесь нашел красоту и указал на белизну зубов животного».

В час отхождения вспоминает Будда:

«Как прекрасна Раджагриха и скала Коршуна! Прекрасны долины и горы. Вейсали, какая это красота!»

Каждый Бодхисатва среди прочих своих выявлений должен быть совершенен и в искусстве.

Говорит рабби Гамалиель: «Изучение закона есть благородное дело, если оно соединяется с каким-либо искусством. Занятие ими отвлекает нас от греха. Всякое же занятие, не сопровождаемое искусством, ни к чему не приводит». А рабби Иегуда добавляет: «Не учащий сына своего искусству готовит из него грабителя на большой дороге». Спиноза, достигнув значительного совершенства в искусстве, поистине отвечал завету гармонизации и облагораживания духа.

Конечно, и высокие заветы Индии утверждают то же основное значение творческого искусства. «В древней Индии искусство, религия, наука были синонимами Видья, или Культуры». «Сатьям, Шивам и Сундарам, или Вечное Троичное выявление Божественности в человеке, Непреложное, Благостное и Прекрасное».

Вспомним Музейон — дом Муз — Пифагора, Платона и всех тех великих, которые понимали краеугольные камни основ жизни. Плотин — о Прекрасном!

Из глубин тяжких переживаний Достоевский взывает: «Красота спасет мир!» Ему вторит Рескин, одухотворяющий камни прошлого. Знаменитый Иерарх, смотря на картину, восклицает: «Молитва земли небу!»

Старый друг всех творящих искателей Леонардо да Винчи говорит:

«Тот, кто презирает живопись, презирает философское и утонченное созерцание мира, ибо живопись есть законная дочь или, лучше сказать, внучка природы. Все, что есть, родилось от природы и родило, в свою очередь, науку о живописи. Вот почему говорю я, что живопись — внучка природы и родственница Бога. Кто хулит живопись, тот хулит природу.

Живописец должен быть всеобъемлющ. О художник, твое разнообразие да будет столь же бесконечно, как явление природы! Продолжая то, что начал Бог, стремись умножить не дела рук человеческих,

но вечные создания Бога. Никому никогда не подражай. Пусть будет каждое твое произведение как бы новым явлением природы».

«Упрямая суровость» Леонардо, разве не была она укреплена ясною радостью о дальних мирах, непоколебимою молитвою сердца в Беспредельности?!

Сколько лучших людей утверждало о молитве сердца, о молении красотою, о красоте творчества, о победах Света! Со всех земель, от всех веков все заповедует о значении творчества как ведущего начала жизни. Древние памятники сохранили славные лики Египта, Индии, Ассирии, майев, Китая; все сокровища Греции, Италии, Франции, Бельгии, Германии разве не являются живыми свидетелями о значении высокого творчества!

Как чудесно, что и сейчас, среди всяких духовных и материальных кризисов, мы можем утверждать царство Прекрасного. Притом можем это не как отвлеченные идеалисты, но именно вооруженные опытом жизни, укрепленные всеми историческими примерами и духовными заветами.

Вспомнив о значении творчества, человечество должно вспомнить и о языке сердца.

Разве не этим языком созданы Притчи Соломона, и псалмы, и Бхагавад-Гита, и все пламенные заветы отшельников Синаитских?

Прекрасно сознавать, что все заветы ведут не к разделению, не к ограничению, не к одичанию, но к восхождению, и укреплению, и очищению духа!

Д-р Бритон напомнил мне, что, отъезжая из Аме-

рики в 1930 году, я сказал ему: «Берегитесь варваров». С тех пор многие варвары ворвались в области Культуры. Под знаком финансовой подавленности совершались многие неисправимые злодеяния.

Списки темных подавителей, как скрижали стыда, неизгладимо запечатлелись на хартиях образования и просвещения. Некультурные ретрограды бросились урезать и искоренять многое в области образования, науки, искусства!

Стыд, стыд. В Чикаго будто бы нечем заплатить городским учителям. В Нью-Йорке церковь продана с аукциона. В Канзас-Сити продан с торгов Капитолий. А сколько музеев и школ закрыто! А сколько тружеников науки и искусства выброшено за борт! Но все-таки на скачки приехало пятьдесят тысяч человек! Стыд, стыд!

Камни древних памятников могут возопить против всех отступников от культуры, которая была истоком всего благословенного и драгоценного. Попиратели Культуры, разве не попирают они свое собственное благосостояние? Даже слепые видят больше этих затемненных слугителей тьмы.

«Берегитесь варваров!»

Все же не на изменчивом денежном знаке можем сойтись. Все-таки можем соединиться лишь на ступенях Культуры, во имя всего вдохновенного, творческого, прекрасного. Все же благим и благородным делом будет поддержание всего творческого и просвещенного. Входя на эти ступени, мы и сами просвещаемся.

Собираясь вокруг знака Культуры, вспомним, как мы обращались к Женщине: «Когда в доме трудно, тогда обращаются к женщине. Когда более не помогают расчеты и вычисления, когда вражда и взаимное разрушение достигают пределов, тогда приходят к женщине. Когда злые силы одолевают, тогда призывают женщину. Когда расчетливый разум оказывается бессильным, тогда вспоминают о женском сердце...»

И теперь трудно во всемирном доме Культуры. И опять надеемся, что сердце женщины поймет боль о творчестве, о культуре. Поймет она боль о духовных сокровищах и придет на помощь во всех областях Прекрасного.

Молодежь не должна воспитываться на воплях отчаяния. Когда мы писали о сужденных садах прекрасных, мы вовсе не завлекали в призрачные области. Наоборот, мы звали в твердины, утвержденные жизнью.

Особенно в дни трудные мы должны твердить молитву сердца о прекрасном. Мы должны помнить об общедоступности этого прекрасного.

Стать из пастушонка почитаемым мастером, как Куинджи, или из захолустного крестьянина светиллом науки, как Ломоносов, ведь было не легко. Ничто не помогало, казалось бы! Наоборот, все были против, и тем не менее «Свет победил тьму».

В детстве мы любили книгу Гастона Тиссандье «Мученики науки». Должны бы быть изданы и кни-

ги «Мученики духа», «Мученики искусства», «Мученики творчества».

Жизненные драмы Ван Гога, Гогена, Райдера, Врубеля, Мареса и множество мучеников за Прекрасное составили бы еще один незабываемый завет, ведущий юношество.

Когда перелистываю книгу «Строители Америки», сколько прекрасных, убедительных примеров встает навсегда в памяти. Эдисон, Белл, Форд, Армор, Карнеги, Истман, Шифф, Хаммонд — целое воинство самоделов и самоцветов. Сколько земных потрясений прошли они, лишь утверждая истину непобедимости труда и творчества. Раскрывая историю искусства Америки, разве не умилился сильным характерам Райдера, Сарджента, Уистлера, Тера, Беллоуза, Рокуэла Кента, Джайлса, Дэвиса, Мельчерса и всех тех, кто своим творческим достижением складывал стены Капитолия Славы Америки.

«Признательность есть добродетель больших сердец». Не только вспомним славные имена с благодарностью, но вооружимся всем их опытом для противостояния всем разрушительным силам тьмы.

Опыт творчества кует те непобедимые «оружия Света», о которых говорит Апостол.

Сейчас именно час спешный, когда нужно запастись всем бывшим опытом, чтобы не отступить от твердынь Культуры.

Сейчас время осознать все духовное сокровище

творчества, чтобы этим «оружием Света» отразить темные силы невежества и двигаться безбоязненно.

Разве не радость, что мы можем, не стесняясь фракциями, обращаться к каждой искренней художественной группе с сердечным приветом, говоря:

«Все-таки теперь, после всевозможных разъединений, дух человеческий опять оборачивается к положительному построению, в котором ценно каждое искреннее сотрудничество. Разве не растут на весеннем лугу цветы всевозможные, великолепные своим разнообразием? Это творческое разнообразие в аромате своем разве не являет Праздник Весны, почитаемый всеми народами от времен незапамятных!

Ничто не заменит Божественного разнообразия. Также и в земном отражении Божественности, в искусстве, разнообразие означает щедрость народного духа. Среди смятений человечества тем яснее ощущаем ценность творчества.

Пусть звучит строительство и прекрасное желание Блага, иначе говоря, то именно, что должно лечь в основу всех действий культурного человечества. Каждому мыслящему тесно в условиях разделенных, страшных в ничтожестве своем, душно от смрада невежества, от яда некультурности, которые разлагают и отравляют все сущее.

Все, кому дорого достоинство человеческое, все, кто стремится к поистине сужденным совершенствованиям, естественно, должны работать вместе, отбросив, как постыдную ветошь, словарь злобы и

лжи и памятуя, что в словаре Блага много не отвлеченных, но действительно жизненно применимых понятий. И как неотложно должны прилагаться понятия в жизни, чтобы слово перестало быть звуком пустым, но являлось бы действенным укрепителем творческой мысли.

Каждый стремящийся ко Благу знает, насколько ценны и все так называемые препятствия, которые являются для мужественного духа силомерами и в нагнетении вырабатывают лишь новую и преображенную энергию.

Ведь не вчерашний день утверждается. Можно утверждать лишь осязательность Будущего. Покуда сами мы, в сердце своем, не убедимся в этом светлом, созидательном Будущем, до тех пор оно будет оставаться в туманной отвлеченности. Для Будущего насаждались деревья при путях и ставились путевые вехи. Не стал бы строитель пути складывать памятные столбы, если бы в сердце своем не знал, куда должен вести путь этот.

Говорим — путь поведет к знанию, к Прекрасному, но ведь знание это будет освобожденным от предрассудков, будет нестесненно преследовать цели Блага. Говорим — путь этот поведет к красоте; и не роскошь, не прихоть, но надобность ежедневную, воздух сердца составят стремление и осуществление Прекрасного на всех путях. Не убоимся понятия действительности. Устремившиеся мужественно знают все условия пути.

Как говорят Мудрые, перед отходом не произно-

сят дурных слов. Слабые скажут: истомилось сердце, но не истомится и не переполнится то, что живет в Беспредельности любви, в ведущем познании, в дисциплине духа и во всей красоте. Нагнетением, нагружением сердца умножаем опыт. Будем напутствовать себя словами прекрасной Мудрости Востока:

«Утомляйте Меня ныне, нагружайте лучше, подав тягость Мира, но умножу силы.

Слышишь ли: тягость расцветет розами и трава облечется радугою утра.

Потому утомляйте Меня. Когда иду в Сад Прекрасный, не боюсь тягости».

В Мудрости все реально — и утро реально, и Сад Прекрасный реален, и нагружение и тягость Мира, и преображенный подвиг тоже действительны.

Нельзя лучше заключить настроение о творчестве, как словами обращения гр. А. Толстого «К Художнику»:

Слух же духовный сильней напрягай и духовное
зрение.

И как над пламенем грамоты тайной
Неясные строки вдруг выступают,
Так выступят пред тобою картины.
Станут все ярче цвета, осязательней краски,
Стройные слов сочетанья в ясном сплетутся
значеньи.

Ты ж в этот миг и смотри и внимай притаивши
дыханье,

И созидаю потом, мимолетное помни виденье».

Гималаи. 24 июля 1932 г.

СИЛОМЕРЫ

Риши Нарада принял на себя тяжкую миссию великого спорщика, вызывателя обмена мнений, тем противоположно выявляя силу благого подвига. Многократно история древности в разнообразных проявлениях дает нам значение противодействующей силы добру, как сознательное вызывание напряжения энергии для роста творчества. Кузнец нуждается в наковальне, чтобы выковать меч, который послужит оружием подвига. Тягота наковальни, напрягающей благие удары, так же значительна, как и тягость гигантов, поддерживающих ношу мира.

Было бы неосмотрительно относить эти явления сознательного противоположения добру лишь в область зла. Зло как таковое может быть обеспокоено этими проявлениями не меньше, нежели проявлениями Абсолютного Блага. Ведь зло понимает значение подосновы добра; эта подоснова входит как ближайший инструмент строительства, тогда как злобное начало имеет в виду лишь разложение для умножения хаоса. Если добро из себя представляет высшее искусство для искусства строения, то и сознательное зло тоже в не меньшей мере желает разложить и разрушить во имя самого разложения, ибо разложение сопровождается тлением. Тьма питается тлением.

Когда мы говорим о врагах, и не только говорим, но и чувствуем все натиски их, осмотрим же

их пристально, чтобы не ошибиться, где именно наковальня, а где тление и разложение. Во многих внешних приемах эти два понятия могут быть довольно сходны, но по своему внутреннему значению они, как показывает всегда ближайший срок, совершенно различны.

Так называемая подоснова добра усиливает искры ковки меча и затем сама как таковая исчезает часто бесследно, претворяясь в объеме порожденного строительного блага. Но сознательно злая сила не претворяется, оставаясь самой в себе злодействующей постоянно, оставляя несомненнейшие следы яда разложения, порождая в конце концов хаотичность и инертность.

Что же нужно породить злу? Бедь не твердыни подвига, но смрадное тление; ему нужно превращать дух человеческий в червей пресмыкающихся, своею кишасною слизкою бесформенностью засасывающих то, что уже начинало оформляться из хаоса. Конечно, каждому ясно, как трудна и длительна в процессе своем задача оформления хаоса и как сравнительно скоро совершается постыдный процесс инволюции в первообесформие.

Приложим все сказанное к нашим обстоятельствам. Не нужно думать, что я стал бы хотя в какой-либо мере сопоставлять задачу Риши Наряды с вымогательными действиями сеятелей тьмы. Но пусть эти невежды окажутся тем «туркой» на ярмарке, который стоит, предлагая попробовать о него силу

удара. Пусть это будут просто «силомеры» и по-своему послужат утверждению благих начал.

Поистине разнообразны пробные камни и строительные материалы. Какие только трубы и какой щебень и мусор находят себе применение в стенах здания с ведома строителя! При этом не начнем радоваться количеству представившихся нам силомеров. Ведь на ярмарках только прохожие кичатся тем, что их удар заставил «турку» высунуть язык. Строителям нет дела до того, какие именно судороги пробегут по лицам невежд. Даже судорога лишней раз заставит их подумать о чем-то таком, что иначе, может быть, и не пришло бы на ум. Строителям же нужно спешить дальше, чтобы зимние дожди и ураганы не заставляли постройку без покрытия.

Одно дело — попытки силомеров, но совершенно другое дело — чье-либо небрежение, оставившее на ночь ворота постройки незапертыми. Пусть Водящая Воля посылает столько силомеров, сколько нужно для утверждения дел, но не будем покушаться на трату чьей-то энергии лишь вследствие какой-либо забывчивости или легкомысленности.

Большая и прекрасная ответственность заключается в том, чтобы, мудро использовав силомеры, не допустить со своей стороны небрежность и неуважение к тому, что мы сами считаем в пределах желанной Культуры. Если мы возьмем историю целых государств, что же мы увидим: терпели ли они ущерб лишь от внешних врагов или же, прежде всего, содействовали умалению и разрушению своими

собственными внутренними мерами? «Ищите ближе» — так сказано самими Мудрыми. Зачем возлагать столько надежд и обвинений на силомеров, нет ли в доме у самого очага каких-то способствующих затруднениям обстоятельств?

Когда древние заповедовали: «Держите очаг чистым, держите его священным», ведь это не было только кухонное соображение! Ведь это было одно из мудрых указаний о значении всего внутреннего, которое многими наслоениями, часто в отдельности почти незаметными, ведет к несмываемым и часто суровым последствиям.

Итак, прежде всего, ищите ближе! Если же кто-либо вместо того, чтобы заставить «турку» высунуть язык, безрезультатно разобьет о него свой кулак, пусть пеняет не на силомер, а на неправильность или на недостаточность удара своего; даже на ярмарках более опытные прохожие, прежде нанесения удара, присматриваются, чтобы соизмерить и не сделаться посмешищем гуляк. Когда воины обучаются рубке меча на глиняных чурбанах, сколько раз можно видеть, как неопытный рубака ломал оружие свое о мягкую глину без всякого результата. При этом опытный наблюдатель замечал: «Эх ты, простак, чего рубишь, как дровосек, не в силае дело, но в ее искусном приложении». А сломавший оружие новичок долго недоумевает, как это могло случиться, чтобы его отточенный клинок преломился о такое мягкое вещество? Но скоро он узнает, насколько труднее рубить гнущиеся прутья, нежели

сухую дубовую ветку. Итак, в мирных настроениях помните и военные примеры. Ведь стратегия была изобретена из жизни, а вовсе не извне. И, в конце концов, опять — ищите ближе. А в особенности тогда, когда хотите посмотреть вдаль.

Благо — не бесформенность, не мягкотелость, не день вчерашний. Благо — устремленность, построение, но не мозговое только, а сердечное, во всей сердечной Беспредельности. И в этой Беспредельности столько находит себе новые места. Именно сердце в широком понимании оценит, где неоспоримое строение и творчество.

Агни насыщает сердце! Искра — от удара! Удары — двигатели!

Окончим из книги «Мир Огненный»:

«Зерно духа как бы нуждается в ударах укрепляющих. Мертвенное благополучие и прожигание бесцельное жизни — действие, противное природе. Люди не могут постигать целительного свойства подвигающих ударов, как бы разрядов двигателей. Вспышки энергии двигают человечество. Нужно познать, насколько начинает действовать Агни лишь при движении энергии. Можно наблюдать много примеров в природе, но люди предпочитают изъять себя из закона единства. Правда, что без понимания будущего удары-двигатели непонятны. Они могут породить сетования и уныние. Потому так нужно постижение основ самоусовершенствования для великого будущего. Устремление к будущему уже будет означать проявление Агни. Не думай-

те, что излишне твердить об Агни и о будущем. Нужно примирить младенца с его первой болью. Явление сетования уже значит непонимание задачи жизни. При ударах-двигателях особенно трудно познать их истинное значение. Но начало подвига есть уже признание ударов-двигателей. Пусть не забудем формулу ударов-двигателей».

Гималаи. 1932 г.

ТЕРПИМОСТЬ

Надпись царя Ашоки гласит: «Не унижение других верований, не беспричинное обесценивание других, но надлежит воздание почитания всем верованиям за все, что в них достойно почитания». Великий Акбар с мудрой Джод-бай, создавая храм Единой Религии, мыслили о том же великом вмещении, преисполняясь терпимости.

Когда Бхагаван Рамакришна принимал участие во всех религиях и выполнял работы всех каст, он делал это для того же великого чувства уважения ко всему существу, во имя великой терпимости, которая открывает Врата к светлым построениям Будущего. И Преподобный Сергей, предлагая великому князю прежде военных действий истощить весь запас мирных предложений и дружественной находчивости, делал это во имя того же великого Завета. Разве не оставляет во всех нас одно и то же тягостное чувство всякое проявление тупой нетерпимости? Разве не довольно всех бесчисленных примеров ис-

тории, когда величайшие наследия разрушались невежественной нетерпимостью? Ведь это темное порождение можно связывать мысленно лишь с невежественностью, дочерью тьмы.

«Агни-Йога» в отделе «Сердце» говорит: «Нетерпимость есть признак низости духа. В нетерпимости заключаются задатки самых дурных действий. Нет места явлению роста духа, где гнездится нетерпимость. Сердце неограничено, значит, какое же скудное сердце должно быть, чтобы лишиться себя беспредельности! Нужно искоренять каждый признак, который может вести к идолу нетерпимости. Человечество изобрело разные преграды к восхождению. Темные силы всячески пытаются ограничить эволюцию. Конечно, первым натиском будет действие против Иерархии.

Слышали все о силе Благословения, но по невежеству превратили это благодатное действие в суеверие. Между тем сила магнита и есть усиление Благословением. Много говорят о сотрудничестве, но при каждом созидании нужно утвердить сознание. И что же непосредственное укрепляет мощь, нежели луч Иерархии!»

Действительно, поучительно видеть, против чего прежде всего устремляется тупая нетерпимость. Прежде всего ненавидит она сотрудничество и Иерархию. В ее низком понятии мощное слияние сотрудничества с Иерархией делается совершенно несовместимым, между тем на чем же ином можем мы строить преуспеяние? Особенно странно видеть,

как преисполненные нетерпимости, сами того не замечая, они устанавливают свою Иерархию. Если даже она будет Иерархией разрушения, то все же она останется как таковая. Иерархия темных есть тирания, тогда как Иерархия Света прежде всего основана на сознательном сотрудничестве. Тирания — насилие, страх, ужас, рабство. В истинной Иерархии созидательство, в котором каждая положительная способность находит свое применение и растет в постоянном совершенствовании.

Не подумает ли кто, что и мы допускаем нетерпи-... [В 1-м и во 2-м изданиях данной книги дальше ошибочно следовала вторая строчка следующего абзаца. Как в действительности заканчивалось предложение, пока установить не удалось. — *Прим. ред.*] ...мечено является основой разложения, становится вратами к хаосу. Кроме того, терпимость вовсе не означает терпимость зла и преступности, но, конечно, будет распространяться по всем бесчисленным отраслям созидания.

И не будем относить понятия терпимости или нетерпимости в какие-то высшие, абстрактные сферы. Не будем сопричислять их и к чему-то громадному, великому, за пределами обыденности. Зачем так далеко, когда оба свойства выражаются именно в обиходе каждодневности. В малых обыкновенных действиях следует искать выражения нашей сущности.

«На это сказал Иисус: «Некоторый человек шел из Иерусалима в Иерихон и попался разбойникам,

которые сняли с него одежду, изранили его и ушли, оставивши его едва живым.

По случаю один священник шел тою дорогою и, увидев его, прошел мимо.

Так же и левит, быв на том месте, подошел, посмотрел и прошел мимо.

Самаритянин же некто, проезжая, нашел на него и, увидев его, сжалился и, подошед, перевязал ему раны, возливая масло и вино; и, посадив его на своего осла, привез его в гостиницу и позаботился о нем; а на другой день, отъезжая, вынул два динара, дал содержателю гостиницы и сказал ему: позаботься о нем; и если издержишь что более, я, когда возвращусь, отдам тебе.

Кто из этих троих, думаешь ты, был ближний попавшемуся разбойникам?

Он сказал: оказавший ему милость. Тогда Иисус сказал ему: иди, и ты поступай так же» (Евангелие от Св. Луки, 10, 30—37).

Не с престола возливал милосердный самаритянин свой целебный бальзам в раны неизвестного путника. Нет, библейский пример дан в окружении обычности. Пустынная дорога, погибающий одинокий раненый. Немало людей обошло раненого и поспешили скрыться. Ведь кто знает, кто он таков? Может быть, не нашего вероисповедания? Может быть, помощь ему вовлечет в неприятную историю? Один из служителей церкви признался, что не мог помочь больной, ибо не знал, к какой вере принадлежит она. Но самаритянин своим примером уко-

рил всех ханжей нетерпимости. Да и Святой Мартин, когда отдал плащ свой нагому нищему, вряд ли предварительно учинил допрос о вере и общественном положении.

Примеры всех Заветов говорят о высшей, прекраснейшей терпимости.

Нетерпимый человек, прежде всего, и не милосерден, значит, и не великодушен и не знает доверия. Всякий зачаток нетерпимости должен быть искореняем с детства, с первых дней пробуждения сознания. Опытный воспитатель должен подмечать, в чем проявится первое отрицание, и немедленно заменить его действенным вмещением. Какое множество предрассудков и суеверий будет изъято из жизни! Сколько новых приветливых взглядов и сердечных сочувствий будет создано! Сколько домашних драм будет разрешено благостными заветами всевмещения!

В каждой школе, по любой специальности, с первого же дня терпеливо и заботливо будет вводиться просвещенное всевнимание и вмещение. Безысходность, исчадьё нетерпимости, заменится беспредельностью познавания и созидания. Темное «нельзя» заменится светлым «можно», облагороженным истинным просвещением.

Стары напоминания о нетерпимости, как первые страницы Заветов, но невнимание к ним делает их новыми, точно бы сложенными на день завтрашний. Как немного усилий требуется, чтобы это зав-

тра оказалось сияющим многими достижениями, возможными при сердечном сотрудничестве.

Даже и в наше нетерпимое время возможны такие объединительные учреждения, как всемирный Почтовый союз или Красный Крест. Никто из самых нетерпимых ханжей не протестует против этих учреждений. Значит, какой же незначительный сдвиг сознания требуется, чтобы достичь и всего прочего доверия и сотрудничества. И разве это так трудно?

Псалмы и песни народные издревле воспевают самые объединительные чувства человеческие, самые лучшие подвиги. Молодые очи, разве не сияют они от слова о подвиге прекраснейшем? И никакою машиною, никаким стандартом не задавить священный трепет сердца перед прекрасною беспредельностью. Пусть в школах еще больше говорят о подвиге, о великодушии, о творчестве мысленном и действенном. Маленький сдвиг покажет из-за тени сияние света. И превратится сдвиг в подвиг.

Вспомним поучительный пример китайской легенды о художниках. «Знаменитый художник был приглашен ко двору императора, чтобы написать возможно лучшую картину свою. Велики были затраты на оплату и на издержки приезда художника, но Покровитель Искусства император хотел иметь его лучшее произведение и предоставить все лучшие условия. Художник назначил срок в течение одного года. В отведенном ему помещении художник проводил день за днем в сосредоточенном обдумыв-

вании, так что наконец придворные обеспокоились, когда же наконец начнется сама картина. Все материалы были давно приготовлены, но художник, видимо, и не думал приступать к заполнению холста. Наконец спросили художника, ввиду приближения окончания срока, им назначенного, но он сказал: «Не мешайте». И за два дня до окончания года он встал и, быстро принявшись за кисти, закончил лучшее свое произведение, сказав после: «Сделать не долго, но нужно раньше увидеть то, что сделаешь».

Казалось бы, уже достаточно много времени прошло, чтобы человечество могло увидеть всю непрактичность, низость и ничтожество нетерпимости. Будем надеяться, что многие века уже научили увидеть и осознать этот вред, взаимно непрестанно наносимый. Будем думать, что по Завету мудрого китайского художника — «увидеть долго, но сделать быстро». И так сдвиг опять может превратиться в подвиг.

А чтобы не огорчаться на пути к подвигу, можно вспомнить известное многоопытное изречение Благословенного. Когда Ананда спросил, зачем тратить дыхание перед собранием, которое не желает понять поучение, Благословенный сказал: «Зима приходит. Если кто и не думает о ней, она тем не менее придет. Ничто не мешает мне посвящать себя проповеди истины, даже если кто-то не нуждается в том, что я говорю».

Гималаи. 1932 г.

ОРУЖИЕ СВЕТА

Воистину, слеп тот, кто не хочет видеть.

Среди практических занятий по римскому праву наш старый профессор как-то дал задание о преследовании клеветы. Обсуждая этот предмет, мы пришли к заключению, что клевета и диффамация в существе своем карались сравнительно мало. При этом мы спросили профессора — почему ни в одном законодательстве не карался произнесенный ложный факт. Помню, как добродушный профессор улыбнулся, воздел руки кверху и сказал: «Тогда пришлось бы посадить в тюрьму девять десятых всего мира».

Эти мечты студентов об ограждении человечества от ложных фактов рано или поздно опять вспоминаются. Само нагромождение разрушительных для человечества обстоятельств точно бы указывает, насколько следует обратить внимание на глубочайшие целые океаны ложных измышлений, в большинстве сознательно направленных ко злу.

Никакие современные законодательства, если бы даже и пытались иногда преграждать вредоносную клевету, не в силах бороться с шептанием лжи. Кто-то скажет, что это та же клевета, но очень многие подобные злошептания не подойдут под статью о клевете и тем не менее будут рассадником, в высшей степени вредоносным. Даже если мы постараемся не обращать внимания на всякую ложь, которую, как птицы, щебечут люди, вообще не давая

себе отчета, какие страшные приговоры иногда заключаются в веселом щебетании гостиных, то тем вред не уменьшится. Но, кроме этих безответственных щебетаний, в мире разрослось множество заведомо ложных измышлений, имеющих единственную и вполне осознанную цель — определенного вреда разложения и опустошения.

Если бы начать перечислять встреченные каждым из нас факты такой заведомой вредоносности, то составила бы огромная книга зла; также на сцене иногда показывают делание слепков замка для поддельных ключей, чем внушают слабовольным зрителям разные вредные идеи. Перечислять вредоносные измышления было бы само по себе уже вредно, но нужно дать себе труд, хотя иногда, подумав, сколько заведомой лжи шествует в жизни, разрушая на своем пути самые ценные, а часто и незаменимые возможности.

Из храма люди стали выходить обновленными для новой клеветы. Звуками песнопений стала поощряться душа к злословию. Лучший героизм драмы стал побуждать к подозрениям. И молитва не становится ли угрозою? Так ли? Хорошо ли?

Для смертельности яда змее не нужен гигантский рост; мала ехидна и змейка коралловая. Пагубен яд даже малого скорпиона.

Об обмане думает обманщик. О предательстве предусматривает предатель. Об ужасах терзается трус. Каждый по-своему. Скажи, о чем думаешь, и я скажу, кто ты есть.

Конечно, если законы должны ограждать безопасность граждан, то ясно, что и законы против клеветы и лжи должны быть постепенно усиливаемы. Если человечество видит, что поток зла очень изобретательно увеличивается, то странно было бы бороться с ним средствами древнего римского права, Кодекса Юстиниана или даже Кодекса Наполеона, которому частично подражали многие последующие законодатели.

Если зло создало свои новые формулы, то ведь и противодействие должно быть постоянно обновляемо.

«Воспитанные» дети должны ничего не желать, ни к чему не стремиться и притупить все свои творческие устремления, слепо следуя стандарту воспитателей, которых, в свою очередь, никто никогда не учил ничему благому и творящему.

Пыльны серые одежды, в которые мы закутали Этику и всякое светлое творчество! Они нашли себе ярких заместителей в виде осуждений, злоречий и распространения ложных измышлений. Странно наблюдать, насколько оживляются лица при одном приближении ложного измышления. Как обогащается словарь, и самый молчаливый гость становится чуть ли не оратором. При этом не тогда, когда он сам введен в заблуждение, но именно тогда, когда он отлично понимает, что он лжет.

Изобретателен лжец и в заподозриваниях; судя по себе самому, он, вступая в эту область, чувствует себя как рыба в воде. Его злобная опытность обод-

ряет, что выходки его останутся безнаказанны. Конечно, если вы напомните ему слова Писания: «В юже меру мерите, возмерится и вам», он только самодовольно махнет рукою, говоря: «После нас — хоть потоп!»

Его злобное сознание подскажет ему, что его собственное самосохранение лежит лишь во зле и без этого зла он, как рыба без воды, теряет свою жизнеспособность. В этой основной злобности, в этой подозрительности, в этом желании очернения всех сказывается и глубочайший атеизм.

Перед лжецом не встает никакого Высокого Облика, перед которым он мог бы устыдиться. Его скудное воображение не рисует ему никаких перспектив его собственной будущности, когда он должен будет дать отчет в действиях своих или, вернее, когда он должен поставить себя на место, заслуженное им самим.

Мудро сказано: «Поступайте так, как хотели бы, чтобы и с вами поступили». Если каждый лжец будет сознавать внутри себя, что он произносит не только крылатое воробьиное слово, но и делает при этом нечто, предусмотренное уголовным законодательством, то он лишний раз подумает — не слишком ли дорого обойдется ему так полюбившееся злоречие.

Вполне естественно, что усилившиеся своекорыстные угрозы и похищение детей в Америке вызвало усиление противодействующего закона. Конечно, вероятно, в эти дни Линдберг горько улыбает-

ся, сознавая, что этот усиленный закон пока ему ни в чем не помог. Даже наоборот, именно после введения закона получилось какое-то новое вымогательство, как бы глумление. Это глумление не показывает ли, насколько зло как таковое разрослось и меры против него уже запаздывают?

Не становится ли это похоже на гангрену, за которой тщетно старается поспеть нож хирурга? Не приходим ли мы опять к тому же самому решению, какое было прилагаемо и в других жизненных областях? То есть не время ли без промедления вводить в школы, с самых низших классов, основы практической Этики?

К сожалению, этот предмет попал в число отвлеченностей, о которых не всегда даже принято говорить, ибо это будет сочтено чем-то несовременным, невоспитанным и вызовет жестокий глум и противодействие союзников сознательного зла. Но если само древнее слово «Этика» ни в чем не виновато, то не виноваты ли мы сами, которые сделали беседу обо всем хорошем недопустимую в гостиных наших?

Не мы ли виноваты, если облекли животные основы Этики в скучнейшие серые тоги и предоставили злощептателям самые выразительные страницы словаря? Ведь энтузиазм, этот светлый огонь сердца, считается неприличным в «почтенном» обществе. Похвала и восторг, эти цветы Сада Прекрасного, считаются почти знаком невоспитанности. И похвала, вместо ее взаимновдохновляющего значения, принимает вид какого-то условного лицемерия, которое так и допущено.

Но для этого нужно иметь хоть какое-нибудь воображение. Для того нужно воспитывать это воображение, чтобы оно могло вывести за пределы сегодняшнего дня. Люди очень боятся болезней, нищеты и всяких несчастий. Самые наглые лжецы и клеветники иногда оказываются грубыми фетишистами. Они знают о каких-то несчастливых знаках, но не хотят знать лишь того, что обратная сторона есть просто возвращенный их собственный бумеранг. Карма!

Каждому, наблюдавшему метание бумеранга, вспоминается, как иногда неопытный и неосмотрительный метальщик потом с воплем пытается отскочить от собственного же орудия, которое неумолимо настигало его и било с математической точностью силы самой посылки. При этом опытные метальщики называли пострадавшего, прежде всего, глупцом. Поистине никакого другого наименования невеждам злобы и нельзя придумать.

Как все невежды, злошептатели прежде всего глупцы! Какие бы мишурно блестящие слова ни изобретали они в своих злошептаниях, как бы ни старались они развеселить наивное общество отвратительной выдумкою, они останутся прежде всего глупцами! Каждая их ложь с абсолютной точностью аккумулируется и в неожиданный ими момент поразит их тем сильнее, ибо каждый сад растет, как темный, так и светлый.

Странно, что земля должна была существовать несказуемые цифры лет для того, чтобы сейчас на-

зрела такая необходимость вопиать против количества зла, порожденного ложью! Но стоит взять любую газету, и события одного только дня покажут, какого страшного предела достигло человечество, желая вредить друг другу.

Хотелось бы, как детям, сказать: «Во время игры не деритесь!», так же сказать и взрослым: «Попробуйте прожить один день, не вредя друг другу!»

Кажется, что в такой день, который бы человечество прожило без вреда, совершилось бы какое-то величайшее чудо, какие-то прекраснейшие, целительные возможности снизошли бы так же просто, как иногда снисходит добрая улыбка сердца или плодоносный ливень на иссохшую землю.

Однажды женщина сказала священнослужителю: «Когда я молилась, то священное Изображение улыбнулось мне». А мудрый священнослужитель ответил: «Сердце твое улыбнулось, и ответила ему улыбка Спасителя». Неужели же невозможна эта спасительная улыбка правды, улыбка благодного даяния и самоотвержения? Неужели же действительно эгоизм, этот один из ближайших родственников лжи, уже стал победителем?

Не может это быть там, где из глубокой древности уже даны мудрейшие Заветы. Не в скуке, обезображенной непониманием Этики, но в радости Этики, преображенной огнем сердца, всеми лучшими заветами от юношества, от младенчества пусть идут дети новым путем великого сотрудничества с Благом творящим!

История дает нам изумительные примеры, как часто не только детский, еще не испорченный, мозг преобразался мышлением, но и самые, казалось бы, закоренелые преступники просветлялись. Примеры этих просветленных преступников всегда указываются Великими Заветами; значит, ничто не потеряно. Значит, по счастью, не одною угрозою законов, но именно просветлением сознания можно достигать самых лучших следствий.

Один ученый говорил мне: «У нас не осталось формул». Ах, какая неправда! Все прекрасные формулы не только сохранены во всей живости, но и не великое мужество требуется, чтобы опять обратиться к формулам прекрасным и благостным. «Сердцеведение» называется этот предмет очищающий. Конечно, это благовествование пусть облечется в одежды Света: как сказал Апостол Павел, «облечемся в оружия Света».

В этих светлых одеждах, в доспехе блистающем среди сияющих факелов сердца, нетрудно будет бодрствовать всю долгую ночь и дожидаться Утреннего Света. Никто не сказал, что праздники не нужны. Наоборот — Праздник Сознания, Праздник Труда, Правды, как он глубоко вдохновителен! А главное, как он возможен от любой хижины и до дворца!

Будем же все, хотя бы самое темное, хотя бы самое злое, покрывать творческим созиданием, тем, которое даст Праздник Души человеческой. На том и сойдемся!

Гималаи. 1 мая 1932 г.

КАЧЕСТВО

«Если хочешь опередить свою тень, обратись лицом к солнцу. Брат, делай все лучше, трудись радостнее».

В известный период синтеза деятельность должна сконцентрировать качество выявления. Количество, как известные массовые вестники, может быть иногда допускаемо, но движение Культуры никогда не запечатлевалось ни количеством, ни большинством.

Высокое качество и изысканное меньшинство всегда были двигателями настоящих достижений культуры. Очень часто даже в хороших речах и писаниях о Culture проскальзывает, что Culture начинается там, где люди знают, как использовать досуги свои. Это может быть верно лишь постольку, поскольку мы условимся в понятии досуга. Если под досугом мы поймем все время вне нашей рутинной работы, как мы иногда называли ее — временем труда — пранаямы, тогда так называемый досуг явится лишь средоточением на изыскании высокого качества всей нашей деятельности. Сконцентрированные качественные удары собранной энергии; прекрасно звучат они в пространстве и пробуждают звучанием своим сердца народов.

Качественность пробуждает и другую столь необходимую в эволюционных процессах особенность: она пробуждает действительную ответственность за все исходящее, хотя бы в одном утверждении или

предупреждении, хотя бы оно являлось новой фазой утончения чего-то, казалось бы, уже известного. Величайшая драма часто скрывается в этом будто бы уже известном. Это «известное» попадает в тот разряд общепринятости, о котором люди более и не помышляют, иначе говоря, не только не утончают, но и не возвышают более эти понятия.

Устремление к качественности обратит нас ко многим аксиомам жизни, которые придется опять вернуть к проблемам, настолько они требуют утончения, обострения и устремления с новых точек нашего бытия. «Non multa, sed multum», этот мудрый совет давался тоже в известные периоды деятельности. Нельзя начинать знаменование Культуры с молчания. Молчальники-отшельники уходили от мира лишь после известной деятельности, когда само их молчание являлось уже громовым духовным зовом и целением немощей.

Как прекрасно сосредоточенное ответственное движение резца ваятеля, который после грубого оформления подходит к выявлению тончайших покровов, причем малейшее отступление верности руки наносит непоправимое искажение. Пока ваятель находится в сфере первобытных оформлений, рука его может позволить себе иногда или слишком углубленный, или поверхностный, извилистый удар резца. Но когда он подходит к окончательному выражению, преступить которое значило бы вернуться к хаосу, то творческий энтузиазм его возвышается и великою ответственностью за каждое движе-

ние его руки. В это время ваятель, может быть, еще чаще отойдет от своего произведения, чаще взглянет на него с разных углов зрения, чтобы, приблизившись, запечатлеть неповторяемое прикосновение. Там, где в первые дни работы ваятель мог и словесно выражать свои намерения, там при завершительных ударах он больше молчит, углубляется, зная, что он ответит за все им завершленное.

Качественность, воздвигнутая всем комплексом обстоятельств, вносит в дело строения особую духовную радость. Переходящий горный поток не может позволить себе ни единого неверного движения. Так же следуя по струне через бездну, мы как бы даже теряем часть нашего физического веса и, сердечно прикрепленные к духовным нитям, почти перелетаем гибельные пропасти.

Назовете ли это энтузиазмом, или возвышением духа, или совершенством качества всех движений и помыслов, или высочайшею торжественностью всех чувств наших, безразличны эти наименования. Тот, кто не поймет торжественности в любви, торжества качества, тому и все прочие наименования будут лишь камнями, грохочущими в горном потоке.

Не в грохотании звонких слов лежит суждение о высоком качестве. В собранной торжественности сердца решается это судьбище вечности. Если мы дерзаем произносить слово Культура, значит, прежде всего мы ответственны за качество. Корень слова Культура есть высшее служение совершенствован-

нию, но это и есть наше обязательство по отношению к бытию.

В накоплении качества ничто не будет не предусмотрено, ничто не будет забыто и, конечно, ничто не будет своекорыстно извращено. Крупное ли, мелкое ли своекорыстие так внедрено в жизнь человечества целыми веками извращений и отрицаний, что своекорыстие является одним из главных врагов всего совершенного поверх личного качества.

Как-то рассуждалось в печати о том, не было ли в подвигах, запечатленных человечеством, какого-то своекорыстия? Вопросалось — не было ли в действиях пастушки Жанны д'Арк какого-либо движения самости, когда она утвердилась на мысли о спасении целого народа? Эти соображения могут приходить в голову лишь людям, в существе своем своекорыстным. По их мнению, не только подвиги, но даже и дела повседневного благотворения, конечно, вызваны лишь разными степенями самости и своекорыстия.

Таков закон людей бессердечных, которые, судя по себе, полагают, что все доброе творится или для своекорыстия, или для каких-то земных личных возвышений, забывая, что эти земные цветы однодневны, как и пышные цветы кактуса. Бросая всему обвинение в своекорыстии, прирожденные своекорыстники начинают безумствовать и над Культурою. Они говорят: «Нам недоступны пути святости», точно бы обязанности перед Культурою уже были какими-то святыми достижениями.

Кошунственники всегда будут ненавистную им реальность забрасывать за облака недосягаемости, чтобы тем легче навсегда отвязаться от нее. Они же охотно будут покровительствовать кулачным боям, бою быков, состязанию на скорость, доведенную до бесцельности. Они выдвинут все физические грубейшие выявления, лишь бы хотя отчасти стереть значение всего изысканного творящего. Они готовы передать Храм в руки торгашей, надеясь, что, по нашим временам, некому будет изгнать их из Святилища и поддержать то, чем жив дух человеческий.

По счастью, пути совершенствования и высокого качества в существе своем лежат вне рук торгашествующих. О качестве мыслит меньшинство. О качестве может мыслить молодое сердце, пока не загрязнено. По каким бы закоулкам ни вздумало бродить человечество, процесс качества все-таки будет совершаться! Все-таки совершится, ибо подвижничество живет в сердце утонченного духа. Вне опубликованных законов находятся накопления утончения.

Но не будем входить в сферы несказуемые. Сейчас нужно твердить именно о вполне сказуемом понятии качества во всех действиях, во всей производительности. Не устремленные к качеству пусть лучше и не говорят о Культуре.

Культура вовсе не модное, стильно фешенебельное понятие. Она есть глубочайший устой жизни, скрепленный высшими серебряными нитями с Иерархией Эволюции. Потому-то осознавшие

стремление к качеству не бояться насмешек и повторяют словами Апостола Павла: «Когда вы думаете, что мы мертвы, мы все-таки живы». И не только живы, но каждый, устремленный к Культуре, иначе говоря, к качеству, находит в себе неиссякаемый источник сил и противостояние всему злобному и разрушительному. Он-то может повторять мудрое изречение: «Благословенны препятствия, ими растем». Для него каждое выявление препятствия есть лишь возможность возвышения качества.

Чем же будет преоборена грубейшая форма, как не излучением духа, сказавшимся во всем качестве, в качестве каждого действия, каждого дня, каждого помысла. Итак, стремясь к высшим формам цивилизации, дерзая мыслить даже о Культуре, не забудем, что жизненность стремления создается из высшего качества всех действий.

Не мечтать во снах, но выявлять в жизни обязывает нас ответственность перед Культурой. И эта ответственность поистине распространяется не на какие-то заоблачные мечты редких праздничных дней, но должна быть запечатлена во всей каждодневности. Качество, красота, торжественность в любви во всей неудержимости и беспредельности ткут несломимые крылья духа. Качество, качество, качество! Во всем и всегда!

Конечно, всегда найдутся и сатанинские твари, которые на все духовное, на все прекрасное прошипят: «К черту Культуру, деньги на стол». Но не завидна мрачная участь таких сатанистов. По счастью, «Свет побеждает тьму».

Но какие же сердечные выражения приветя послать тем, кто бескорыстно, самоотверженно борется за Культуру! Как не приветствовать тех, кто благородною борьбою своею помогает государству вписывать незабываемые страницы лучших достижений! Ведь эта борьба, как борьба с самою сгущенною темнотою, необычайно трудна, но зато она и составляет тот истинный подвиг, который запечатлевается навеки и составляет лучшие путеводные вехи молодым поколениям.

Благородное стремление создает и неиссякаемость сил и растит тот светлый энтузиазм, о котором горят глаза и звучит сердце человеческого. Во имя бездонной Красоты сердца человеческого и сойдемся и укрепимся в светлой победе Культуры.

Гималаи. 1932 г.

ТУМАН

Сколько людей приезжает полюбоваться величественным видом Гималаев, неделями живут в Дарджилинге. Нередко за все время видят перед собою лишь серый беспросветный туман и уезжают в полном разочаровании. Местные снимки с гор их не только не удовлетворяют, но, вероятно, им кажутся какими-то поддельными. Ведь они сами не видели горного величия. Они остаются в пределах очевидности. А случайная очевидность им уделила лишь серый туман. Трудно людям отделять очевидность от действительности. Серый подавляющий туман

так часто скрывает прекрасную действительность. И не образовано воображение. Коротки мысли для того, чтобы огненно представить себе скрытое туманом.

«Но не известно будущее, и стоит оно пред человеком, подобно осеннему туману, поднявшемуся из болот: безумно летают в нем вверх и вниз, черкая крыльями, птицы, не распознавая в очи друг друга, голубка — не видя ястреба, ястреб — не видя голубки, и никто не знает, как далеко летает он от своей гибели...»

Сколько непоправимых горестей соделано в тумане. Сколько непоправимого происходит в туманах гнева, раздражения, смятения и страха. Все туманы разноцветные, но всегда отягченные серыми и алыми, насыщениями. И черные туманы бывают. В Лондоне при черных туманах люди не могут найти даже свой собственный дом. Блуждают беспомощно, выходят из себя, теряют терпение. Только подумайте, если зримый туман может называться черным туманом, а сколько этой чернейшей тьмы обуревают, искажает сознание человеческое.

Газета рассказывает следующий «роковой случай»:

«Несколько дней тому назад в Харбине в Модягоу произошла потрясающая трагедия, повлекшая за собой смерть 8-летнего мальчика. Знакомые подарили мальчику щенка. Мальчик кормил собачку из своих рук, играл с ней целыми днями и даже

брал ее с собой спать в свою кровать. Между ребенком и собакой установилась самая нежная дружба.

Отец по утрам открывал клетку с канарейкой и выпускал ее летать по комнатам. Щенок подкараулил канарейку, ударил ее лапой и придушил. Отец схватил щенка за задние лапы и на глазах своего сына ударил щенка головой об стену и убил его. Ребенок был страшно потрясен этой картиной жестокой расправы со своим любимцем. Спустя несколько времени мальчик стал жаловаться на сильную головную боль, указывая, что, очевидно, так же болела голова у его щенка, когда отец убивал его, ударив о стену.

На следующий день у ребенка поднялась температура. Вызвали врача, который высказал подозрение на нервную горячку и потребовал, чтобы родители перевезли ребенка в больницу. На третий день болезни врачи, по характерным признакам заваливания головы назад, определили у мальчика заболевание менингитом. Причиной заболевания, возможно, послужило то потрясение, которое ребенок пережил, наблюдая картину убийства отцом его любимой собачки. На пятый день мальчик умер. Его смерть явилась большим ударом для родителей.

Отец и мать переживают сейчас большую трагедию. Мало того, что оба убиты свалившимся на них горем, между ними происходят ежеминутные ссоры. Мать умершего мальчика упрекает мужа, называя его виновником гибели ребенка. Отец посетил несколько врачей и справлялся у них, может ли слу-

читься заболевание менингитом от такого потрясения, какое пережил мальчик.

Врачи ответили утвердительно».

Действительно страшная драма, непоправимая, порожденная уродливым бытом. А сколько таких драм и ужасов происходит, не попадая на газетные листы. В молчании и неизвестности эти ужасы остаются неявленными и не предупреждают многих, уже готовых к совершению страшного дела. Страшные дела бывают разные. Топором рубят головы, удушают и не однажды, а трижды... Мало ли какие ужасные изобретения существовали, а может быть, и еще существуют.

Но еще гораздо больше страшных дел творится и без топоров и без шнурков-удушителей. В тесном быту, при закрытых дверях и окнах, калечатся жизни. Какие-то люди берут на себя ответственность за извращение чужой жизни. Иногда, подобно средневековой инквизиции, они думают исправительствовать, но чаще всего действуют просто в тумане, в алом и черном тумане. В таком тумане, в котором они уже не распознают своего собственного очага, в котором они готовы разрушить ими же сложенный дом, лишь бы произвести акт безумия. Конечно, это несомненно безумные действия. Но от того, что они безумные, на земле не легче.

Вы представляете себе сверлящую мысль умирающего мальчика о том, что его собачке было так же больно, когда ее убивал его отец. В этом «так же точно» выражено очень многое. Наверное, когда

мальчик говорил это, то никто толком и не обращал внимания на тяжкий смысл сказанного, а вот теперь, когда он умер, тогда и его слова запечатлеваются, и, конечно, над ними думают.

Как-то приходилось спросить, почему именно так долго оставались непризнанными некоторые замечательные сочинения. На это отвечали: «Не менее пятидесяти лет от смерти автора должно пройти, чтобы люди уверились». Когда одного философа вели на костер, он сказал окружающим: «Мысль нуждается в огненной печати».

Великая скорбь в этих словах. Ведь сказавший это имел в виду не предопределенный процесс светлой мысли, но искаленную, извращенную мысль, для которой осознание придет лишь после непоправимого.

Они, отемненные черным туманом, неужели никогда не помыслили о всем глубоком значении слова НЕПОПРАВИМОЕ? Ведь самый первый урок сочувствия, самоотвержения и терпения уже избавил бы этих готовящихся преступников от совершения злого дела. Конечно, судебные защитники будут говорить о большой разнице сознательного и бессознательного содеяния. В обстановке суда слово БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ звучит, но когда вы подумаете над ним, оно распадается на множество делений со значениями и последствиями, и последствиями весьма разнообразными.

Если данный злой поступок был бессознательный, то посмотрим, откуда произошло это несозна-

тельное житие. Конечно, мы увидим много и алого и черного самопорожденного тумана. Оправдываться условиями среды, трудностями быта принято и в конце концов делается легким и избитым. Зачем складывать вину на какую-то среду, из которой человек и не пытался уйти? Не лучше ли поискать ближе... в самом себе?

Быт всегда труден. Лишь по незнанию люди думают, что кому-то легко, а только не им. Часто там имеются те трудности, о которых эти люди и вообще не думали. Трудно везде. А чтобы увидеть эти трудности, прежде всего нужно освободиться от тумана. Ведь туманы происходят от земных испарений. Каждый душевный туман будет от земного, от телесного. Если это твердо запомнить, то при первом же слое этого тумана еще можно одуматься, еще можно сообразить, насколько постыдно это погружение в рудиментарный хаос.

И опять-таки для соображений о земных туманах не нужно ждать каких-то войн, смятений, преступлений кричащих. В тиши быта, при запертых дверях и окнах рождается черный и красный туман. Там совершаются непоправимые накопления.

На море и на улицах при тумане зажигают двойные огни; указывают опасность сиренами и гудками. Вот и гибельная опасность душевного тумана должна быть предупреждаема какими-то голосами и внешними, и внутренними.

Зазвучи, сердце!

24 февраля 1935 г.

АДАМАНТ

Мы много увидели и много узнали...

Кто разрешит задачу построения могучего водопада? А между тем в пене и накипи скрыт великий творческий рисунок. В волнах мирских потрясений часто стираются дела, но зато начинает властвовать сущность Сознания.

Со священным сознанием народов в наши дни особо повелительно прибавляется лозунг: искусство и знание. Об особом значении этих великих понятий для нашего и для будущего времени надо сказать именно сейчас. Тем — чьи глаза и уши еще не засорены мусором обихода. Чьи сердца еще не остановлены рычагом машины «механической цивилизации».

Искусство и знание. Красота и мудрость. О вечном и обновленном значении этих понятий говорить не надо. Еще вступая на жизненный путь, ребенок уже инстинктом понимает всю ценность украшения и познания. И лишь впоследствии под гримасой обезображенной жизни эта молитва духа затемняется, а в царстве пошлости она даже кажется или несвоевременной, или уже ненужной. Да, современность доходит даже до такой чудовищности.

Много раз мне приходилось стучаться в эти ворота. Говорю:

«Среди ужасов, среди борьбы, среди столкновений народных масс сейчас более всего на очереди вопрос знания, вопрос искусства».

Не удивляйтесь. Это не преувеличение, не общее место. Это решительное утверждение.

Вопрос относительности человеческих знаний всегда был большим вопросом. Но теперь, когда все человечество испытало последствие заградительной проволоки, когда в жизнь вошло столько знания — этот вопрос стал насущным. Люди привыкли не только думать, но и бесстыдно говорить о предметах, которые они явно не знают. Самые «почтенные» люди болезненно повторяют мнения, ни на чем не основанные. И такие суждения вносят в жизнь великий вред. Часто неизгладимый. Бесчисленны лживо знающие и почитающие себя.

Должны мы сознаться, что за последние годы европейская цивилизация сильно потрясена.

Конечно, то, чего еще не достигло теперь человечество, — ему суждено. Трудом и самоотверженностью придется строить основы культуры. Ведь цивилизация еще не культура.

Знания, затворенные в хранилищах и заключенные в умах учителей, опять мало проникают в жизнь. Опять не рождают действенных подвигов созидания.

Жизнь наполнена еще скотскими велениями брюха. Мы приблизились к черте страшного заколдованного круга. Заклясть его темных хранителей, вырваться из него можно только талисманом истинного знания и красоты.

И пришло время этого исхода.

Сознаемся, что человечество сильно одичало.

Нужды нет, что оно еще носит европейский костюм и по привычке произносит особенные слова. Но под костюмом — дикое побуждение, а смысл произносимых слов, часто великих, трогательных, объединяющих, уже затемнен. Пропадает руководящее знание. Люди незаметно привыкают к темноте.

Без ложного стыда, без ужимок дикарей — сознаемся в этом. Сознание есть уже ступень преуспевания.

* * *

Мало знания. Мало искусства. В жизни мало тех устоев, которые единственно могут привести к золотому веку единства. Чем больше мы знаем, тем яснее наше незнание. Но если вообще не знаем, то даже и ощущения незнания нет. И двигаться нечем. И двигаться некуда. Тогда уже неизбежно — крошечное царство пошлости.

Молодые поколения еще не приготовлены заглянуть смело, со светлой улыбкой в ослепительное лицо знания и красоты. Откуда же придет познание сущности вещей? Откуда придут мудрые взаимные отношения? Откуда придет единение? То единение, которое служит верным залогом наступательных, твердых движений. Только на почве истинной красоты, на почве подлинного знания установятся отношения между народами. И настоящим проводником будет международный язык знания и красоты искусства.

Только эти проводники могут установить глаз добрый, так необходимый для будущего созидания.

Путем вражды, грубости, поношения все равно никуда не прийти. Ничего не создать. Но сущность человека все же стремится к справедливому познанию.

Вот скажу не общее место, не пустое слово. Скажу убежденное устремление подвига: «Единственная опора жизни — искусство и знание. Именно в наши трудные дни, в наше тяжелое время будем твердо помнить об этих светлых двигателях. И в испытаниях и в боях будем исповедовать всеми силами духа».

Вы говорите: «Трудно нам. Где же думать о знании и красоте, когда жить нечем. Далеко нам до знания и до искусства. Нужно устроить раньше важные дела». Отвечаю: «Ваша правда, но и ваша ложь. Ведь знание и искусство не роскошь. Знание и искусство не безделье. Пора уже запомнить. Это молитва и подвиг духа. Неужели же, по-вашему, люди молятся лишь на переполненный желудок или с перепоею? Или от беззаботного безделья? Нет, молятся в минуты наиболее трудные. Так и эта молитва духа наиболее нужна, когда все существо потрясено и нуждается в твердой опоре. Ищет мудрое решение. А где же опора тверже? А чем же дух зажжется светлее?»

Ведь не голод ощущаем. Не от холода сотрясаемся. Дрожим от колебания нашего духа, от недоверия.

Вспомним, как часто, трудясь, мы забывали о пи-

ше, не замечали ветра и холода и зноя. Устремленный дух окутывал нас непроницаемым покровом. «Оружие не рассекает его. Огонь не палит его. Вода его не мочит. Ветер его не сушит. Ибо нельзя ни рассечь, ни высушить его: постоянный, всепроникающий, устойчивый, незыблемый, извечный он. Один почитает его за чудо; другой говорит о нем как о чуде; третий слышит о нем как о чуде, но и услышав, никто не знает его».

Великая мудрость всех веков и народов о чем говорит? О человеческом духе. Вдумайтесь в глубокие слова и в ваш житейский смысл. Вы не знаете границы мощи вашего духа. Вы не знаете сами, через какие непреодолимые препятствия возносит вас дух ваш, чтобы опустить на землю невредимыми и вечно обновленными. И когда вам трудно и тяжело и будто бы безысходно, не чувствуете ли вы, что кто-то помогающий уже мчится к вам на помощь? Но путь его долог, а малодушие наше быстро. Но ведь он идет и несет вам и «Меч мужества», и «Улыбку смелости». Говорили о семье, покончившей жизнь угаром от отчаяния. Ведь это нестерпимо малодушно. Ведь при будущей победе духа они, ушедшие самовольно и боязливо, будут терзаться, ибо не приложили труда своего к тому, к чему должны были. Не все ли равно, какой труд. Утопающий борется с волной всеми мерами. Но если силен дух его, то и сила духа его умножится безмерно.

Но чем же вызовете дух ваш? Чем вскроете то, что у многих засыпано обломками обихода? Твер-

жу. Повторяю: красотой искусства, глубиной знания. В них, единственно в них, заключены всепобедные заветы духа. И очищенный дух вам укажет, которое знание истинно, которое искусство подлинно. Верю, что вы сумеете призвать себе на помощь дух ваш. Он, ваш руководитель, покажет вам лучшие пути. Он поведет вас к радости и победе. Но и к победе он поведет вас... путем, ступени которого скованы лишь знанием и красотой...

Всему миру приходит трудное испытание. После средневековых испытаний огнем, водой и железом предстоит испытание восприятием культуры, но если сила духа возносила людей против огня и железа, то та же сила вознесет их на ступени знания и красоты. Но это испытание труднее древних искусств. Готовьтесь к подвигу, творимому в жизни ежедневно. А теперь отнеситесь бережно ко всему, что двигает культуру. С особой признательностью подойдите ко всему, что выявляет ступени красоты. Ведь сейчас все это особенно трудно. И с особой заботливостью и нежностью мы должны произносить имена, проводящие в жизнь то, чем мы гордимся по праву.

Много серьезных вопросов, но среди них вопрос культуры будет краеугольным.

Что может заменить культуру? Продовольствие, промышленность — тело и брюхо. Но стоит лишь временно устремиться к вопросам тела и брюха, как интеллект неизменно падает. Весь уровень народа понижается.

* * *

Во всей истории человечества ни продовольствие, ни промышленность не строили истинной культуры. И надлежит особенно бережно обойтись со всем, что еще может повысить уровень духа. Не мечтаю, но утверждаю.

При всех новых созиданиях, при новом строительстве линия просвещения и красоты должна быть лишь повышена, но не забыта ни на мгновение. Это не отвлеченное суждение — наоборот, ближайший распорядок.

Миру предстоит славное строительство. Подрастающее поколение вне всяких повседневных нужд должно готовиться к подвигу истинного, веселого труда.

Во внутреннем строительстве нашем неутомимо мы должны под благим знаком просвещения вносить красоту и знание в широкие народные массы, вносить твердо и деятельно, помня, что сейчас предстоит не идеология, не формулировка, но именно дело, творчество, сущность которого понятна и ясна без многословия.

Не слова, но дело. Мы должны помнить, что лик красоты и знания излечит народ от распушенности мысли, внушит ему основы достояния личного и общественного, откроет сущность труда и в лучшем понимании укажет народу путь высоких достижений духа. Но для этих простых основных усвоений народ должен подвижнически выявить взаимное благожелательство, единение и уважение к много-

образным путям духовных поисков, к сотрудничеству.

Народ должен навсегда духовно оборониться от пошлости и дикости, должен из обломков и из самородков, с любовью найденных, слагать Кремль великой свободы, высокой красоты и глубокого знания.

Знаем, что эти пути красоты и знания особенно трудны сейчас. Знаем, что материальная сторона предательски овладела человечеством, но мы и не скрываем, что надо искать пути подвига.

* * *

И в Лондоне уже было утверждено: «Всячески надо стремиться возглашать и широко проводить в жизнь задачи подлинного искусства и знания». Помня, что искусство и знание лучший международный язык. Помня, что сила народная заключается в его духовной мощи, которая крепнет из источников живой воды. Помните народную мудрость — сказку: источник мертвой воды, то есть все, что для тела, связал, соединил члены разрубленного тела, но оживить тело можно было лишь из источника живой воды. Те священные источники должны быть открыты для исцеления мира. Нет зрителей — есть только работники.

Сейчас приходится говорить простыми, ясными словами, точно на площади; приходится твердить и повторять без усталости. Сейчас жизнь наполнена старыми знаменами, изношенными, как стертые, не-

годные лики монет. Сейчас жизнь наполнилась условными, бесчисленными наименованиями. Сейчас забыт «Человек». Просты и ясны слова человеческие, но еще проще и яснее общечеловеческий язык творчества со всей его таинственной убедительностью.

Молодежи предстоит подвиг истинного внесения в жизнь творчества и знания. Так, замкнутые книгохранилища, как обернутые к стене картины, так вне жизни стояли часто искусство и знание. Но поколение молодежи должно подойти действительно и жизненно. И труд, самый простой труд обихода, должен озариться исканиями и победами. Ведь пути искусства в их вековых наслоениях так углублены и бесчисленны, а истоки знания так бездонны. Какая веселая трудовая жизнь предстоит вам, начинающим работать.

Красота и мудрость. Именно молитва духа вознесет страны на ступени величия. И вы, молодежь, можете всеми мерами требовать открытия этого пути. Это ваше священное право. Но для осуществления этого права вы должны научиться открыть глаза и уши и отличать правду от лжи. Не идеология, а действенное усилие необходимо. Железо ржавеет. Даже сталь разъедается и распадается, если ее не обновлять живительно. Так и мозг человеческий костенеет, если не дадите ему совершенствоваться неутомимо. А потому учитеесь подойти к искусству и знанию. Эти пути, легкие потом, часто трудны вна-

чале. Превозмогите! И вам, молодежи, предстоит одна из наиболее сказочных работ — возвысить основы культуры духа, заменить механическую цивилизацию — культурой духа; творить и создавать. Конечно, вы присутствуете при мировом процессе разрушения механической цивилизации и при созидании основания культуры духа. Среди народных движений первое место займет переоценка труда, венцом которого является широко понятое творчество и знание. Отсюда ясно, что в поколениях народа первое место займут искусство и наука. Кроме того, эти два двигателя являются тем совершенным международным языком, в котором так нуждается мятущееся человечество. Творчество — это чистая молитва духа. Искусство — сердце народа. Знание — мозг народа. Только сердцем и мудростью может объединиться и понять друг друга человечество. Новые правительства напишут на знаменах своих: молитва труда, искусство и знание, — и поймут, что вносящий истинную государственность не может ни на минуту забыть о подвиге жизни. Иначе строителю нет путей и его ожидает разрушение.

Повторяю, твержу, как заклинание: «Вы, молодежь, имеете право всеми мерами требовать от правительства путей искусства и знания. Со спокойной совестью вы должны иметь возможность сказать, что даже в самые тяжкие минуты вы помнили о великих устоях — о красоте и мудрости. Вы не только помнили, но и по мере сил вносили в жизнь этот

подвиг, который заменяет радость разрушения истинной радостью созидания. И в таком сознании — залог вашей будущей светлой жизни. Ведь вы знаете: вне искусства далека государственность. Вне искусства темна наука. Вы ведь знаете, что подвиг духа жизни творится не одними пустынноиками и столпниками. Подвиг творится здесь, среди нас, во имя того, что считается самым священным, самым близким Великому Духу. И сознание подвига жизни раскроет вам путь нескончаемо прекрасный.

И вот теперь обращаюсь к вам со словами об искусстве и знании. Ведь вы рыцари народа — рыцари духа, не останетесь во граде мертвых. Не разрушением, а созиданием должно кончаться всякое слово. Знаем, что такое мощь созидательной мысли. И вот теперь перед ликом великих поисков мы должны сказать слова, идущие из источника самого лучшего: «Оставьте все предрассудки, мыслите свободно». А все помысленное во имя красоты и мудрости будет прекрасно.

И еще скажу вам: «Помните, сейчас пришло время «гармонизации» центров, это условие будет краеугольным в борьбе против «механической цивилизации», которую ошибочно иногда называли культурой. Заброшенный мелочами обихода, варварски искореняемый дух уже восстает. И растут его крылья. И мы не одиноки в нашей борьбе». Мощный праведник Свами Вивекананда говорит о значении искусства: «Don't you see, I am, above all, a poet». «That man cannot be truly religious, who has

not the faculty of feeling the beauty and grandeur of Art». «Non appreciation of art is cross ignorance»¹.

Рабиндранат Тагор кончает статью «What is Art» словами: «In art the person in us is sending its answer to the Supreme Person, who reveals Himself to us in a world of endless beauty across the lightless world of facts»².

Друзья, сохраняйте вашу светлую, творческую волю. Нет иного пути.

И вы, друзья, в рассеянии сущие. Пусть и к вам просочится зов мой. Соединимся невидимыми проводами духа. Вас зову. К вам обращаюсь. Во имя красоты и знания, для борьбы и труда соединимся.

Лондон, 1920 г.

ДЕЙСТВИЕ

Однажды великий Акбар провел черту и спросил своего мудреца Бирбала, чтобы тот сократил ее не урезывая и не касаясь концов ее. Бирбал параллельно провел более длинную линию и тем самым линия Акбара была умалена. Мудрость заключается в проведении более длинной линии.

---

¹ «Разве вы не видите, что, поверх всего, я — поэт». «Не может быть по-настоящему религиозным тот, кто не осознает красоту и величие Искусства». «Непризнание искусства есть крайнее невежество».

² «В искусстве наша личность посылает свой ответ Высшей Индивидуальности, которая открывает нам себя беспредельной Красотой сквозь мир обыденной реальности».

Когда видите апофеоз суеты наших дней, иногда чувствуете бессилие сократить этот пустой водоворот, эту бесполезную трату сил и возможностей. Только представляя более длинную черту истинного действия и деятельности, мы можем уменьшить ужас нашего времени — триумф суеты.

Мы должны помнить: молчание двигает. Слово же дает импульс к движению. Молчание — заставляет, слово — увещевает.

Величайшие мировые действия творятся в глубоком молчании, лишь прикрытые докучливым шумом и лживой поверхностью звука. Великие упражнения происходят при задержанном дыхании; чем учащенное дыхание, тем сильнее трата энергии. Кто в действии может задержать дыхание, тот уже властелин мировой энергии — той энергии, которая действует и творит в мироздании.

Есть два вида тишины. Беспомощная тишина инертности, которая знаменует распад, и тишина могущества, которая управляет гармонией жизни. Тишина могущества присуща спокойствию владыки. Чем она совершеннее, тем глубже мощь и тем больше сила действия.

В этой тишине нисходит истинная мудрость. Мысли людей представляют смесь правды и лжи. Истинное проникновение замарано лживым пониманием. Истинное воображение извращено лживым представлением. Истинная память загромождена лживыми мыслями. Поверхностная деятельность ума должна остановиться — и молчание заменит

беспокойство. И затем в тишине — в той беззвучной глубине — приходит озарение. И истинное знание становится безошибочным источником истинного действия.

Истинное действие, невидимое для глаз суетливых толп, сказывается лишь на последствиях. Лишь по последствиям вы видите земными глазами, насколько значительнее и длиннее черта истинного действия сравнительно с суетой.

И день суеты есть ночь для действия. Ибо ничто творится суетой; может быть лишь денежные расписки. Но во всей древности лишь Крез был упомянут по своему богатству, но и его конец был незавиден.

Быть способным среди суеты проявить истинное действие; быть способным к молчанию, к тишине, к озаренному безмолвию — это значит быть готовым к бессмертию.

Молчание мощи творит, сохраняет и защищает. Это действие могущественно прямым, непосредственным направлением силы, происходящей из великого естественного источника.

Даже движущееся колесо в его наибольшем напряжении кажется недвижимым. Гармония высшего действия неразличаема земным глазом. Лишь по следствиям вы поймете приложенную мощь.

Истинная тишина иногда прикрыта внешностью небольшого движения и говора — так же как океанская волна покрыта наносными бороздами внешних струй. Но эти внешние струи не имеют ничего общего с суетой.

Суэта носит на себе неотъемлемый признак — она всегда сопровождается пошлостью. Всегда можно легко усмотреть в суете все признаки этой ужасной болезни современного человечества. Во имя чего ищут лучшие элементы человечества? Во имя чего вспыхивают революции и подвижнические искания? Человеческий дух во всех этих разнообразных битвах борется против пошлости.

Когда толпа обращается в стадо, что случается? Тогда возникает черное царство пошлости. «Стадо» стремится к вратам пошлости. То же самое сверхъестественное превращение человеческой толпы в стадо видим при суете поезда, при суматохе собраний, при куплях-продажах, при ужасе несчастий. Та же суэта часто запечатлевается в музыке, в живописи, в линии рисунка или в ритме ваяния.

Спросите, где же тут психологический момент? Но каждому доступно различить, когда этот пароксизм суеты и пошлости наступает. Один признак суеты неизбежен. Выражение глаз немедленно меняется. Среди шумных выявлений суеты вы не видите счастливого взора.

Суэта лихорадочно кричит: «Ступай, ступай!» И каждый, повинуюсь этому приказу, куда-то спешит и рассеивается. Но на щите действия начертано: «Приди, приди». И, повинуюсь этому зову, каждый приближается и увеличивает возможности. Люди слишком «заняты» в мелком значении слова. Они не ждут духовного единения, и от поспешности всегда что-то может случиться. Лучшая толпа

может обратиться в дикое стадо, полное мерзких инстинктов. Есть много причин этому превращению, но самое главное значение, что пошлость возторжествовала.

Царство этой таинственной силы пошлости безгранично. Та же самая пошлость превращает толпу в зверя; она же позолачивает рамы и спинки «торжественных» кресел; она же извращает гимны в «Джаз»; она же преображает игры атлетики в глупость и жестокость; она же являет совершенство нелепости условной жизни. Даже губы все выкрашены в один неестественный цвет.

Точно исчезает человеческое обличье, и животное возникает перед изумленным зрителем. Но тем не менее не отвернитесь от человеческой природы. Надо только изъять ее из суеты, и человеческие признаки опять воскреснут. Как химическая реакция! В таком же научном понимании человечество должно понять разницу между суетой и действием.

«Все формы тирании произошли от мягкости», — говорит пословица. «Все виды пошлости произошли от компромисса — уступок». Сегодня малая уступка, завтра малейшая уступка, а затем сразу большой жрец пошлости.

Это не общее место, не трюизм. Мы должны твердить это теперь, ибо в ближайшем будущем потребуются много истинного действия и много верного понимания. И в каждом своем движении человечество должно различать, где пошлая суета и где вечное действие.

Мы должны быть практичны всегда. Осуждение прогонит ли тьму? Нет, лишь принесение света истребит черноту мысли. Одно осуждение, критика, отталкивающий процесс — никогда не помогали.

Одна только возможность имеется: сократить черту суеты новой, длиннейшей чертой истинного действия. Имейте в виду лишь следствия.

Никогда не победите вы пошлость грубостью или безобразием. Лишь в Красоте заключена победа. Истинно, лишь Красота побеждает пошлость и останавливает дикую суету перед воротами поддельно-золоченого царства. И, братья, победа близка! Ибо многое, что мы уже зовем «павшим», просто еще «не дошло».

Нью-Йорк, 1922 г.

ПРАВО ВХОДА

Крылья, крылья! Вы растете болезненно. С 1914 года человечество пришло в космическое беспокойство. Пока одна часть людей занялась плохо объяснимой стрельбой, другая инстинктивно задвигалась. С числом убитых возрастало число путников по всем путям передвижения. Явное уменьшение людей вызывало чрезвычайное переполнение городов и гостиниц. Все поднялось. Все поехало. И как сонный человек в кошмаре, правительства замахали руками, пытаясь преградить путь блуждания народов затруднениями виз и разрешений. Но поток сквозь пальцы устремился.

Уже девять лет бродит человечество. Толкается из угла в угол. Произнесло весь словарь добра и поношения. И сам земной шар сделался малым. Но среди судорог, среди опасных взлетов за поисками чудесного края начинают расти крылья. И мысли начинают клубиться выше, и сквозь дым мечтаний начинают светить возможности действительных достижений.

С болью, но крылья растут.

Милые люди, опять я увидел, как вы путешествуете. Опять я увидел в руках ваших книжку Бедекера с перечнем волшебных находений красоты. Голгофы страданий искусства и знания досыта накормили железные дороги, гостиницы, компании Кука и все, что цепко следит за блужданием толп. Вы отлично пользуетесь всей аптекой творчества. Даже ваши закруженные в водовороте глаза через лорнет и монокль ищут лечения искусством.

Великими трудами кто-то строил Пантеон красоты: кто-то трудился, раскладывая находения по пробиркам критических лабораторий. И вот является ваш автомобиль, и опытный повар подносит вам изысканную трапезу красоты.

Но может ли желудок ваш переварить эту пищу? Да и имеете ли вы право входа в трапезную? Дали вы когда-нибудь что-нибудь оправдавшее ваше приближение к искусству и знанию? Вообще — умеете ли вы дать? И говорили ли вам, что лишь давшие получают? Если же вы не имеете права на вход во храм, если вы не заработали их сами своим трудом,

если вы желаете лишь получать, то не вам ли принадлежит кличка паразитов? Ибо вы ползаете по храму, не внося в него ничего. Вы бороздите собою лик земли; бесцеремонно толпитесь на ступенях чужих завоеваний и легкомысленно полагаете, что все труды и творения для вас. Будьте сегодня честны и сознайтесь, что вы не только ничего не сделали для роста искусства и знания, но вообще даже не знаете, как это и сделать. И как ничтожны ваши оправдания. Вы иногда слушали музыку; ваш глаз скользил по картинам; вы похлопывали рукой скульптуру и, зевая, вы отдавали час времени для прослушивания именитого лектора.

Но затем, когда автомобиль переносил ваше драгоценное тело до дома, — во что претворялись впечатления ваши? В скуку, в зевок, в обед и злословие.

Потому, когда человек имущий и с возможностями будет вам говорить об искусстве и знании, всегда спрашивайте его: «Что же вы-то сделали для красоты, чтобы иметь право говорить о ней?» И еще скажите ему: «Вот с этого дня, встречаясь с красотой, будете всегда вспоминать, что вы — паразит, — доколе не попытаетесь принести свой камень вечному храму; доколе не заработаете право входа». Так и скажите.

И видим не принесших. Видим людей с потухшими взглядами, когда, сгорбившись, они сидят у целебных вод, ожидая очередь влить глоток механической жизни. Слышим их разговоры — сожаления о прошлом дне. И весь мир закрылся для них. И нет

сознания, что все отупение сменилось бы быстро, если бы хоть одна из вечных целей прекрасного открылась им. И они поняли бы, что вне возраста, вне телесных болезней, вне всех предрассудков — они могли бы немедленно подойти к вечной радости духа. Ибо не страдание, а радость заповедана.

Иначе жаль всех людей, бесцельно стремящихся ублажить вас, бесцельных. Жаль ваших портных и прачек. Жаль ваших шоферов, ибо даже не знаете, какой адрес дать им. И тут же рядом лежит весь прекрасный мир — мир радости, созданий и достижений.

За ласку, за улыбку о красоте затвор первых врат уже повернется. А за желание отдать упадет и второй замок. Попробуйте отдать или хотя бы предложить что-то, но без себялюбия и сомнения. Возмездие сторицей уже ожидает вас. И не в каких-то будущих жизнях, а именно теперь, здесь, если только уловите ритм жизни. Ибо в ритме — гармония.

Путники, сумейте отдать, чтобы получить; чтобы получить право на вход в храм.

«Через красоту подойдете. Поймите и запомните. Вам поручил сказать — Красота.

Ты, имеющий ухо. Ты, имеющий глаз открытый. Ты, познавший Меня. И да будут глубины небес тебе благодатны. Благо тебе. Устреми взор, подобно соколу, вдали.

Через красоту подойдете. Поймите и запомните».

МОНСАЛЬВАТ

Полагают, что человеческий организм главным образом развивается всяческим спортом. Естественно, что упражнения нужны, в особенности когда они происходят на чистом воздухе. Но о способе упражнений существуют различные мнения. Полагается также, что главное гармоническое развитие должно происходить в нервной системе, а не столько в мускулах.

Нервным равновесием и здоровую нервную напряженностью человек достигает многого, чего никакими мускульными утрировками достичь нельзя. Все согласятся, что каждый однобокий спорт, выявляющий лишь определенную группу органов, есть нечто ограниченное, и тем самым нечто низшего разбора.

Правильно, что прежде всего нужна разумно использованная прана чистого воздуха. Также необходимо некоторое движение, естественное для человеческого организма. Если это движение не будет нарушать нервную систему и протечет ненасильственно, то оно будет лишь правильным пособником развития тела и духа.

Всем известно, что в моменты нервного напряжения человек оказывается сильнее и выносливее всяких искусственных атлетов. Искусственное, ограниченное напряжение создает и ограниченное мышление. «Золотое равновесие» мышления происходит лишь при гармоническом равновесии все-

го организма. Прискорбно вспомнить о всяких современных «марафонах», которые тем или иным нелепым занятием выбивают никому не нужное число часов. Спрашивается, кого поучает или радует то обстоятельство, что человек может бессмысленно танцевать семьдесят два часа, а может быть, и больше, уже являя при этом признаки безобразия. Кому нужен многочасовой поцелуй, который тоже является в конце концов безобразным зрелищем.

Если заняться анализом всяких современных «марафонов», то можно лишь убедиться в профанации старого имени, запечатленного в подвигах. Ведь после марафона греки шли в академию, где внимали и беседовали с великими учеными и философами. И, таким образом, вовсе не происходило однобокой, затягивающей в тину профессии. Другие испытатели скажут, что при должном гармоническом развитии нервной системы вовсе не требуется бешеных телесных движений. Известно, как перипатетики на прогулках беседовали о высших науках, гармонизируя тем самым и материальное, и духовное преуспеяние.

Уродливость чисто физических состязаний можно изучать, сравнивая, например, классические состязания в Греции с уже упадочными римскими цирковыми забавами. Греческие игры не требовали ни мучительства, ни крови, которые оказались так существенны в римских цирках. Увы, и теперь толпы людей привлекаются зрелищем казни. Вот в Германии теперь опять начали рубить топором головы

женщин. Кажется, это происходит на тюремном дворе, но боюсь, что если бы такое зрелище вынести на площадь, то амфитеатр зрителей был бы и теперь, в наш «цивилизованный» век, битком набит. Если бы назначить цены местам для такого зрелища, то, кто знает, может быть, платили бы гораздо больше, чем за благотворительные билеты?

Пришлось слышать один рассказ, как некие дамы были очень огорчены, что казнь сожигания живьем была заменена простым удушением. Вот куда оборачивается уродливое, ограниченное развитие лишь некоторых центров и инстинктов. Многие падения и одичания именно происходили от уродливостей и ограниченностей. Вздучался один какой-то мускул, обнаруживался лишь один нарыв садизма или одичания, и прорвавшийся гной заливал весь мозг и сердце.

В противовес уродливо физическому развитию и односторонним ограничениям существует теория, что правильным упражнением нервной системы можно управлять и развивать мускулы и все органы. Конечно, мысль заставляет приходить в движение и мышцы, и всякие другие функции. Существуют такие ограниченные люди, которые даже этой простой аксиомы не могут осознать. Но тем не менее в этом может убеждаться каждый, который того захочет. Иногда приходилось видеть людей, уделяющих сравнительно очень мало времени физическим движениям и тем не менее остававшихся в расцвете как мыслительной, так и физической возможности.

Естественно, они не только устремлялись к высшим предметам, но и хотели жить и тем самым балансировали свои органы.

Ценить дары жизни. Хотеть жить для труда и пользы есть великий импульс, который помогает сильнее всяких прививок и массажей. Мыслительный массаж, осознанный, направит и должную энергию в ослабевший орган. Самая простая пранаяма, то есть вдыхание праны и направление ее туда, где есть необходимость в укреплении и развитии, будет очень показательным примером.

В обиходе часто приходится видеть самую уродливую профилактику. Человек опасается бессонницы и не находит ничего лучшего, как предаться наркотикам или алкоголю. Или человек чувствует какие-то странные ему симптомы и, по невежеству, начинает курить или принимать яды, совершенно упуская из виду, что одно такое послабление потребует лишь усиления таких же вредных нелепостей.

Говорили о радости Служения. Но какая же радость может быть в агонии наркотиков, никотина или. алкоголя? Это уже не радость развития и восхождения, но постыдное бегство во тьму.

Врачи знают также, сколько болезней имеют причиную своею увлечение современным спортом. Постоянно приходится слышать, что та или другая тяжкая, а подчас и неизлечимая, болезнь зародилась от спортивных излишеств. Самые различные органы бывают поражены, а более всего бывает переутомлено сердце. Сердечный невроз, не говоря

уже о других, более серьезных поражениях сердца, дает себя чувствовать всю жизнь, если не доходит до фатального разрешения.

Однобокие спортсмены к тому же мало пригодны даже среди обычной физической деятельности. Они оказываются какими-то набухлыми оранжерейными растениями, приспособленными лишь для одного какого-то выражения. Если всякая профессия вызывает и ограниченную специализацию мышления, то тем более спортивная специализация делает мышление уродливо однобоким. Если прислушаться к интересам боксеров и других подобных профессионалов или искателей призов, то очень часто можно усомниться в современной цивилизации.

За последнее время как будто потеряли остроту привлекательности бои быков. Впрочем, может быть, мы хотим ошибиться в этом. Может быть, нам хочется, чтобы они потеряли привлекательность, но где-то, может быть, по-прежнему толпа ревет от постыдного удовольствия. Конечно, никто не сопричислит к профессиональным уродствам здоровое сокольство, которое может благотворно заполнять досуги. Так часто и разнообразно повторяется о золотом равновесии. И так мало выясняется его ценная сущность.

* * *

На подступах к Монсальвату, среди восходящих путников, вряд ли можно встретить профессиональных боксеров и ловцов призов. Другие деятели

неустанно стремятся к высотам Монсальвата. Чтобы взойти, чтобы не убояться горных тропинок, чтобы претерпеть трудности, нужны не только физические усилия. У искателей Монсальвата найдется достаточно сил, и физических, и духовных, чтобы не свернуть трусливо с намеченного пути. Необходимые для подвига физические силы будут почерпнуты не из призового источника. В прекрасном равновесии, без ущерба духовному росту, сердца, горящие Монсальватом, взойдут.

Монсальват — уготован. Произнесен на всех языках. В постоянном развитии не коснемся конечного, оконченного. Но ошибемся, приняв телесное за исход и венчание. Лишь духу сужден венец.

Отдадим себе отчет, в каких обстоятельствах зарождается представление о Монсальвате. Воспитатели не забудут, когда именно и почему возникло в жизни это ведущее понятие. На подступах к нему можно еще раз вспомнить, что ничего нет оконченого в великой относительности. Сколько раз каждому учителю придется повторить эту простую истину вступающим на трудовой путь.

В труде, в повседневности, казалось бы, так далеки высоты Монсальвата. Можно видеть людей, делающих сбережения и с нежностью приговаривающих: «Пригодится, когда пойду туда». Это не скупцы, которые, обуянные землею, закрепощают дух свой материальными сокровищами. Это соколы, расправляющие свои будущие крылья. И знают они, что им придется идти, им будет позволено идти.

И прежде всего в этом сознании будет избегнуто мрачное чувство одиночества, которое так мертвит и устрашает людей, в неведении пребывающих.

О высоком могут быть лишь высокие выражения. Слова подлые, обиходные не укладываются около понятий высоких. Хотящим узреть есть многое видимое. Для хотящих слушать уже звучат голоса.

Монсальват — уготован.

14 (?) апреля 1935 г.

Цаган Куре.

ВЗАИМНОСТЬ

«Взаимность есть основа соглашений».

Сколько раз эта старая французская поговорка повторялась. Твердилась она и на лекциях международного права, и при заключении всяких договоров. Наконец, произносили ее в бесчисленных случаях всяких жизненных пертурбаций.

Не только сама непреложная истина заключена в словах поговорки. Каждый человеческий ум, на всех ступенях своих, отлично понимает, что без взаимности всякая договоренность будет лишь пустым и стыдным звуком. Без взаимности непременно будет участвовать ложь, обман, который рано или поздно даст все последствия, творимые обманом.

Вот мы говорили о добровольности. Но и взаимность может расцвести лишь на основе доброй воли. Ничем нельзя вызвать так называемую взаим-

ность, если этот прекрасный цветок не расцветет лотосом сердца.

Волны бьются о скалы. Скалы встречают их без взаимности. Правда, волны могут источить скалы. Волны могут образовать целые подводные пещеры и, в постоянстве своем, могут разрушить каменных гигантов. Но ведь это будет не соглашение, не договоренность — это будет натиск. Это будет насилие, а всякое насилие непременно окончится тем или иным разрушением. Поднявший насилие от насилия и погибнет.

В примере волн и скал как бы встретились два несогласимых элемента. Но даже и скалы, если их породы позволили бы, они могли бы ввести даже противоположное начало в полезные для бытия каналы.

Но вряд ли можно предположить, что сердца человеческие так же мало согласимы, как вода и камень. Ведь даже и вода может быть в твердом состоянии, и породы камня могут издавать влагу. И ведь эти элементы лишены сознания. По крайней мере, их сознание нам недоступно. Но не может же быть такого человеческого сердца, которое, с одной стороны, не могло бы дать влагу благодати, а с другой стороны — не было бы способно к адманту мужества.

Общая всем векам и народам человечность все-таки неистребима. Какими бы наркотиками, алкоголем и никотином ни убивать ее, она все-таки как-то и где-то может быть пробуждена.

Великий преступник бывает трогательным семьянином. Значит, если его чувства все-таки способны пробудиться по отношению к своему — тем самым при каком-то усиленном процессе они могут быть продолжены и ко всему существу. Сейчас уже не ставится идеал Святого Франциска Ассизского, говорившего даже волку — «брат волк». Даже не задается идеал подвижников, обладавших сердечным языком, понятным и птицам, и животным. Помимо этих высоких идеалов, слыша о которых люди обычно восклицают: «Мы ведь не Франциски», может быть основание общечеловечности.

На этой сердечной основе все-таки можно открыть даже самое затворенное сердце. Помимо всех своих торговых дел, о которых сами люди сложили тоже поговорку: «Не обманешь — не продашь», помимо всей многообразной торговли, люди не могут избежать прикосновения к духовным сферам. Люди, непривычные к таким касаниям, иногда вместо благодати, ощущают даже болезненность. Это происходит от непривычки к таким ощущениям. Ведь человек, никогда не ощущавший электрической искры, всегда уверяет, что даже малейший разряд для него крайне чувствителен. «Так меня и обожгло», или «Так меня и пронзило», говорит новичок, а вскоре, при повторности, даже и не замечает еще больших разрядов.

Конечно, эти восклицания происходили вовсе не от повышенной чувствительности, а от закоренелого предубеждения. Разве не бывает именно та-

кое же нелепое предубеждение и в человеческих отношениях, где волна разумности и сердечности бьется о скалу враждебности или тупости.

Странно и то, что люди так часто воображают взаимность в деле какой-то официально государственной договоренности. Но ведь без семейной, дружеской и общественной взаимности какая же может быть речь о государственности? Потрясая основы общежития, люди тем самым потрясают и все прочие основы. Можно потрясти основы брака и в результате государство получит целые миллионы внебрачных, беспризорных, дичающих подростков. Можно сделать гнусную шутку из употребления всяких ядов и можно окончить почти отравой целого народа. Разве мы не видим примеры?

В каждом из таких случаев, превратившихся в народное бедствие, в начальной основе можно бы усмотреть какое-то тупо эгоистическое действие. Кто-то один помыслил лишь о своем самоуслаждении или преступной выгоде, и от этого одного злобного уголька вспыхнули пожары народных бедствий. Поистине озверелый эгоизм есть прежде всего враг взаимности.

Общежитие дает множество возможностей для воспитания взаимности. Ведь все чувства должны быть воспитаны. Но много истинной человечности и терпимости нужно проявлять, чтобы сама идея взаимности могла бы расти свободно и добровольно. Взаимность напоминает и об ответственности. Ведь каждый, отказавший в предложенной ему вза-

имности в делах блага, тем самым принимает на себя и тяжкую ответственность. Во взаимности сочетаются и разум, и сердце. Сердце, по благодати, чувствует, где оно должно простирать свое благоволение. С другой стороны, разум напомнит о той ответственности, которая будет порождена жестокостью или невежеством.

Опыт маленьких сотрудничеств, малых ячеек, собравшихся для добротворчества, дает многие испытания возвращения взаимности. Все лучше испытывать прежде всего на обиходе. Посмотрите, как будут претворяться обиходные будничные задачи и столкновения, и вы поймете: как в мегафоне, они отразятся во всеуслышание. Самость и самовыгоду можно проверять тоже по мегафону. Какой ужасный раздирательный рев и вой может получиться из самого, казалось бы, ничтожного домашнего недоразумения.

Недаром в старинных школах жизни руководитель подчас умышленно бросал испытание терпимости и взаимопонимания. Тем, кто в сердечности не мог понять нужное, те, хотя бы по разуму, могли предостеречь самих себя от возникающей ответственности. Можно ударить по какому-либо звучащему предмету в одном углу дома и получить отзвук в неожиданно противоположном помещении. Совершенно так же точно и в создании ответственности и взаимности.

Если бы только люди могли скорейше осознать, что для блага народных преуспеваний взаимность не

должна оставаться в пределах поговорки, но должна войти как основа сотрудничества.

«Взаимность есть основа соглашений».

29 апреля 1935 г.

Цаган Куре.

НЕПРИЯЗНЬ

«Писать вам о том же для меня не тягостно, а для вас назидательно».

Как многое звучит в этих словах. Одно это «о том же» вызывает глубокое размышление. Можно изумляться той алмазной стойкости, которая породила это спокойное сообщение там, где в других случаях, в других устах уже произошло бы раздражение. Именно «не тягостно», ибо писавший эти слова мудро знал всякие степени духа, знал, насколько нелегко повернуть руль в правильное течение мысли.

Среди многих подлежащих повторению понятий будет всем известная неприязнь. Всякий, кто будет и просить, и указывать о том, чтобы неприязнь не возвращалась, уже тем самым будет в рядах строителей.

Одно дело, справедливо обоснованное негодование против разлагающих попыток сил темных, но совершенно другое — искусственно сотворенная и легкомысленно питаемая неприязнь. Из очень маленького и неглубокого источника истекает начало неприязни. Как часто в основе ее будет крошечное личное чувство, малюсенькая обида или несоответ-

ствие в нажитых привычках. Обычно человек сам и не замечает, когда именно проникла в его чашу эта маленькая ехидна. Течение неприязни обычно очень длительно. Она накапливается от всяких предпосылок и миражей. Человек, когда-то почувствовавший маленькую обиду, затем уже в самотворчестве начинает, как безумец, прилеплять к этому зародышу и хвостик, и крылышки, и лапки, и рожки — пока не получится настоящее маленькое чудовище, неотступно живущее за пазухой.

Опять-таки множество раз эти самодельные чудовища бывали описаны в народной литературе. И тем не менее почти все, читающие о них, никогда не отнесут описанное к своему же обиходу.

Сначала, попросту говоря, что-то не понравилось. Это нечто, вероятно, произошло в самом обиходнейшем смысле, а затем эта повседневность перенесется и в более широкий план, а затем закрепится, как раковый нарост, в самом опасном виде.

Человек дойдет до того, что даже, не отдавая себе дальнейшего отчета, не в состоянии будет встречаться с кем-то или с чем-то. Постепенно самовнушением человек убедит себя, что именно эта маленькая житейская подробность для него всегда была самым существенным условием жизни.

Каждому приходилось встречать таких печальных чудаков, которые сами нагромождали около себя непроходимые заторы миражного хлама. Каждый может вспомнить о людях, уверявших, что их организм не принимает ту или иную пищу. В то же

время, когда им давали именно эту же пищу под другим названием, то их организм отлично воспринимал ее без всяких последствий. Значит, первоначально создавалась неприязнь, которая самовнушением достигла чудовищных размеров овладения.

Из любой житейской области можно перечислить множество подобных примеров. Человек уверяет, что он не может пройти по краю пропасти, но, преследуемый диким зверем, он пробегает еще более опасное место, даже не замечая того. Наверное, каждый имеет в запасе множество подобных примеров.

Тем не менее вопрос самовращенной неприязни остается в жизни одним из самых вредоносных. Иногда пробуют объяснять такую неприязнь к чему-либо или врожденным легкомыслием, или избалованностью, отсутствием дисциплины, или попросту возрастом. От всех этих объяснений легче не станет, ибо чудовища неприязни будут по-прежнему как жалить самого их создателя, так и вредить окружающему. Из обихода, из частной жизни они разнесут свой яд среди общественности и будут вредительствовать вплоть до коренных государственно-мировых проблем.

Наверное, каждому приходилось иногда спрашивать своих друзей о причине их неприязни к чему-либо. Также, наверное, многие из опрошенных уверяли, что это чисто врожденное, непреодолимое ощущение. А в сущности все же оказывалось, что где-то и как-то создавалась та или иная привычка, а

затем какое-то обстоятельство просто не ответило этой привычке. Когда-то кушанье показалось слишком соленым, а ожидаемый цветок не расцвел к назначенному сроку. Даже такие пустяки могут постепенно накручиваться в целую идиосинкразию.

От наносной неприязни следует излечиваться, как от зачатка безумия.

Много раз сама жизнь покажет, что именно то обстоятельство, которое было, казалось бы, непреоборимым предметом неприязни, вдруг делается полезнейшим, а то место, которое казалось пустейшим, — окажется богатейшим. Тогда со многим стыдом человек должен будет отобрать все свои преждевременные заключения. Много раз внутренне он пожалеет, что допустил самодельным чудовищам до такой степени овладеть им.

Если несправедлива неприязнь, то так же несправедливо лицепрятие. Человек, окруживший себя негодными призраками — любимцами, достоин такого же сожаления, как и породивший неприязнь в себе. Ведь и создателю лицепрятия придется рано или поздно сознаться в своей неосновательности тоже с великим стыдом. А ведь у людей неглубокомыслящих этот стыд породит раздражение и создаст новое вредительство. Конечно, и самодельная неприязнь, и неразумное лицепрятие одинаково стыдны, ибо их одинаково придется изживать. А всякое хождение в оковах очень тягостно. Так же тягостно, как всякое нарушение естественной справедливости.

В римском праве изучаются различия между фас

и юс. Процесс порождения одного из другого очень сложен. И все же можно изумляться тем глубоким умам, которые проникали в эти тонкости образования человеческих отношений. Если мы имеем перед собою всевозможные примеры здравого обсуждения и желания наиболее правовых решений, то это и в обиходе должно понуждать к очень сознательно-заботливому отношению к своим поступкам.

«Слово не воробей, выскочит — не уловишь», — предупреждает народная мудрость. Конечно, здесь предполагается не только внешне звучащее слово, но и значение породившей его мысли. Если каждая мысль производит какой-то зигзаг в пространстве, то ведь этот иероглиф где-то останется и всегда будет напоминать, прежде всего нам самим же, о том, как прискорбно наполнять пространство необдуманными иероглифами. За каждый из них мы ответим, и ответим в пространственном мегафоне.

«От падения лепестка розы миры содрогаются». Гнусит радио, монотонно и неумолимо нечто пронзает пространство. Что это? Лицеприятие? Или неприязнь? Будем надеяться, что создается еще один пространственный иероглиф справедливости.

*1 мая 1935 г.
Цаган Куре.*

НЕРЕЧЕННОЕ

Ученые говорят, что абсолютного нуля достигнуть нельзя.

«Профессор Лейденского университета В. де Ха-

ас, достигший в своих лабораторных опытах одной пятитысячной градуса выше абсолютного нуля, заявил, что абсолютного нуля никогда нельзя будет достичь».

«Абсолютный нуль — 459,6 градуса ниже нуля по Фаренгейту. При этой температуре все газы делаются массивными и всякое движение прекращается».

Итак, еще одна абсолютность признана невозможной. Так же точно при разложениях и обратных сложениях получается маленькая разница. Выходит так, что механически сложенное теряет нечто бывшее и даже уловимое по весу при начале опыта. Известный опыт с разложением и механическим сложением картофеля показывает, что остается нечто, ускользающее от формулировок.

Такое же нереченное можно наблюдать во всевозможных явлениях. При этом именно в таком неуловимом для формулировки обстоятельстве будет заключаться нечто особо существенное. Опять-таки приходится вспомнить о том, что вес человека, погруженного в интенсивное мышление, разнится от его обычного веса.

Такое нечто, с одной стороны, разочаровывает исследователей в своей недостижимости. Но с другой стороны, именно это нечто, даже уловляемое нашими грубофизическими аппаратами, всегда останется и зовущим, и воодушевляющим. Можно ли быть огорченным, разочарованным, когда такие явные возможности уже доступны даже земным вы-

ражениям. Наверное, будет допущен еще какой-то новый подход в исследованиях, который вместо воображаемой абсолютности даст новую беспредельность.

* * *

Рассказывают, что некоторые знаменитые полководцы во время самых ответственных сражений оставались в своей ставке, как бы погруженные в какое-то механическое, обычное занятие. Люди незнающие допускали всякие иронические соображения. Некоторые даже полагали, что в эти моменты полководец хотел мысленно уйти под влиянием страха. Но знавшие этих великих людей ближе отлично понимали, что в это время происходил какой-то, тоже нереченный процесс.

Вождь сделал все от его рассудка зависящее. Рассудочно он не мог в эту минуту изменить там где-то уже примененных его приказов. Вождь хотел отставить язык рассудка и дать чему-то нереченно глубокому создать новый влиятельный процесс. Какое-либо маленькое механическое занятие вовсе не было простым времяпрепровождением. Наоборот, это был один из способов переключить свое сознание. Само собою разумеется, что и без механических отвлечений сознание может быть переключаемо. Но для этого надо, наряду с искусством мышления, вполне овладеть и обратным искусством остановки мысли.

Если искусство мысли не легко, то и умение оста-

новить мысль иногда может быть более трудным. Ведь для этого нужно, чтобы данный процесс мысли остановился бы вполне, чтобы новое образование в сознании возникло бы ничем не отягощенное. А это очень трудно, ибо опять-таки абсолютно не бывает и при таком опыте.

Очень часто люди предполагают, что они перестали мыслить о чем-то, но все же это останется их миражом. Они себя заставляют насильственно думать о чем-то другом. Но само это насилие уже будет оставлять какие-то рефлексы прошлой мысли. А ведь, чтобы переключить сознание, нужно тоже достичь каких-то мельчайших, многонулевых цифр. И это все-таки будет относительность.

Но издревле, от высот сказано, «если хочешь стать новым человеком, вздохни о Нереченном. Во вздохе едином перенесись в края беспредельности».

Итак, не длинными вычислениями, но во вздохе едином о Нереченном обновляется сознание. И там, где казался недостижимый, непроходимый утес, там неожиданно открываются зовущие дали.

Но все должно быть добровольно. В этом понятии заключен закон величайший. Никакое насилие, никакое принуждение не позволит сознанию возвышенно переключаться. Добровольность обычно остается очень не истолкованным понятием. Всякая вольность в обиходном понимании часто не уживается с добром, с сердечностью к ближним.

Конечно, всякие испытания и жизненные опыты достаточно покажут на деле, насколько преобража-

ет все действия светлая добровольность. Ведь это прекрасное желание изойдет из глубин чаши сознания. Оно дает и самоотверженность, и желание постоянного творчества во всем одухотворенном труде.

Опять-таки очень трудно различать, где истинная добровольность и где какие-либо посторонние, навешанные соображения. И в воинских частях бывают добровольцы. Но среди них лишь некоторые будут истинными добровольцами, тогда как добровольство прочих будет окрашено тем или иным соображением. Есть целые военные части, куда идут как бы добровольно, но, в сущности, чтобы избежать или покрыть ту или иную житейскую драму.

Во всех мыслительных процессах добровольность играет главную роль. Без нее останется лишь грубый мираж, который никогда не обновит сознания.

* * *

Какой же светлый вздох о Нереченном может производить необъяснимое относительно формулами? Какой же перенос сознания в Нереченное сможет обратить материю в дух или, вернее сказать, одну степень состояния в другую? Где-то уже кончится воля, где-то погаснет желание, где-то не найдет слова приказ, и там обновит все единый вздох о Нереченном.

Самая изысканная пранаяма окажется недействительной там, где в пространствах пронесется вздох о Нереченном.

Читаются книжные слова о самом великом. Пре-

красны эти слова, но там, где Слово, там самые лучшие слова требуют еще чего-то, еще большего — Нереченного.

Спрашивает — «мне ли мыслить о Нереченном?» — «Да, да, именно тебе, на всех путях».

28 апреля 1935 г.

Цаган Куре.

ИСПЫТАНИЯ

Спрашиваете, как примириться с сознанием о постоянности, о бесконечности испытаний? Где найти ту бодрость духа, которая позволила бы принять во всей планомерности и повседневности такое сознание?

Между тем сама очевидность и действительность, даже во всех будничных проявлениях, говорит о неизбежности испытаний. Даже любой неодушевленный предмет находится всегда на испытании. При доме всегда состоит наблюдающий архитектор или инженер. Каждый корабль перед новым рейсом должен быть просмотрен обстоятельно. Каждая машина, пускаемая в действие, конечно, обследуется, чтобы избежать опасности от небрежности.

Такие повседневные примеры вполне подтверждают, что и духовное состояние человека не может не быть на постоянном испытании. Физическое состояние испытывается врачом. Семьи имеют своих домашних врачей. Такие врачи разъясняют, что состояние организма должно быть испытуемо не только во время уже проявленной тяжкой болез-

ни, но и во время предполагаемого здоровья. Врачу важно установить предварительные признаки болезни. Врачу важно пресечь возможность болезни или инфекции. Всякие профилактические меры принимаются для избавления от возможности заражений.

«Как на небе, так и на земле». Как в теле, так и в духе. Полнейшая аналогия заразы, воздействий. Так же точно, как истощенное тело особенно легко подвергается заразе, совершенно так же пошатнувшийся дух немедленно подвергается опаснейшему нападению. Тело еще может случайно избежать заражения. Но воздействие на дух в незримых и неисповедимых мерах гораздо сложнее.

Каждая грубая, кровавая пища уже облегчает возможность невидимых приближений. Каждое грубое, неистовое слово уже является вратами для темного доступа. Каждое ярое предательство уже есть приглашение наитемнейших существ. Если провода добра неизмеримы, то и провода темные, хотя бы и в ограниченности своей, все же очень значительны и протяженны. Ведь не голосом призываем на дальних расстояниях. Волны радио в условном иероглифе создают мосты и притяжения. Так же точно в духовной области — незримое радио зовет и притягивает, и несет свои приказы.

Некто, погруженный во зло, судорожно передернется от благостных остережений, но если он предоставит в себе концессии злу, то, кривляясь и содрогаясь, он все-таки предоставит поле действия

темным концессионерам. Мысленные, волевые действия совершаются ежеминутно. Не бывает таких часов, в которые человек бездействует. Ошибочно некоторые полагают, что если они молчат или сидят и недвижимы, или даже внешне бормочут неосознанные формулы, — то значит, ничего не совершают. В их духовном мире постоянно происходят всевозможные значительные действия. Игла чувствительного аппарата показала бы постоянное трепетание духа. Всегда можно бы увидеть, как он, по существу своему, порывается кверху, но тяжкие, темные гири и всякие когти одерживают и тянут его книзу, во тьму.

Среди самых повседневных действий, среди самых мелочных, рутинных забот происходит та же несменная работа духа. Если действия духа постоянны, если дух вибрирует и трепещет даже на мельчайшие, по человеческому соображению, обстоятельства, то, естественно, и испытываемость духа будет постоянной. Когда сказано: «Все миры на испытании», то, конечно, и все части миров, до самых мельчайших, будут в той же степени испытываемости.

Никакого несчастья, никакой тяготы нет и не может быть в сознании постоянной испытываемости. Вот говорят, что 26-го минувшего мая наша планета подвергалась большой опасности, которая для огромной части планетного населения осталась и неосознанной, и вполне неизвестной. В секундной разнице Земля избежала удара мощного метеора. Вообще может ли быть такое мгновение, когда су-

щество не подвергается какой-либо опасности? Тем не менее люди действуют, работают, горюют и веселятся. В июльском номере «Двадцатого века» наш друг Джагадисварананда дает прекрасный, хотя и справедливо суровый, очерк современной жизни. Автор указывает, что жизнь современная, в огромном большинстве случаев, сводится к исканию удовольствий, свойство которых постепенно понижается. Как мы неоднократно отмечали, люди перестают сознательно мыслить и стремятся к тем или иным наркотикам, лишь бы оторваться от мышления об основах жизни.

Там, где жажда наслаждений и золота, там естественны и особые испытания. Если даже такие, казалось бы, грубые принципы, как наслаждение и золото, так легко овладевают человеческим сознанием, там так же напряженно протекут и испытательные меры. Там, где грубость и сквернословие так обуревают человека, там особенно задрожит игла аппарата, показывающего борьбу духа. Многие люди не любят даже допустить мысли о том, что они находятся на испытании. Немедленно они выскажут соображения о каком-то недопустимом тиранстве. Но ведь испытание-то не что иное, как приложение их собственного духа к мере Истины.

Если дух сам отметит одну из низших ступеней, то ведь это не будет посторонним вторжением или насилием. Совершенно точно и добровольно дух отметит ту меру, которой он в данный момент отвечает. Не раз сказано, что каждый сам себе судья.

Много раз повторено о том, какими путями человек слагает судьбу свою. Повторено и об Иерархии, и о строительстве, и о соизмеримости.

На всем решительно происходят самоиспытания. Нормальный человек знает меру потребной ему пищи, но болеющий обжорством не знает этой меры и причиняет себе явный вред. Нечувствительно производит здоровый организм свою сложнейшую работу. Но как только равновесие нарушается — люди получают чувствительные предостережения. Совершенно так же и в испытаниях духа. Каждый, кто не заслонил, не отверг возможность духовных выявлений, он почувствует и услышит звоночек своего сердца. Человек-то будет предупрежден — лишь бы он услышал и допустил в сознание такое предупреждение. Сердце-то застонет, но не всякий поймет этот спешный зов.

В тяжелой степени невежества человек даже ожесточится от этого сердечного зова. Насильственно он попытается заставить сердце свое замолчать. От такого насилия многие сердечные болезни. Не забудем, что всякими духовными насилиями люди вредят и своим близким, излучения которых уже родственны. Если человек не имеет права вредить своей сущности, если осуждено всякое самоубийство, то так же осуждено и убийство других, наносимое злоумышленным сознанием.

Если существует так называемый смертный глаз, уже настолько обостренная воля, то сколько же неосознательных и тем не менее вредительствующих

взглядов-стрел рассеяно в пространстве. Зная о них, конечно, не впадем в уныние; наоборот, и это сознание лишь укрепит щит и создаст новый источник мужества и бодрости. Не убоимся, но даже возлюбим испытания. Ведь ими мы крепнем. Ведь благословенны препятствия, а тем более благословенны испытания — эта закалка клинка крепчайшего.

Полюбить — уже значит ввести в сознание. Полюбить — уже означает претворить в себе понятие и приложить в жизнь. Если кто-то заметит, что некто поникает от ужаса перед испытанием, то пусть немедленно ободрит ужаснувшегося своею радостью, укрепленную осознанием нового, испытанного щита. Сказано: «Приму в щит все стрелы, но пошлю только одну». Все испытается, все миры на испытании. Это не есть ужас, но всегда будет источником расширения сознания, ключом бодрости и преуспевания.

27 августа 1935 г.

Тимур Хода

ЗВЕЗДА МАТЕРИ МИРА

Семизначное созвездие под именем Семи Сестер, или Семи Старцев, или Большой Медведицы, привлекло сознание всего человечества. Библия славословит это созвездие. Буддийская священная Трипитака ему же посылает пространное моление. Древние майя и египтяне на камнях его запечатлели. К нему же обращалась «черная» вера шамана дикой тайги. Другому чуду неба — созвездию Ориона —

посвящены древние таинственные храмы Средней Азии. Ему же сознание астрономов подносит название «Трех Магов». Как два сверкающих крыла, раскинулись по небу эти два созвездия. Между ними неудержно сейчас несется к земле звезда утра — светлая обитель Матери Мира. И своим подавляющим светом, своим знаменательно небывалым приближением предуказывает новую великую эпоху человечества.

Давно запечатленные сроки исполняются в звездных рунах. Прозрения египетских иерофантов облекаются в действия перед нашими глазами. Поистине замечательное время для зрячих.

Так же предначертанно и неудержно нисходит на человечество спутница Матери Мира — живая ткань красоты. Как пелена высшего очищения, знак красоты должен освятить каждый очаг.

«Простота, красота и бесстрашие». Так заповедано. Бесстрашие есть наш водитель. Красота есть луч постижения и возвышения. Простота есть ключ от врат Тайны грядущей.

И не «простота» ханжества и униженности. Но великая простота достижения, осеянная складками Любви. Простота, открывающая самые тайные, самые священные врата каждому, принесшему светильник искренности и немолчного труда.

И не «красота» условности и лживости, затаившая червей разложения. Но красота духа истины, отбросившая все предрассудки. Красота, озаренная

истинной свободой и подвигом, в сиянии чуда цветов и звуков.

И не подкрашенное бесстрашие. Но бесстрашие, знающее необъятность Создания, отличающее самоуверенность в действии от чванного самомнения. Бесстрашие, владеющее «мечом мужества» и поражающее пошлость во всех ее видах, хотя бы парчой прикрытую.

Понимание этих трех заветов и действенное выявление их в жизни создает «убедительность», создает оплот Духа.

За прошлое десятилетие все пришло в движение. Тронулись самые заскорузлые громады. Наконец даже самые тупоумные поняли, что без Красоты, Простоты, Бесстрашия невозможно никакое строительство новой жизни. Невозможно обновление религии, политики, науки, переоценки труда. Без Красоты, как сухие опавшие листья, будут унесены вихрем жизни исписанные листы бумаги, и вопль духовного голода по-прежнему будет потрясать пустынные в своем многолюдстве города.

Мы видели революции. Мы видели толпы. Мы прошли через толпы революции. Но лишь там видели над ними знамя мира, где вспыхивала Красота и молнией своей чудесной мощи родила общее понимание.

Мы видели, как в России именно носители и собиратели Красоты пережили потрясение легче всех прочих. Художники всех отраслей были приветствованы народом. И собиратели, именно лич-

ные собиратели, не случайные наследственные владельцы, были отличены толпою. Мы видели, как самая огненная молодежь настораживалась молитвенно под крылом Красоты. И останки Религии возвышались там, где не умерла Красота. И щит Красоты был самым прочным.

«Master Institute of United Arts» и Международный Центр Искусства «Corona Mundi» в Нью-Йорке имеют на щите своем утверждения:

«Искусство объединит человечество. Искусство едино и нераздельно. Искусство имеет много ветвей, но корень един. Искусство есть знамя грядущего синтеза. Искусство — для всех. Каждый чувствует истину красоты. Для всех должны быть открыты врата «священного источника». Свет искусства озарит бесчисленные сердца новой любовью. Сперва бессознательно придет это чувство, но после оно очистит все человеческое сознание. И сколько молодых сердец ищут что-то истинное и прекрасное. Дайте же им это. Дайте искусство народу, которому принадлежит. Должны быть украшены не только музеи, театры, школы, библиотеки, здания станций и больницы, но и тюрьмы должны быть прекрасны. Тогда больше не будет тюрем». (*«Paths of Blessings»*. *Santa Fe, 1921.*)

«Предстали перед человечеством события космического величия. Человечество уже поняло, что происходящее не случайно. Время создания культуры духа приблизилось. Перед нашими глазами

произошла переоценка ценностей. Среди груд обесцененных денег человечество нашло сокровище мирового значения. Ценности великого искусства победоносно проходят через все бури земных потрясений. Даже «земные» люди поняли действительное значение красоты. И когда утверждаем: Любовь, Красота и Действие, — мы знаем, что производим формулу международного языка. Эта формула, ныне принадлежащая музею и сцене, должна войти в жизнь каждого дня. Знак красоты откроет все «священные врата». Под знаком красоты мы идем радостно. Красотой побеждаем. Красотой молимся. Красотой объединяемся. И теперь произнесем эти слова не на снежных вершинах, не в суете города. И чуя путь истины, мы с улыбкой встречаем грядущее». (*Neu' Era II Judy, 1922.*)

На жизненных примерах можно утверждать, что эти слова не утопия мечтателя. Нет, это синтез опыта, собранного на мирных и на бранных полях. И не внес разочарования этот многообразный опыт. Наоборот, он укрепил веру в сужденные, в близкие, в светлые возможности. Именно опыт построил уверенность в тех новых, которые спешат помочь строительству Храма, и радостные голоса их уже слышны за холмом.

Этот же опыт обратил глаза на детей, которые даже не наученные, но лишь допущенные, уже расцветают, как цветы чудесного сада. И очищаются мысли их, и просветляются глаза, и дух стремится

выявить слово подвига. И все это не в заоблачных храмах, а здесь, на земле. Здесь, где забыто так много прекрасного.

Кажется невероятным, чтобы люди добровольно могли забыть лучшие возможности. Но это бывает чаще, нежели можно представить. Люди утратили ключ к символам Ригведы. Люди забыли смысл Каббалы.

Люди обезобразили прекрасное слово Будды. Люди золотом принизили божественную простоту Христа. И забыли, забыли, забыли лучшие ключи от врат.

Теряют люди легко, а как же находят? Пути нахождения позволяют каждому надеяться. Почему нет, если наполеоновский солдат в траншее нашел Розеттский камень — ключ к пониманию всего иероглифа Египта. Сейчас, когда бьет поистине час последний, люди — еще немногие из них — начинают спешно вспоминать о кладах, им принадлежащих давно. И снова начинают греметь у пояса ключи доверия. И сны четко и властно зовут к покинутой, но существующей красоте. Только примите. Только возьмите, и увидите, как изменится внутренняя жизнь ваша. Как затрепещет дух в сознании беспредельных возможностей. И как легко осенит Красота и Храм, и дворец, и каждый очаг, где греется человеческое сердце.

Часто не знают, как приступить к Красоте? Где же палаты достойные, где же ткани и торжество красок и звуков. Ведь бедны мы.

Но не заслоняйтесь призраком бедности. Там, где созрело желание, там расцвело и решение. Как же начнем Музей строить?

Просто, ибо все должно быть просто. Любая комната будет музеем, и если желание было достойно, то в скорейший срок вознесется и отдельное здание и храм. И придут новые издалика, и поступчатся. Лишь стук не проспите.

Как же начнем собирать? Опять просто, без богатства, лишь с сознанием несокрушимым. Мы знаем очень бедных и очень замечательных собирателей, которые, стесняясь в каждом гроше, составляли художественные собрания, полные большого внутреннего значения.

Как же мы можем издавать? Так же точно мы знаем обширные художественные издательства, начатые с ничтожными средствами. Большое идейное издательство художественных открытых писем Святой Евгении было начато с пятью тысячами и через десять лет давало сотни тысяч дохода. Но не денежным доходом измерялось значение этого дела. Значение измерялось количеством широко разбросанных художественных воспроизведений, привлекивших к пути Красоты множество новых, молодых сердец. Цветная открытка, изданная художественно и в определенной системе, проникла в новые круги народа и образовала молодых энтузиастов. Сколько новых собирателей родилось. И, получив доступ к сердцам, издательство послало в мир воспроизведение самых прогрессивных творений. Так

из бесстрашия, в простоте ясности рождались дела Красоты.

Как же мы можем открывать школы и учить? То же просто. Только не будем ждать отдельных домов. Не будем воздыхать о примитивности или недостатке материалов. Самая маленькая комнатка — не более кельи Fra Beato Angelico во Флоренции — может вместить наиболее ценные украшения об искусстве. Самый малый набор красок не умалит художественной сущности творения. И самый бедный холст может принять Лик самый священный. Если есть сознание неотложной важности учения искусству, то надо его начать без всякого замедления. Надо знать, что средства придут, если явлен энтузиазм уверенности. Отдайте знания — и получите возможность. И чем больше отдачи, тем богаче получка. Посмотрим, как пишет хранитель Эрмитажа в Петербурге Сергей Эрнст о школе, которая в свое время частной инициативой началась в одной комнате, а затем имела две тысячи учащихся ежегодно.

«В пригожий майский день большой зал на Морской являет взору широкий, веселый праздник — чего, чего тут только нет: целая стена занята строго сияющими иконами, столы заполнены пестрым, нарядным роем майоликовых ваз и фигур, тонко расписанных украшений чайного стола. Дальше богато лежат шитые шелками, золотом и шерстью ковры, подушки, ширинки, бювары. Стоит уютная, украшенная «хитрым рукоделием» мебель. В витринах разложены красивые мелочи. На стенах расположе-

ны проекты самых разнообразных предметов убранства дома, начиная с архитектурных проектов и кончая композицией фарфоровой статуэтки. Архитектурные обмеры и изображения памятников старинного художества. Интересные иллюстрации графического класса. На окнах колоритными, сочными пятнами красуются создания класса цветного стекла. Дальше перед зрителем белая толпа творений класса скульптуры, рисунки класса рисования с животных, а наверху ждет целая галерея работ маслом и рисунков с натуры. И вся эта масса разносторонних творений живет, движется, полная молодого энтузиазма. Все счастливые находки искусства наших дней получают в ней должный отклик и развитие ее идет в контакте с художественными запросами современности. А что же лучше и почтеннее может рекомендовать художественную школу, нежели этот драгоценный и редкий контакт».

В этом контакте энтузиазма и бережливости всех драгоценных достижений легко растет школьное дело, и новые силы ежегодно формируются как лучшие стражи грядущей культуры Духа.

Как же мы можем достать этих новых? Это самое простое. Если на деле будет сиять Знак простоты, красоты и бесстрашия, то новые силы придут быстро. Придут обездоленные молодые головы, ждущие чуда прекрасного. Лишь бы не пропустить этих искателей. Лишь бы в сумерках не упустить еще одного из них...

Как же нам самим приблизиться к Красоте? Это

самое трудное. Можно картины издать, можно выставку сделать, можно любую мастерскую открыть. Но куда же поступят картины с выставки и куда проникнут изделия мастерской? Легко говорить, но труднее допустить Красоту в обиход жизни. Но пока мы сами не допустим Красоту в жизнь, какую же ценность будут иметь все наши утверждения?! Они будут пустые знамена у пустого очага. Допуская Красоту в дом, надо решить бесповоротное изгнание всякой пошлости, напыщенности, всего, что противоречит прекрасной простоте. И час утверждения Красоты в жизни пришел. Пришел в восстании духа народов. Пришел в грозе и молнии. Настал час перед приходом Того, Чьи шаги уже слышны.

У каждого имеются «весы за пазухой». Каждый сам себе отмеривает Карму. И вот сейчас, в щедрости, всем опять предложена живая ткань Красоты. И каждое живое мыслящее существо может получить из нее одеяние. И бросьте этот нелепый страх, шепчущий, что нечто не для вас. От серого страха будней надо лечиться. Ведь все для нас, только проявите желание из чистого источника. И помните, что на льду цветы не растут. Сколько льдинок мы разбрасываем, подмораживая лучшие стремления. Из-за подлой испуганности и отрицаний. Иные — малодушные — все-таки тихонько думают, что не применима Красота среди серых шлаков современности. Но лишь малодушие шепчет это. Малодушие косности. Еще при нас люди твердили, что от электричества слепнут глаза, что телефон гу-

бителен для слуха и что моторы не пригодны для проезжих дорог. Так же точно невежественно опасение о неприменимости Красоты.

И вообще выведите, наконец, из обихода это нелепое, немое «нет» и замените его даром дружества, драгоценностью духа: «да». Сколько косности неумолимой в «нет» и сколько светлого открытого достижения в «да».

Только стоит сказать «да» — и камень снимается, и недоступное еще вчера станет близким и исполнимым сегодня.

Помним трогательный случай, когда малыш, не зная, как помочь умиравшей матери, написал, как смог, письмо Николаю Чудотворцу и пошел опустить его в почтовый ящик. Пррхожий «случайный» хотел помочь ему дотянуться до ящика и увидел необычный адрес. И правда, помощь Николая Чудотворца пришла к бедному очагу.

И усилиями неба и земли, в открытом сознании, в жизненном применении, снова живая ткань красоты сойдет человеку.

Люди, встречавшие в жизни Учителей, знают, как просты и гармоничны, и прекрасны Они. Эта же атмосфера красоты должна окутывать все, что касается Их области. Искры Их сияния должны проникнуть в жизнь людей, ожидающих приход скорый. Чем встретить? Конечно, самым лучшим. Как дожидаться? Погружаясь в красоту. Как охватить и вместить? Наполняясь бесстрашием, которое дается сознанием красоты. Как поклониться? Как перед красотой, которая и врагов восхищает.

В глубоких сумерках, когда невиданно ярко загорается звезда Матери Мира, снизу опять несется волна священного лада. Опять тибетский иконописец на бамбуковой флейте играет перед неоконченным Ликом Будды Майтрейи. Тому, Кого ждут, этот человек с длинной черной косой тоже, по-своему, приносит свое лучшее уменье, украшая образ всеми символами благой мощи.

Так и принесем красоту народу просто, красиво и бесстрашно.

Иногда вы спросите: зачем вы повторяете определенную мысль? Но гвоздь вбивается лишь повторными ударами. Принцип японской борьбы — повторный удар. Потому не бойтесь, если и вам придется твердить.

Ведь не «сидение на тучах» и «не играние на арфах», и не «гимны неподвижности», но упорный и озаренный труд сужден. Не маг, не учитель под деревом, не складки хитона, но рабочая одежда истинного подвига жизни приведет к вратам прекрасным. Приведет в полной находчивости и непобедимости.

Talai Pho-brang. 8 мая 1924 г.

БЕССТРАШИЕ

Наука, если она хочет быть обновленной, должна быть прежде всего неограниченной и тем самым бесстрашной. Всякое условное ограничение уже будет свидетельством убожества, а тем самым станет

непреодолимым препятствием на пути достижения.

Вспоминаю один разговор с ученым, который настолько хотел быть защитником новой науки, что даже старался унизить значение всех древних накоплений. Между тем именно каждый молодой представитель новой науки должен быть прежде всего открыт ко всему полезному и тем более к тому, что уже засвидетельствовано веками. Всякое отрицание уже противоположно творчеству. Истинный творец прежде всего не доходит до отрицания в своем светлом, постоянном поступательном движении. Творец и не имеет даже времени на осуждение и отрицание. Процесс творчества совершается в неудержимой прогрессии. Потому-то так больно видеть, когда, в силу каких-то предвзятостей и суеверий, человек запутывает сам себя призраками. Лишь бы не подумали, что ученый становится старообразным, — боязливый человек готов предать анафеме или забвению самые поучительные накопления древнего опыта.

Именно свободная, неограниченная наука опять открывает человечеству многие, давно забытые, полезные находки. Фольклор снова идет рука об руку с находжениями археологии. Песня и предание подкрепляют пути истории. Фармакопеи древних народов опять оживают в руках пытливого молодого ученого. Никто не скажет, что вся такая древняя фармакопея может быть дословно применима. Ведь многие иероглифы написаний условно символич-

ны. Само значение многих выражений затерялось и изменилось в веках. Но опытность тысячелетий тем не менее дает неограниченное поле для полезных изысканий. Так, многое забытое должно быть вновь открыто и благожелательно истолковано языком современности.

Обращаясь к археологии, мы видим, что многие раскопки последних лет изумляли нас изысканностью смысла и форм многих, даже частичных остатков. Эта изысканность, утонченное изящество давних веков, еще раз напоминает, с каким заботливым, почтительным вниманием мы должны прикасаться к этим заветам древности. Мы мечтаем о забытых лаках, об утраченной технике обделки камней, о неясных для нас способах сохранения веществ. Наконец, мы не можем не прислушаться ко многим старинным способам излечения таких бичей человечества, которые именно устрашают и посейчас. Когда мы слышим и убеждаемся в том, что старинные методы благотворно применяются в лечении некоторых форм рака, или туберкулеза, или астмы, или сердечного заболевания, то разве не долг наш оказать полное доброжелательное внимание этим отзвукам стародавней накопленной мудрости?

Ограниченное отрицание не должно иметь места в кругозоре молодых ученых. Лишь убогое мышление могло бы отрезать и загромождать поступательные пути. Решительно все, что может облегчать эволюцию, должно быть приветствовано и сердечно осознано. Все, что может служить на

пользу развития человеческого мышления, — все должно быть и выслушано, и принято. Безразлично, в какой одежде или в каком иероглифе принесется осколок знания. Благо знание во всех краях мира будет иметь почетное место. В нем нет ни старого, ни молодого, ни древнего, ни нового. В нем совершается великая, неограниченная эволюция. Каждый, затрудняющий ее, будет исчадием тьмы. Каждый, посильно содействующий ей, будет истинным воином, сотрудником Света.

22 декабря 1934 г.

Пекин

ПОТУСТОРОННЕЕ

Многие знали леди Диен Польш, талантливую композиторшу, очень сердечную и культурную. Но немногие знали, что всю свою жизнь она ближайшим образом соприкасалась с потусторонним миром. При этом она вовсе не искала таких общений. Какими-то судьбами, какими-то особыми свойствами она постоянно видела невидимый для прочих тонкий мир.

Не забуду, как мы возвращались после открытия моей выставки в Брайтоне и леди Диен Польш тут же, в вагоне, имела горячий спор с П. Н. Милюковым. П. Н., как завзятый материалист, всячески доказывал ей, что все ее видения не что иное, как ею же самую вызванные галлюцинации. На это леди Диен Польш, грустно улыбаясь, возражала, что ей вовсе не хочется их видеть и никого и ничего она не

воображает, но, к сожалению, она продолжает видеть многие обстоятельства прошлых времен в тончайшей реальности.

Из ее рассказов вспоминается, например, характерный эпизод во вновь нанятой вилле. Леди Диен Поль, зная, что в особо нажитых местах тем более возможны всякие материализации, всегда старалась выбирать дома новые, только что отстроенные, где никто еще не жил. Так было и в этом случае. Вилла была только что построена, и, по словам владелицы, никто там еще не жил. В первую же ночь Д. П. вдруг почувствовала, что рядом с нею на постели лежит мертвое тело. Затем она увидела, что из занимаемой ею комнаты выносят гроб, который с трупом продвигается в дверях и оставляет на двери глубокую царапину. Вставши утром после такой неприятной ночи, Д. П. прежде всего осмотрела дверь и, к своему ужасу, нашла именно ту глубокую вдавленную царапину, происхождение которой она так реально видела ночью.

Призванная хозяйка созналась, что в этой комнате действительно умерла женщина, жившая там всего два дня.

В другом случае Д. П., переехав на новую квартиру, ожидала вновь рекомендованную прислугу. Проснулась очень рано и к удивлению своему увиделадвигающуюся по комнате опрятно одетую приветливую старушку. Д. П. почему-то подумала, что не новая ли это прислуга, и лишь удивилась, как она могла попасть к ней в спальню так рано. В это вре-

мя старушка подошла к камину, на котором были расставлены какие-то старые портреты, и начала пристально их рассматривать. А затем, к удивлению Д. П., она как-то точно подскочила и, постепенно поднявшись к потолку, исчезла. Только тогда Д. П. догадалась, что это была вовсе не прислуга.

Также однажды проснувшись ночью как бы от толчка, Д. П. увидела сидящего у нее на постели мужчину, как она говорила, неприятнейшего разбойничьего облика. Посетитель долго пристально смотрел на нее, а затем постепенно исчез.

Множество всяких таких появлений, как в ночное, так и в дневное время, иногда прямо приводили в отчаяние Д. П. Она искренно восклицала:

«Ведь не хочу же их видеть! И почему все мои друзья ничего подобного не видят, а я зачем-то должна встречать всех этих непрошенных гостей?!»

При этом бывало, что ее непрошенные гости переставляли какие-либо предметы, причем посторонние присутствующие видели движение предмета, но причина этого им была незрима.

Особенно много подобных сообщений обнаруживалось в связи с прошлой войною. Так, например, убитый на английском фронте сын В. Жаренцовой, явившись матери, сообщил место и обстоятельства своей смерти. Генеральный штаб отрицал возможность этого, дав сведение, что в указанном месте было непроходимое болото. Но через несколько месяцев приехавший друг покойного вос-

становил истину. Оказалось, что для сокращения сообщений через это болото была устроена гать.

Также один наш американский друг рассказывал, как под Верденом, идя на смену караула, они встретили караул, который должны были сменить, уже в пути. Вся команда не только видела этот взвод, но и безуспешно пыталась окликнуть его. Подойдя к посту, они заметили безмолвно стоявшего часового, когда дотронулись до него, то оказалось, что это был труп. Выяснилось, что весь взвод был уничтожен неожиданным налетом германцев.

О всяких таких одиночных и массовых явлениях можно составить целые длинные записи. То же самое можно слышать и на Востоке, в Китае, Монголии, Афганистане, где с определенными местами связаны разные боевые поверья. О предметах, передвигающихся без видимой причины, можно слышать часто от вполне достоверных людей.

Перед нами лежат фотографии миссис Ф. с необычайно реальными отображениями тонкого мира. Снимки удались без особого на то желания. О. Солнцев в Сердоболе рассказывал несколько необычайно ярких видений, бывших ему. Так, например, один уже тяжело больной гардемарин обещал ему явиться и оповестить о своей смерти. Прошло несколько месяцев. Однажды вечером, когда О. Солнцев занимался у своего стола, он услышал за спиною звук открывшейся двери. Обернувшись, он увидел своего молодого друга, но уже в мичманском мундире, чему и удивился. Тот поклонился ему и за-

тем как бы вышел за дверь. Затем узналось, что гардемарин действительно в то время скончался, а производство в мичманы прошло уже после его смерти, а потому он был положен в гроб в офицерском мундире.

Такой же случай передавала бабушка Е. И., когда, по уговору с нею, один студент, также умерший от туберкулеза, явился к ней, и она даже беседовала с ним. Эту беседу слышали находившиеся рядом в комнате. Скончавшийся в прошлом году в Париже О. Георгий Спасский также неоднократно испытал самые необычайные явления.

Особенно ценны сообщения людей вполне уравновешенных, которые могут спокойно и сознательно оценивать виденные ими обстоятельства. Конечно, можно слышать множество истерических, а иногда и не совсем добросовестных повествований, но такие сообщения, конечно, уже будут совершенно в другом разряде. Как и во всем, нужна простота, непосредственность, точность, словом, все то, что включается в понятие честности. Особенно же ценно, когда видевшие что-либо не стараются приписать это прежде всего своим каким-то чрезвычайным особенностям, а просто устанавливают факт во всем его окружении. Если грубая фильма может запечатлеть тонкие формы, то насколько больше может, при известных условиях, воспринимать их человеческое сознание.

16 февраля 1935 г.

Пекин

НЕВИДИМКИ

Об одном издании писем некоего мыслителя кто-то удивился, почему автор как бы возвращается к одному и тому же предмету? Читатель не сообразил, что письма написаны в разное время, а главное, адресованы разным лицам в очень отдаленные местности. Для читателя эти невидимые корреспонденты слились в одно. Ведь для него они остались невидимками. Читатель, вероятно, вообразил, что письма имеют в виду только его самого, не принимая во внимание ничьих посторонних условий. Невидимые друзья, невидимые слушатели, невидимые сотрудники — все это как бы относится к области сказочной шапки-невидимки.

Не так давно всякую невидимость или отрицали вообще, или называли шарлатанством, или оставляли в области гипнотизма. Труднее всего обывателю привыкнуть к тому, что он может быть окружен какими-то невидимками. Когда говорилось об Ангелах-Хранителях, то ведь и это предпочиталось оставлять в пределах рассказов старой няни. Но издревле говорилось и о железных птицах, и о слове, слышанном за шесть месяцев пути, и о железных, огнедышащих змеях.

Так же точно, упорно, в разных фольклорах, жила и живет идея шапки-невидимки. В самых лучших сказках и эпосе идея невидимки проводилась весьма упорно. Во время войны прилагалась для невидимости дымовая завеса. Это было грубейшее реше-

ние всяких преданий и сказаний. Но вот сейчас мелким шрифтом газеты сообщают следующее:

«Одному из молодых венгерских ученых удалось, по-видимому, осуществить и превратить в действительность сказку о шапке-невидимке. Демонстрация лучей-невидимок происходила на одной из площадей перед статуей. После того как аппарат был пущен в ход, статуя внезапно исчезла из глаз, ее присутствие можно было установить только при прикосновении. Через несколько минут статуя снова появилась на глазах у всех, как будто вынырнув из тумана».

Итак, предвидения или запоминания фольклора опять входят в жизнь. Так же точно, как уже летят железные птицы и перевозят людей железные змеи и оглушающе звучит слово по всему миру, так же входят в жизнь и невидимки. Можно себе представить, какие трансформации обихода создают все эти новейшие открытия.

Еще недавно рассказывалось, как некий господин пошутил над своей доброй знакомой. Переехав в новый дом, он увидел в противоположном окне свою знакомую, только что вставшую с постели. В той же комнате находился и телефон. Шутник позвонил ей по телефону и среди разговора упомянул ей об успехах телевидения. Знакомая его усомнилась. Когда же он стал ей описывать ее ночное одеяние и всякие другие подробности, то собеседница в ужасе бросила трубку.

Эта шутка в другом виде на днях сообщалась в га-

зетах, когда, услышав об успехах телевидения, некоторые обитатели Лондона серьезно обеспокоились о неприкосновенности их дома. Работникам телевидения пришлось объяснять, что с этой стороны опасности нет. Иначе говоря, в данную минуту опасности нет, ибо, вступив в область невидимок, можно предположить любые следствия невидимости. Важно установить принцип.

Вспомним примитивный дагеротип и современные нам успехи фотографии. Ведь до сих пор в некоторых странах, например, еще не знают простого применения фотостата вместо легко подделываемых копий документов. Зато в иных судах фотостат уже считается как документ. Или вспомним примитивную железную дорогу, образчик которой выставлен на Гранд-Централь в Нью-Йорке. Ведь она не имеет ничего общего с теперешними достижениями. Итак, если принцип невидимки найден, то из него могут произойти самые потрясающие усовершенствования.

Отгораживаться от таких механических достижений нельзя, ведь они все равно могут так или иначе проникнуть в жизнь. Значит, нужно посмотреть, какими же другими естественными средствами можно достигать равновесия? Вспомним опять о том же, о естественных благодатных свойствах духа человеческого. Если собака чует невидимок, то во сколько же раз больше может все это знать настроженный дух человеческий. И как естественно может приходиться это знание. Сперва оно будет бессознательным чутьем, затем перейдет в осознанное

чувствование, а от него уже развивается и определенное чувствознание. Тогда всякие механические невидимки будут прозрены. Да и весь обиход изменится, но только в лучшую, в высокую сторону.

Когда вы читаете труды синаидских и многих других отшельников и пещерников — сколько в них отмечено высокого, пламенного знания! Они щедро раскинули в своих заповедных наставлениях жизненные основы. Проходят века, меняются способы выражения, но истина остается незыблема. Все преподанное о так называемом «умном делании», о «сердечной молитве», так отмеченное в «Добротолубии», коих последователи сознаются в том, что они не вполне сознают, где помещается сердце. От этого недоразумения происходят всякие расстройства. Но великие старцы, пустынники и пещерники безошибочно знали, где сердце, как обращаться к нему и как вызывать его благодатное действие.

Какое чудесное слово Благодать.

Перед этими высоко естественными путями всякие механические лучи являются и бедно ограниченными, и недостигающими. Но для тех, кто не хочет знать о большем, и это меньшее уже будет началом пути. Если кто-то писал об этом в одну страну, он, вероятно, найдет надобность написать и во многие другие. На разных языках, иначе говоря в разных построениях мысли, люди все-таки устремляются в созвучия эпохи. Значит, все, кто слышит об этом созвучии, они обязаны создавать из него истинное благозвучие. Поучительно видеть, что

очень важное достижение происходит не в одном каком-либо народе, не в одной стране, а иногда в самых неожиданных.

В каких-то мировых очертаниях устремляется мысль. Там, где по неведению или по убогости люди чураются путей высокодуховных, там являются, как наименьшие, пути механические. Но и эти пути ведут все-таки по пути тех же достижений. А духовные врата так нужны. Так многое напоминает об этом неизбежном пути. Сами странные заболевания последнего времени. Все эти какие-то как бы ожоги организма, все эти самоотравления газOLIном и всякими прочими веществами и неосмотрительно вызванными энергиями — ведь все это стучится. Читаем:

«Сто лет назад, в июне 1835 года, барон де Морог, член верховного земледельческого совета, прочел во французской академии наук доклад о безработице и социальных бедствиях, которыми угрожает Франции и всему миру введение в промышленность все новых и новых машин. Парижские газеты извлекли из архивов академии этот пророческий труд и печатают из него выдержки, поистине занимательные:

«Всякая машина, — писал де Морог в своем докладе, — заменяет человеческий труд, и поэтому каждое новое усовершенствование делает в промышленности излишним работу какого-то количества людей. Принимая во внимание, что рабочие привыкли свободно зарабатывать средства к существованию и что у них, по большей части, нет сбереже-

ний, легко представить себе раздражение, которое постепенно вызовет в трудовых массах механизация промышленности».

«Докладчик предвидит, что, «несмотря на улучшение технически производства, материальное положение рабочих будет ухудшаться», откуда «опасность моральная, социальная и политическая». Доклад де Морога произвел на академию такое сильное впечатление, что она отправила королю — в 1835 году — специальную записку о необходимости регулировать механизацию производства. Эта записка движения не получила».

И вот другими путями люди опять приходят к соображениям об урегулировании механических достижений. Это уже будет не вопль против машин, не невежественное ворчание против усовершенствований, но зов о правильной соизмеримости. Ведь столько бывших невидимок стало видимками, и зато многие узренные давно видения сделались невидимками.

Грубое обращение с невидимыми энергиями может вызвать бесчисленные бедствия. Сколько же истинного знания нужно, чтобы все миллионы безработных нашли бы полезное и радостное применение, как заповедано Жизнью.

Если шапка-невидимка может что-то скрыть, то Дух человеческий может открыть Истину во всем ее великолепии.

11 марта 1935 г.

Пекин

БЫВШЕЕ И БУДУЩЕЕ

Швейцария. Лето 1906 года. Приехала ясновидящая. Многие хотят побеседовать с нею.

«Хотите ли, она прочтет в закрытой книге?»

В это время Е. И. приносит с почты какой-то закрытый пакет с книгою из Парижа. Е. И., не раскрывая пакета, называет страницу и строчку, и женщина, с закрытыми глазами, читает это место, точность которого тут же при всех и проверяется при вскрытии книги.

«Где мы будем жить следующее лето?»

Следует описание каких-то водных путей. При этом добавляется: «Вы едете на пароходе. Кругом вас говорят на каком-то языке, который я не знаю. Это не французский, не немецкий, не итальянский, я не знаю этого языка».

На другой год мы, совершенно неожиданно, жили в Финляндии.

Затем следовали описания судьбы моих картин в Америке, на выставке, устроенной Гринвальдом. Затем, как видно теперь, были описаны потоки крови великой войны и революции, смерть императора, а затем начало учреждений в Америке. При этом была любопытная подчеркнутая подробность, что в новых делах будет очень много исписанных листов бумаги. Разве это указание не характерно, когда припомним всю многочисленную переписку со всеми учреждениями в разных странах.

Другой случай, тоже в Швейцарии. Задумываются разные легко и трудно исполнимые задания, а

женщина с завязанными глазами берет задумавшего за руку и стремится выполнить приказанное. Причем выполняет не задуманное обычным гипнотезером, нет, она готова выполнить приказы самых случайных для нее встречных. Она пересчитывает деньги в карманных кошельках, читает метки на платках, причем читает во французском своем произношении. Например, вместо Борис говорит Бори. Указываются приближающиеся письма. Описываются лица, думающие в данный момент о ком-либо из присутствующих.

Можно припомнить множество подобных эпизодов как в Европе, так и в России и на Востоке. Когда нечто подобное происходит, мало кто отдает ему должное внимание. Чаще всего эти замечательные, наводящие на многие размышления свидетельства остаются в пределах любопытного анекдота. Но проходят года, и когда совершаются потрясающие события, так легко в обиходе рассказанные, так непосредственно соединяющие бывшее с будущим, тогда запоздало всегда будут произнесены сожалительные формы о том, как многое могло бы быть своевременнее еще более углублено. Искреннее пожалеется о том, что бывшие у всех на глазах опыты остались тогда же не записанными.

Ведь так легко было тогда же осознать значительность необычных показаний. Но у многих слушателей являлось постыдное соображение: не подумает ли кто, что мы придаем значение словам какой-то проезжей, может быть, авантюристке. При

этом даже самое первоначальное значение слова «авантюра» понимается не дословно, а в каком-то чисто условном значении. Ведь так много в столбцах словаря подозрительности и суеверия.

Из другой области вспоминается, как в Агре на большом пестром ковре седенький индус раскладывает всякие человеческие и животные фигурки. Затем он начинает на дудочке наигрывать прекрасную душевную мелодию, под которую все эти воины, раджи, баядерки, купцы, слоны, тигры начинают шевелиться, подниматься, исполняя всякие замысловатые танцы. Зрелище получается фантастическое, усугубленное всей экзотической обстановкой. Но один из присутствующих, ради истины, с улыбкой замечает индусу:

«Я знаю, как вы делаете. Ведь у вас под каждой фигуркой протянуты нити, которые вы и шевелите, играя».

Старичок скорбно-обиженно обернулся, молча встал, собрал свои фигурки и ушел в очевидной обиде. Конечно, было совершенно явно, что фигурки могли шевелиться только по проводам, не видным на пестром ковре. В этом никто не сомневался... Но очарование было нарушено. Было жаль произнесения того, что было всем ясно. Так же точно при всяких проявлениях тонких энергий требуется встретить их и сопроводить соответственно гармонично. В этой естественной гармонии энергии будут расти, не нанося ущерба и усталости тому, в ком они проявлены.

Сколько раз при всяких ответственных опытах присутствующих просят проявить величайшую внимательность и осторожность. Не нарушать тишину шумом или несдержанными восклицаниями. При этом как бы от своеобразного самовнушения людям непременно потребуются кашлять, чихать, шуметь за столом или корчиться от необъяснимого смеха. При этом они никогда не хотят признаться в том, что их непрошенные выступления могли быть кому-то вредны. Они скажут: «Что из того, что я кашлянул. Какие же такие проявления, которые и кашля боятся. Неужели уже нельзя и пошевелиться?» Так люди плотного мира ни за что не хотят признать или хотя бы подумать об условиях тончайших энергий.

Плотные люди при случае будут жаловаться на то, что с ними ничего особенного не происходит, а из этого они выведут мертвящие заключения о том, что вообще нигде ничего особенного не происходит. И кончат они эти свои умозаключения: итак, выпьем! От нежелания подумать о лучших условиях для своего ближнего люди впадают в грубо эгоистическое соображение: я не чувствую, значит, никто не чувствует. А из этого разрушительного предположения вытекает и другое: я не знаю, значит, пускай и другие не знают. Иначе говоря, со скрипом и визгом открываются врата замка невежества.

Так же как самое особенное происходит в обиходе, так же и неизлечимо невежественное возникает

в том же обиходе, среди объедения, среди самоусыпления и погружения в суеверия.

Но ведь если приложить хотя бы бывшее у каждого, то самое бывшее, за которое он может поручиться, то уже и будущее складывалось бы под совершенно особым знаком. Получалось бы продвижение и разумное и быстрое, а тина застойная разметалась бы в движениях нового прекрасного сознания и труда.

21 мая 1935 г.

Цаган Куре

НОВЫЕ ГРАНИ

Поднялся вопрос, когда жизнь прекращается с законной точки зрения? Из Лондона пишут: «Когда человек умер. Когда, после остановки сердца и дыхания, нужно считать, что жизнь покинула человеческое тело».

Странный эпизод пятидесятилетнего садовника из Арлей, Джона Пекеринга, который сейчас поправляется после операции, когда сердце и дыхание его уже остановились на пять минут, — производит целую революцию в медицинском мире.

Случай Джона Пекеринга опрокинул указания медицинских справочников. Все присутствовавшие при его операции, согласно показанию врачей, удостоверились в его смерти.

Каждый врач, конечно, засвидетельствовал бы смерть при полном отсутствии пульса, дыхания и сердечных рефлексов, как было в случае Пекеринга.

«Принципы и практика врачебной юриспруденции» Телера говорят:

«Если никакого звука и сердцебиения не обнаружено в течение пяти минут, в периоде, который в пятьдесят раз больше, нежели требуется для наблюдения, то смерть должна быть рассматриваема несомненной».

«Имеются все основания полагать, что если сердце абсолютно перестает биться за период длиннее одной минуты, то смерть уже несомненна. Те же наблюдения касаются и дыхания».

Противоречия, возникшие в случае Пекеринга, означают, что справочники должны быть пересмотрены. Они были написаны до открытия адреналина, этого жизнь дающего двигателя, который возвращает людей к жизни из того состояния, которое, по суждению медицинских авторитетов, уже называлось смертью.

Последствия очень обширны, и их даже трудно предвидеть. Прежде всего родственники теперь будут требовать дальнейших воздействий своих врачей при случаях кажущейся смерти.

Возникают и вопросы в области общественности и законов. Например, как быть с завещанием в таком деле, как случай Пекеринга. Могут ли быть затребованы страховые премии? Может ли быть расторгнут брак такую смертью?

Конечно, кроме этих возникающих вопросов, могут быть перечислены и многие другие, не менее значительные. Вообще момент так называемой

смерти становится чрезвычайно условным и действительно подлежит пересмотру.

Так, например, передавался случай, когда под гипнозом уже возвещенная неминуемая смерть была значительно отсрочена. Так же точно передают, что, так сказать, умерший, под влиянием внушения, произносил какие-то слова. Наверное, кто-нибудь скажет, что это невозможно. Но ведь так же точно составитель широко употребляемого справочника полагал, что выше отмеченный из Лондона случай тоже должен был бы быть признан окончательной смертью.

Не будем возвращаться ко всем ошибочным или ничтожным заключениям, которые в свое время вводили человечество в заблуждение. Можно вспомнить, как в свое время опорочивались опыты с силою пара, с электричеством и со многими явлениями, ставшими сейчас общеизвестными даже в начальных школах. Можно лишь пожалеть, что так же как теперь, так и в прошлые дни, очевидно, преобладало отрицание и многое затруднялось этим разрушительным рычанием.

Много раз приходилось советовать людям вести дневники или записи, чтобы вносить узнанные достоверные факты. Так же точно, как метеорологические наблюдения должны производиться повсеместно и неотступно, так же и многие другие факты должны быть отмечаемы во всей их необычности.

Приходится читать о рождении четверни и даже шестерни. Факт сам по себе необычный. Но когда и

такие факты наслаиваются, то наблюдения над ними могут быть очень поучительны.

Вообще без всяких отрицаний нужно научиться пристально всматриваться в действительность. Когда робкие люди восклицают: «Это невозможно!» — то к таким негативным воплям нужно относиться более чем осмотрительно. Все те новые грани, которые сами стучатся в обиход современного человечества, должны быть опознаны, и прежде всего во благо.

Даже когда говорится о новых гранях, то можем ли мы утверждать, что они новые и что они грани? Кто возьмет на себя дерзость настаивать, что это самое не было уже когда-то известно? Может быть, забыт тот язык, на котором эти же факты произносились; но никто не скажет, что в существе своем они были неизвестны.

Радостно замечать, как опознание прошлого, а вместе с тем прогнозы возможности расширяются и углубляются. Достоверная запись пытливого обывателя может принести несчетную пользу, уничтожая суеверия и невежество и подкрепляя истинных пытливых исследователей.

14 марта 1935 г.

Пекин

ЖИЗНЬ ВЕЧНАЯ

В своей книге «Страх перед смертью в первобытной религии» Джорж Фрезер приводит мудрые слова племени Оаха о смерти: «Никто не может избе-

жать смерти, и никто не должен бояться смерти, раз она неизбежна». Также и древние майи спокойно говорили — «отдыхать иду». Если вспомним слова Сократа перед отходом его, перед выпитием чаши яда, или мысли Платона о смерти и даже Эпикура, уже не говоря о высоком отношении к этому акту в учениях Индии, мы увидим то же осмысленное, мудрое сознание о смерти, как о перемене бытия. Увидим то же сознание о жизни вечной, которая так ясно заповедуется священными Заветами.

Между тем в смущенных умах Запада, в особенности в 18 и 19 веках, когда отрицание пролагало свой темный путь, мы видим какой-то животный ужас перед естественной сменой бытия. Еще недавно можно было читать о том, как интеллектуальная де Севинье выражалась: «Смерть до того страшна, что я скорее ненавижу жизнь больше потому, что она ведет к смерти, чем за тернии, которыми усеян путь в жизни». Идея смерти отравляла жизнь Альфонсу Додэ, Золя, Гонкуру, Мопассану и другим, казалось бы, смелым и широким мыслителям.

В то же время среди людей, живущих в природе, часто даже слово «смерть» не употребляется вообще. Они скажут: «отошел» или «скончался», то есть скончался для этого выражения бытия. Люди, прикоснувшиеся к природе, прикоснувшиеся к основным учениям истины, люди, сделавшиеся естественными мыслителями, также естественно понимают значение смен бытия. Страх смерти, казалось бы, может происходить лишь у каких-то злодеев,

омрачивших свое сознание преступлениями и умышленно несправедливыми поступками. Вполне понятно, что каждый предатель опасается такой разительной смены бытия. Конечно, внутри себя он вполне понимает, что он погрузится не в небытие, но в какое-то другое бытие. Если в теперешнем своем бытии он отяготил сердце свое множайшими темными намерениями или деяниями, то, конечно, он не знает, легко ли будет ему оказаться в каких-то незнакомых для него условиях. Человек, вчера натворивший недостойные дела, старается избежать за них ответственности. Такой ужас перед неизбежным переходом в неизвестный мир вполне понятен у людей, омрачивших свое земное существование гнусными делами, или вещественными, или мысленными. Ведь не надо же опять повторять, что мысль будет даже много существеннее, нежели слово или мускульное движение.

Не покажется ли странным, что наряду с существами преступными и некоторые, казалось бы, широкие мыслители тоже впадали в животный ужас перед сменой бытия. Хотелось бы знать, легко ли они сменяли и свои земные дома. Может быть, и на земле некоторые из них были нелегки на передвижение. Известно, что некоторые люди уверяют, что они могут творить и мыслить лишь в своих насиженных домашних условиях. Каждое необычное окружение им уже мешает для выражений их творчества. Но ведь, казалось бы, именно разнообразие впечатлений, именно изживание неподвиженно-

стей и опасностей должно обострять мышление, находчивость и смелость. По мужественности можете судить и многие другие качества человека. А ведь мужество испытывается не сидя за печкою, не там, где противопоставляется и борьба со стихиями и с тьмою и со всем невежеством.

Каждому приходилось видеть людей, которые за спокойною трапезою произносили самые смелые речи, но когда оказывались лицом к лицу с теми опасностями, о которых они только что громко говорили, они выказывали себя совершенно в ином освещении. Вероятно, если с этими людьми поговорить о смерти, то они скажут, зачем вообще говорить о таких ужасных предметах. Значит, они сомневаются в целесообразности мироздания, со всеми поразительно вдохновляющими сменами бытия. Казалось бы, они достаточно слышали о том, что все находится в движении. Казалось бы, новейшие открытия достаточно доказывают наполненность пространств, и все же они будут ужасаться при таком значительном и торжественном переходе в новый для них мир. Они будут даже при маленьких земных переездах делать духовные завещания, не столько потому, что они исключительно заботились о ком-то, но также и потому, что этот акт ими мыслится нераздельно со страхом смерти.

Люди нерелигиозные при мысли о смерти поспевают с совершением обрядов, когда же, по их мнению, опасность миновала, то они первые, может быть, расскажут кощунственный анекдот. В недав-

нем выпуске журнала «Двадцатый век» профессор А. Р. Вадья, среди очень интересных суждений об идеях и реальностях двадцатого века, говорит: «Мир теряет чувства религиозных ценностей. В своем восстании против окаменелых верований и бессмысленных обрядов он впадает в опасность выбросить ребенка из ванны вместе с водой. В своей подозрительности против религий он делается слепым к смыслу и значению Религии». Так правильно рассуждает профессор, много начитанный и бережно относящийся к высшим ценностям. Действительно, по ходячей поговорке, уже много детей было вылито вместе с ванной водою. А ведь среди этих опрометчивых выливаний человечество выбрасывало так же именно то, что могло бы так укреплять его в творчестве и мысленном, и вещественном.

Знающий о жизни вечной тем самым знает и свою радостную ответственность за каждое деяние и мысленное и мускульное. В молениях произносится это великое значение слова «жизнь вечная». Мыслящий при этом понимает, что жизнь всегда многообразна, как в горизонтальном, так и в вертикальном значении. Даже по примитивным физическим законам он понимает, что каждоминутно все изменяется и никогда не придет в прежнее состояние. В этом движении заключена величайшая творческая щедрость. И как радостна и благодатна обязанность посылно участвовать в этом всемирном творчестве!

Руссо замечает: «Тот, кто утверждает, что спокойно, без страха встречает смерть, — просто лжец». Почему же большой писатель Руссо берет на себя ответить за все человечество, что оно должно бояться смерти. Конечно, этот акт выходит за пределы обыденности. Потому он должен быть встречаем в особом сердечном спокойствии. Это сознание, конечно, будет далеко от так называемого спокойствия перед принятием обыденной пищи или любым повседневным действием. Но именно в особом, вдохновенном спокойствии великой смены бытия будет настоящее великодушие, которое всегда сопряжено с мужеством.

Апостол сказал ясно и кратко: «Мы не умрем, но изменимся». Вот в четырех словах заключено свидетельство о жизни вечной. А припомните слова Бхагават-Гиты о неделимости, неизменяемости, о вечности Сущего. Во всех веках, во всех концах мира торжественно подтверждена жизнь вечная. Значит, нужны были какие-то противоестественные, насильственные устрашения, чтобы привести человека в невежественное понимание акта смены бытия. В то же время начинают говорить о жизни на других планетах, о чем еще недавно даже значительные астрономы лишь пожимали плечами. Мы помним, как за эти утверждения Фламарион был угрожаем лишением научности и переводом в разряд любителей. Но сейчас уже лучшие научные авторитеты относятся гораздо осторожнее к таким осознаниям жизни вечной.

Конечно, такое основное понятие может осознаваться лишь в утверждении. Каждое невежественное сомнение наносит этому ясному утверждению почти неизлечимые трещины. Печально видеть, если интеллигентные мыслители боятся смерти и тем самым заражают невежественные массы. Почему же им не проникнуться тем светлым знанием, которое слагало древнейшую мудрость, подтвержденную лучшими мыслителями всех веков. По лучшему и придете к лучшему.

20 июля 1935 г.

Тимур Хода

СВЕТ ОПОЗНАННЫЙ

Не угасал свет. Всегда напоминали о себе излучения и сияния, и земные, и надземные. Люди ходили к врачам, прося прекратить такие непрошенные прозрения. Потребовались многие усилия, чтобы даже грубые аппараты оправдали дар человеческого зрения.

Когда люди уверяли, что они видят свет, их оговаривали. Называли выдумщиками. Впрочем, каждый близорукий не верит дальнорозкомому. Излучения человеческого тела отвергались и относились в область мистики или приписывались испорченному зрению.

К древнему знанию, к тому же издревле опознанному, проторились новые пути. Поверх всех изуверских запретов вдумчивые наблюдатели усмотрели убедительные показания.

«В германском медицинском журнале «Фортшритте дер Медицин» помещена обстоятельная статья проф. Пауля Добнера об излучениях человеческого тела. Профессор Добнер нашел реактив, позволяющий установить, хотя и косвенным путем, наличие человеческого излучения. Это — обыкновенная алюминиевая пластинка. Алюминий обладает радиоактивными свойствами и пластинка этого металла, приведенная в соприкосновение с фотографической пленкой, чернит ее, как если бы она светилась. Проф. Добнер установил, что человеческие излучения обладают способностью усиливать на короткое время радиоактивность алюминия: если алюминиевую пластинку положить сначала на руку, а затем на фотографический слой, то она зачернит его гораздо интенсивнее, чем пластинка из того же металла, этой предварительной операции не подвергнутая».

«По степени затемнения можно судить об интенсивности ауры той части человеческого тела, с которой алюминиевая пленка находилась в соприкосновении. Проф. Добнер установил, что поток человеческих излучений сильнее всего — на кончиках человеческих пальцев и непосредственно перед глазами. Это совпадает с теорией магнитных «флюидов», истекающих именно из пальцев и глаз магнетизера. Другое важное обстоятельство обнаружено проф. Добнером: характер излучений человеческого тела зависит от состояния крови. При болезнях

крови интенсивность излучения тела падает, а у раковых больных аура совершенно исчезает».

«У здорового человека аура распространяется на расстояние до 40 метров вокруг тела».

Уже не открытие, но подтверждение. Но ведь свидетельства нужны. Сколько неведомых слушателей поблагодарят за подтверждение того, что они давно утверждали, за что переносили насмешки и глумления. Еще врач говорит:

«Громадное влияние имели на медицину идеи Гиппократы, господствовавшие в ней на протяжении чуть ли не целых двух тысячелетий».

«Медицина как научная дисциплина в современном смысле создавалась лишь во второй половине прошлого века в связи с изучением анатомии и появлением наук физиологии и биологии».

«Только тогда, когда стали известны причины тех или иных болезней, борьба с ними стала действительно на научную почву и медицина вышла из тех пометок, в которых она пребывала на протяжении почти всей ее истории, особенно в эпоху Средневековья, когда главными методами лечения были молитвы и заклинания тех злых и нечистых духов, которые считались возбудителями различных заболеваний».

«Подчеркнув незыблемость основной идеи Гиппократы, высказанной более 2000 лет тому назад, что человеческий организм сам стремится излечивать себя от тех или иных болезней, докладчик указал, что роль медицины сводится к помощи орга-

низму в этой борьбе, причем эта помощь должна оказываться не тому или другому заболевшему органу, а всему организму в целом, и в этом отношении громадное значение в медицине имеют психологические факторы — вера пациента в искусство врача, в знания последнего».

Правильно замечает врач о глубоком значении в медицине факторов психологических. Сколько раз приходилось слышать от мудрых врачей замечания при счастливом исходе лечения: «Вы сами помогли мне вас вылечить».

В этом имеется в виду и притяжение, и отталкивание, магнетические токи и лучи, а в конце концов, все, что входит в понятие того же света. С разными намерениями люди подходят все к тому же самому, глубоко основному, которое пропитало и связывает сущее.

«В Парижской обсерватории производятся в настоящее время опыты соноризации звездного неба. Как известно, всякий световой луч можно превратить, при помощи так называемой фотоэлектрической клетки, в звук — и обратно. На этом основан говорящий кинематограф. Свет небесного тела, уловленный в телескоп и направленный на фотоэлектрическую установку, дает определенный звук: звезда, в буквальном смысле слова, поет».

«Из всех перепробованных звезд наиболее мелодичный звук дает Вега. Свету, из которого этот звук рождается, нужно 27 лет, чтобы дойти до Земли».

Конечно, цвет и звук неразделимы. Конечно, зву-

чание светил небесных должно обратить мысль к величайшим осознаниям. Язык звучания и иероглиф света неисчислимы в пространстве. Когда предлагается мысль о дальних мирах, ведь не только об астрономических проблемах предполагается. Какие великие расширения сознания зазвучат и засияют. Даже, можно сказать, грубыми способами уже опознано, что пораженный болезнью организм не излучает свет. То же можно наблюдать не только при болезни, но при всяких других омрачениях злобы, при гневе или раздражении, или при унынии. Все это известно со времен древнейших. В прекрасных выражениях много раз это произнесено лучшими мыслителями.

Поэтому собственно и открытия того, что давно известно, быть не может, но зато может быть опознание не всеми рассмотренного. И за это опознание нужно быть глубоко благодарными ученым. Они в выражениях современных, в пределах общепризнанной очевидности, вводят в широкие массы соображения глубокого значения. Если люди подумают еще и еще раз о свете и звуке, если они услышат звучания светлые, они подвинутся по пути расширения сознания. Не простое накопление сведений, но расширение мирозерцания и устремление к наивысшему выведет людей из бездны быта.

Запах кухни заменится высокими пространственными ароматами. Вместо закоптелого огарка чаще засверкают сияния света нездешнего. И тишина зазвучит. Все это — и высокое, и безбрежное, и неис-

числимое — удержит человечество от постыдных отрицаний и приведет к высокому созданию благоволения.

Как это нужно!

5 марта 1935 г.

Пекин

ОДЕЯНИЕ ДУХА

I

Перед нашими духовными глазами прошли блестящие шествия народов. И каждый из этих странников в течение многих веков вложил свою лепту в сокровищницу культуры. И прошли многие народы, и в труде и в борьбе положили свои приношения. Но еще не наполнена сокровищница мира! И среди бесчисленных жертв в сплетениях тканей, камней и металлов все еще смутно чудится истинный лик человечества. Сколько неотложной работы для всех!

Но одно понятие уже вошло в жизнь. Мы поняли, что все вещи, все детали жизни не создались случайно. Все они полны значения, накопленного веками. Если каждое слово, если каждая буква имени нашего имеет особое значение, если каждый шаг жизни обусловлен следствиями и причинами, то, значит, с каким же вниманием мы должны присматриваться к каждому проявлению великого творчества. Одни уже сознают ясно, другие еще как во сне прозревают, что вокруг них идет сложная со-

зидательная работа и какие-то неведомые им условия создают законченные аспекты новой жизни! И какие кажущиеся нам мелочи часто в корне изменяют весь строй нашего существования. Почему-то в одном обществе люди чувствуют себя удобно. Почему-то в иных условиях люди легко выходят из себя, доходят до страдания и чувствуют полную невозможность действовать успешно.

Сколько светлых догадок и предположений. Сколько темных и невежественных заключений! Но к догадке прибавляется опыт. Опыт просветляется знанием. И люди начинают понимать, что пределы реального мира действительно необозримы. Что понятия «мистицизма» чаще всего оказываются просто следствиями невежественности. И отрицающий великую реальность всего сущего так же невежественен, как отрицающий беспроволочный телеграф, радий, передачу снимков на расстоянии и все те реальные научные вещи, которые так недавно казались сказкой.

В приступе самомнения и глупости человек начинает отрицать все то, что его ум сегодня не знает, что его затемненное ухо сегодня недослышало. Но ведь в свое время отрицалась и возможность открытия Америки! Примеры разновидности невежества не нуждаются в опубликовании.

Но жизнь протекает; понемногу люди начинают понимать, что такое «реальность», начинают сознавать, что жизнь наша полна блестящих возможностей, часто неоткрытых, еще чаще забытых. Часто

уже сообщенных в символах, которые дикому взгляду современного «цивилизованного» человека кажутся детскими или дикарскими стилизациями. Но все-таки мы помним, что каждая черта старого орнамента полна векового значения. И мы все-таки сознаем, что каждая гамма красок создает какое-то могущественное настроение.

Могущество цвета! Люди, имеющие перед собой все могущественные цвета Божественного неба и земли, — они пытаются ослепить себя, лишь бы не допустить давно сужденную им радость. Но, надев все серые, желтые и черные стекла, рассудок людей все-таки пытается пробиться и доказать мощь цвета. В наши дни начинают вспоминать связь музыки с цветом; начинают вводить в церковь цветные освещения для концентрации настроения; начинают лечить цветом.

Робко пробивается в жизни то, что должно заявить о себе властно. То, что среди будущих духовных прозрений принесет новую радость затемненному человеку. Люди — цветы Божьи! Но не странно ли, что теперь поле этих цветов покрывает землю таким черным траурным покрывалом? Самая праздничная толпа наша заливает лицо земли черно-серой лавой. И, точно лава, толпа выедаёт на пути своем всякую радость. Может быть, жизнь создаст достойную современности гармонию? А между тем даже во время Итальянского Возрождения толпа могла мешаться с цветами полей, не доливая их чернилами. Как же помочь? Может быть, просто

перебить черное поле толпы яркими пятнами? Но ведь даже бык бесится от неожиданного яркого цвета. И если продолжим сравнение толпы с полем цветов, то мы ясно вспомним, что даже самые яркие выражения природы никогда не оскорбляют глаза, ибо космическое творчество всегда гармонично.

Выявление этого творчества может даже ослепить наш слабый глаз своей мощью, но оно никогда не дает соединения оскорбительного.

Но как же перейти от ступени нашего современного слабого глаза к ощущению космической правды? Может быть, мы навсегда или надолго утратили пути правды и света? Может быть, лишь при совершенно исключительных условиях жизни мы можем прозреть? Или надо сменить жизнь для того, чтобы очиститься? Так каждый из нас в тишине ночи мучительно спрашивает себя: закрыты ли нам врата света и правды?

И в то же время наш дух подсказывает нам, что ничего запрещенного нет. Тайный голос властно нам шепчет: «Все близко, все должно быть жизненно и практично». И самообновление всей нашей жизни должно быть просто: должно быть начато здесь, среди нас, ибо дух человеческий — этот мост ко всему светлому и руководящему — никогда нас не покидает. Где же признаки? Покинуты ли мы? Не вводят ли нас в заблуждение?

Не в этой лекции мне говорить вам о разных светлых возможностях человеческого духа. Здесь я

укажу лишь один из бесчисленных примеров. Все вы, конечно, слышали о цветных аурах, излучаемых людьми. Вы знаете, что ауры меняются сообразно нашим духовным достижениям. И каждая мысль наша может и просветлить, и затемнить нашу ауру. Каждый носит при себе мерило своего духовного достижения.

На изображениях святых мы видим сияние, то есть стилизацию общечеловеческой ауры, особо ярко выраженной у высокодуховных организмов. Конечно, речь о цветных аурах всегда считалась областью «мистицизма». Даже теологи смущенно говорили о сияниях святых. Но человечество опять поняло, что все должно быть жизненно и практично; среди своих находений люди опять нашли способ механически выявлять ауру. Теперь вы можете пойти в научный институт и вместе с рентгеновским снимком получить и снимок вашей ауры. Не говоря уже о том, что некоторые люди видят ауру обычным путем зрения. Но какие же отношения имеет сказанное для вопроса о костюме? Конечно — огромное и ближайшее значение.

Когда вы поймете значение и смысл цветной человеческой ауры, вы тем самым поймете значение цвета в нашей жизни — вы поймете, что такое гармония цветов. И не только поймете, но почувствуете, насколько просто и близко от ваших рук еще одно средство для лечения больной современности.

Еще одна «тайна» природы станет для вас доступ-

ной, так же как легко может стать доступным практический смысл окружающих нас стихий.

Все должно быть так просто. И все должно нести радость. И женщине, именно ей, суждено принести ближайшие будущие радости мира. Становясь знающим, становясь практичным, вы понимаете причины вашего доброго или отрицательного отношения к людям и к вещам. Сознательно и бережно вы выговариваете слово «гармония». И это сознание уже выправляет ваш путь к будущему просветлению.

Если дух наш узнал что-то, то поверьте, остается лишь вопрос времени, когда мозг овладеет новым ему сознанием.

Человек носит вечное цветное одеяние духа. Человек помыслами сам окрашивает свою драгоценную одежду в избранные им самим цвета.

Человек ищет соотношение себе в окружающей жизни. Человек, конечно, понимает, что мощное сочетание цвета действеннее, нежели испуганный потушенный цвет мыши. Цвет сумеречного угасания. И тогда вы чувствуете могущество цвета в жизни вашей. Вашей лучшей аурой вы притянете себе лучшие излучения. Лучшие цвета вещей косвенно помогут вашей духовной одежде зажечься светлее. Все должно быть жизненно. Всюду должно быть сцепление обоюдной помощи. Человечество уже узнало светлую и темную магию знака — магию линии. Большинство старинных орнаментов носят в себе следы благих линий. И потому источник этих наслоений часто очень благостен. Теперь человечест-

во овладеет мощью цвета. И потому вопрос костюма и обихода помимо красоты внешней заключает в себе великое значение внутреннее. И мы сейчас уже условились, что слова «мне нравится» и «мне подходит», «меня радует» могут иметь глубокое и должное значение. И вся жизнь полна этими великими знаками. И пустой доселе покой наполняется не призраками, но множеством нужных и прекрасных предметов. И вы, как воин, вооружаетесь ими во имя блага, которое каждый из нас должен нести в мир.

Если же кто-нибудь улыбается — не понимая сейчас внутреннего значения сказанного, — пусть улыбается. Потом он так же улыбнется своему неведению.

II

Установив значение костюма и обихода вообще, обратимся к частному случаю. К случаю наших «так называемых» русских костюмов.

Если мы предпослали общечеловеческое основание наших ощущений в жизни, то и в этом случае установим путь общечеловеческого значения русского костюма.

Для выявления общечеловеческого конгломерата пример России особенно интересен.

Вы знаете, что великая равнина России и Сибири после доисторических эпох явилась ареной для шествий всех переселяющихся народов. Изучая па-

мятники переселений, вы понимаете величие этих истинно космических переселений.

Из глубин Азии по русским равнинам прошло несметное количество племен и кланов. И пробившись до Океана, эти странники, завершая свой путь через века, снова обернулись к России.

И снова принесли ей обновленные формы своей жизни. Если в России можете сейчас насчитать до 300 различных наречий, то сколько же языков, уже вымерших, оживляло ее безбрежные «степи». После общечеловеческого иероглифа каменного века мы в последующие эпохи встречаем в недрах русской земли наслоения самые неожиданные; сопоставление этих неожиданностей помогает нам разобраться в лике русской действительной жизни. Для иноземного глаза понятие русского костюма может быть и не так сложно. Чужой глаз иногда не замечит разницы и в тысячу лет. Но для нас самих так называемый русский костюм распадается на бесчисленное количество видов. И случайность соседства, и условия местности, и время — все обуславливало особенности костюма.

Даже сейчас в 250 верстах от Петербурга около Пскова живет особая народность «полуверцы», сохранившие не только особый костюм, но и совершенно особый язык.

Простая русская крестьянка не имеет понятия, какие многоцветные наслоения она носит на себе в костюме своем. И какой символ человеческой эволюции записан в ее домотканых орнаментах.

Еще сейчас в Тверской и Московской губерниях мы видим орнамент из древних оленей. Изображения этих животных относит глаз наш непосредственно к каменному веку. В то же время в тех же местах вы встретите ясно выраженную монгольскую вышивку. Или найдете ясные формы готского украшения.

В остатках скифов, в степях юга вас поразят превращения вещей классического, эллинского мира.

В Верхнем Поволжье и по берегам Днепра вы будете изумлены проблемой сочетания прекрасного романского стиля с остатками Византии. А в византийских остатках вы почувствуете колыбель Востока, Персии и Индостана. Вы чувствуете, как хитрые арабские купцы плыли по рекам русским, широко разнося сказку всего Востока до берегов Китая. Вы знаете, как навстречу им по тем же водным путям викинги несли красоту романеска, напитавшего одно из лучших времен Европы. И вы верите, что дворцы первых князей Киевских могли равняться по великолепию и по красоте с прославленной палатой Рогеров в Палермо.

С XII века Русь окутана игом Монгольским. Но и в несчастье Русь учится новой сказке. Учится песне победного кочевого Востока. В блеске татарских мечей Русь украшает орнамент свой новыми, чудесными знаками.

И высятся главы храмов. И все время идет внутренняя духовная работа. И Святой Сергей кончает татарское иго, благословив последнюю битву. В рус-

ских иконах мы видим перевоплощение итальянского примитива и азиатской миниатюры. Но эти элементы поглощаются творчеством народным и дают свое новое целое. Дают русскую икону, перед которой склоняется весь мир.

Как прекрасны и гармоничны фрески древних храмов: какое верное чутье величественной декоративности руководило древними художниками. И писали они так, чтобы смотрящий думал, что «стоит перед ликом Самых Первообразных» (святых). Опять великое духовное сознание.

Как разноцветны московские храмы! Как крепки колонки-устои Пскова и Новгорода. И мы всегда помним, как даже в татарском иге мы почерпнули новую силу, а благодаря пожару при Наполеоне Россия получила вместо деревянной новую каменную Москву. Так и в настоящем, и в будущем.

Все подробности архитектуры и всей жизни русской обуславливают и подробности костюма, при общечеловеческом сотрудничестве слагается и смысл общечеловеческий.

Когда мои половецкие костюмы в «Князе Игоре» проникли в моды Парижа — разве это была только экзотичность? Нет, эти костюмы, сойдя со сцены, став около старых стен Лувра, не испортили жизнь и внесли еще одну жизненную ноту. Теперь почему нас могут сейчас интересовать костюмы из «Снегурочки»? Случайно ли? Или сейчас есть на то особые основания? О России так много говорят. Так стараются понять ее. Но путь глаза и уха — лучший

непосредственный путь. И правда, легенда-сказка «Снегурочка» показывает часть подлинной России в ее красоте.

Островский, реалист-драматург, только раз в жизни отдал вдохновение сказке. Римский-Корсаков отдал «Снегурочке» молодой запас сил. И легенда убедительна своим подлинным эпосом.

Все элементы влияний на Россию видны в «Снегурочке». И время сказки — поэтическое время славян, почитавших силы природы, — дает светлую атмосферу ликования природой. Мы имеем элементы Византии: царь и его придворный быт. Но и здесь царь является отцом и учителем, а не деспотом.

Мы имеем элементы Востока: торговый гость Мизгирь и Весна, прилетающая из теплых стран. Мы имеем народный быт. Тип легендарного пастуха Леля, столь близкого с обликом индусского Кришны. Типы Купавы, девушек и парней ведут мысль к истокам поэзии — к земле и к весеннему Солнцу.

И наконец мы имеем элементы Севера, элементы лесных чар. Царство шамана: мороз, лешие. Снегурочка.

Вне излишней историчности, вне надуманности «Снегурочка» являет столько настоящего смысла России, что и все элементы ее становятся уже в пределы легенды общечеловеческой и понятной каждому сердцу.

Так понятна каждая общечеловеческая идея. Также понятно, что сердце народов все-таки имеет общечеловеческий язык. И общий язык этот все-таки

приводит к творческой любви. И мы понимаем, отчего сердце Америки открыто для России, а сердце России считает Америку своим лучшим другом.

В «Снегурочке» летят весенние птицы. Прилетают, несмотря на снег и на холод. И напоминают о близости солнца и света. И как птицы, оснастились эти костюмы. Понесут они мысль о большой социальной работе, творимой в жизни. И лягут они залогом единения двух великих стран.

В Art Institute была выставлена моя картина «Pagan Russia». Многие приняли ее за Alaska's Totem Poles. И они были правы — так много общего было и в древних изображениях, и в пейзаже картины. Но древние русские идолы отошли в предание. Alaska's Totem Poles переходит из жизни в зал Музея. Но обобщающий голос все-таки остается. И за нациями поднимается Лик Человечества.

И я, названный другом Америки, свидетельствую это.

Чикаго, 1921 г.

ВИДЕНИЯ

Журнал «Ди Гейстиге Видергебурт» в январе текущего года сообщает: «Поступают сведения о странных небесных знаках, сообщаемые в ежедневных газетах. «Касселер Пост» пишет о явлении Христа на небе, происшедшем в Норвегии, в следующих словах:

«Странный феномен наблюдался в маленьком го-

роде Гримштаде, на южном берегу Норвегии. Маленькое облачко, похожее на белую летательную машину, появилось на безоблачном синем небе, при полном солнечном сиянии. От этого облака отделилось другое, разросло и образовалось в светоносную фигуру Христа, обращенную к городу и благословляющую руками. Явление продолжалось около пятнадцати минут и затем медленно преобразовалось в форму Святой Чаши. Это произвело глубочайшее впечатление на сотни людей, собравшихся наблюдать его».

Сообщение напоминает, что не может быть никакого сомнения относительно явления в небе, ибо весь народ целого города видел его. Также сообщается, что норвежские ученые пытались объяснить сияющее облако как световой феномен, образованный преломлением солнечного света на большой высоте в микроскопических кристаллах льда. Видение же Христовой фигуры однако они объяснили как случайное».

Другое феноменальное явление, также сияющей фигуры в небе, было сообщено в «Нойе Фрейе Прессе» в 1934 году, в ноябре, которое гласит:

«Необыкновенно странный феномен наблюдался подавленной и испуганной толпой народа в маленькой греко-македонской деревне Ориссари. Сообщение об этом феномене, который появляется к вечеру, несколько разнится. Священник из Ориссари утверждает, что из окна своего дома видел гигантскую фигуру голубого света — как бы могучий

воин в полном вооружении, в шлеме и с мечом — поднимающийся над горизонтом. Оно оставалось несколько минут и затем мгновенно исчезло, не оставив ни малейшего следа. Поселяне, которые наблюдали это, замечали, что как бы все небо затем было покрыто языками голубого пламени, и многие из них верят, что это был дух Александра Великого, который появился, чтобы предупредить в Греции о катастрофе».

«Этот феномен возбудил интерес ученых и газетных сотрудников, отправившихся в Ориссари исследовать его. Первоначально они полагали, что это массовое самовнушение, пока один оператор греческой кинематографической ассоциации не получил отображения на фильме. Президент общества психических исследований в Афинах опубликовал сообщение, утверждая, что на этой фильме гигантская фигура вполне видна, которая быстро потухает, после чего все небо наполняется огнем и видно, как сияющая фигура затем исчезает».

«В этом случае пытались объяснить феномен естественным путем, т. е. что испарения от болот, окружающих деревню Ориссари, могли произвести такой странный феномен. Вопрос появления фигуры, конечно, не принимался во внимание и не был никоим способом разрешен».

Любопытно сравнить эти последние сообщения также с сравнительно недавними вестями из Италии, Англии, а также из нескольких мест Азии. В одном месте толпа народа видела женскую фигу-

ру, и затем небо как бы покрывалось языками пламени. В другом множество народа неоднократно замечало огненный крест, в третьем видели огненного Ангела, стоящего на столбах света, затем видели огненного всадника, видели чашу — и все это на сравнительно недалеком промежутке времени. Если кто захочет объяснить все эти видения лишь самовнушением толпы, массовым гипнозом, то и такое явление заслуживает глубочайшего внимания, ибо массовый гипноз вовсе не так часто проявляется. Он был известен при некоторых напряженных эпохах человечества и не может быть рассмотрен как нечто не заслуживающее внимания.

Если к этим помянутым видениям в небе добавить все многочисленные видения почитаемых народом Святых, Святого Преподобного Сергия Радонежского, Святого Серафима Саровского, Святого Николая Мирликийского, о которых сообщают из самых различных мест, то и эти сведения также должны заслуживать глубокого внимания.

Все можно пытаться объяснить какими-то так называемыми «естественными путями». Но прислушиваясь внимательно к обстоятельствам этих сообщений, можно увидеть, что предлагаемые «естественные пути» очень несостоятельны. Преломление света, или болотные пары, или какой-то дым, или пепел — все это еще не расскажет, почему целые массы народов, самых разнообразных в своей психологии, все видят определенные фигуры и убеждают в них друг друга мгновенно, а кинематографиче-

ская фильма запечатлевает то же народное убеждение.

Также к «естественным путям» относится теория случайности. Во всех случаях лишь совпадение. Но тогда следует припомнить давнишний рассказ о том, как ученик на экзамене был спрошен, если он упадет с башни и останется жив, что это? Тот отвечал — случай. А если во второй раз? Ответ был — совпадение. А если в третий раз? — Тогда — привычка.

Вот в этих повторных, как бы в столпившихся народных видениях, тоже является уже не случай, не совпадение, а уже привычка. Ведь происходящее сообщается от разных народов, с разных концов земли, и связывается с определенными строками, о которых знают решительно все народы. Так, 1936 год поминается под различными причинами в самых неожиданных странах. О нем скажут и в Японии, и в Америке, и в Монголии, и в Индии, и во Франции, и в Италии. Словом, если эту дату, найденную совершенно различными путями, назвать массовым самовнушением, то ведь возникает необыкновеннейший вопрос, каким путем и почему такое мировое самовнушение может быть возможным.

Стараемся быть беспристрастными. Не навязываем своего мнения. Нанизываем добросовестно лишь поступающие факты. Знаем, что эти сообщения доходят от людей, ничем между собой не связанных, от людей разного образования, разных

взглядов и верований. Тем ценнее наблюдать сейчас происходящее. Ведь люди то видят. Видевший не удовлетворится никакими объяснениями о том, что он не видел. Тот, кто видит, кто ощущает, кто сам слышит, тому никакие болотные испарения не будут убедительными. Когда же вы возьмете все образы, разными народами виденные, то разве не будет это огромным историческим моментом, который незрим лишь для слепых.

Ведь это не то, чтобы кто-то кого-то слышал, узнавал от недостоверного болтушки. Здесь вы имеете дело с целыми массами народными, которые видят и ощущают. В этих видениях заключен мировой момент огромной важности. Без всяких предрассудков и суеверий прислушаемся к этим сообщениям, за которые ручается множество народа. Как пытливые историки соберем эти факты воедино, чтобы еще более осветить великий мировой час, о котором могут не думать лишь умы незрелые. Прежде всего и во всем нужно знать. Современное мировое смущение имеет глубокие корни. Много зарослей произрастает и в них не следует заблудиться. А для того чтобы знать, нужно честно и внимательно прислушиваться к гласу народа. А в данном случае мы имеем дело уже не с одним народом, а со многими народами, сейчас видевшими и ощущавшими.

23 июня 1935 г.

Цаган Куре

БЕЗУМИЯ

В Университете Виргинии профессор Гарри М. Джонсон говорил о последствиях усталости: «Если вы устали — вы безумны». «Усталый человек выкажет характерные симптомы той или иной формы безумия и не всегда в малой степени», — сообщал доктор Джонсон, излагая результаты своих семилетних исследований в Институте Мелон.

«Неповоротливость, невнимательность, расстройство речи, провалы памяти, упрямство и болезненное упорство, галлюцинации, потеря сознания, блуждание и припадки гнева — все это обычные симптомы усталости, если даже они начинаются в большой постепенности».

«После хорошего сна усталый человек освобождается от этих симптомов и часто восстанавливается. Но бывает, что и сон вовсе не устанавливает нормальное равновесие. Может случиться, что следствием окажутся новые виды ненормальности и человек впадает в бездеятельность, нечувствительность, подавленность и остается апатичным ко всему, без всякого интереса и внимания, и даже не может предпринимать какие-либо работы в его собственной профессии. Такое состояние может продолжаться несколько часов, а то и несколько недель».

С другой стороны, врачи при Колумбийском университете опубликовали новую теорию простудных заболеваний. По этой теории оказывается, что про-

стуживается, собственно говоря, не человек, а бактерии и микробы, а заболевание самого человека является только вторичным явлением. Сравнительно недавно бактериологи установили, что один и тот же микроорганизм, в зависимости от условий, в которые он поставлен, может быть или патогенным, или сапрофитным. Самый безвредный микроб при изменении среды и условий существования превращается в патогенный. Безвредные микробы и бактерии, наполняющие полость носа и рта, под влиянием сырости или резкой перемены температуры превращаются в болезнетворные.

При этом не нужно забывать, что, действительно, внутренние условия человека будут изменяемы не только от внешних обстоятельств, но и под влиянием состояния нервной системы. Иначе говоря, мы опять подходим к тому же положению, что подавленность и неуравновешенность нервной системы создают огромное количество тех случаев, которые еще недавно почитались происходящими от внешних причин.

Замечание исследователя о том, что усталость создает условия безумия, вовсе не парадоксально. Действительно, внутренняя нервная энергия приходит в такое неестественное состояние, что определение его как безумия недалеко от истины.

Тот же самый сильнейший яд, который создается в припадках гнева и раздражения, хотя и видоизмененный, но все же отлагается в нервных каналах

при различных неестественных подъемах или подавленности.

Можно лишь поздравить исследователя, отважившегося назвать состояние подавленности безумием. Обычно люди боятся произносить такие общепринятые определения. Безумие понимается как степень, заслуживающая изоляции, но если множество людей ходит на свободе, даже формально сумасшедших, то сколько же их находится в различных временных стадиях безумия?

Если вспомнить всякие бывшие законодательства, учения, теории философий, то, конечно, они прежде всего заботились об установлении равновесия. Не какие-то особенные психиатры, но именно жизненные психологи призывали людей к таким состояниям, в которых происходили бы наименьшие самоотравления. Допущение к деятельности бактерий и микробов в большинстве случаев уже будет самоотравление, ибо произойдет от сознательно направленной лжедеятельности. Так называемая усталость, со всеми ее тягостями, также будет прежде всего следствием неправильного распределения труда.

Сколько раз и в древнейших, и в новейших Заветах предлагалась мудрая смена труда во избежание тягостной усталости. Ведь при достаточно разнообразной смене труда сама по себе усталость вообще невозможна. К тому же мертвенная бездеятельность может порождать один из самых пагубных видов усталости. Особенно сейчас, когда обнаружива-

ется столько как бы незамеченных ранее заболеваний, каждый исследователь прежде всего будет искать путей к равновесию. Ведь мы живем не только во время чрезмерных трудов, но и во время наиболее неестественных и подчас убийственных взаимоотношений. Стоит взять любую страницу газеты, чтобы убедиться, насколько самые небывалые признаки безумия широко распространены. Не угодно ли, например, прочесть в газете следующие рекорды 1934 года:

«По обычаю прошлых лет, в истекшем 1934 году было поставлено несколько оригинальных рекордов».

«Немка Эдна Асселин получила первый приз на международном конкурсе домашних хозяек, очистив от пыли коридор в 2 метра шириной и в 7 метров длиной в 38 секунд».

«Американец Джемс Аагорд вышел победителем на конкурсе крикунов, состоявшемся в штате Небраска: он заорал так, что его было слышно на расстоянии 3 км».

«В Цинциннати закончился бриджевый матч, начатый в 1924 году. Каждый из партнеров записал по миллиону с лишним очков».

«18-летняя Роза Руни из Род-Айленда съела в один присест 18 литров моллюсков («мулей»)».

«Портной Ейндубер из Данвера вддел в игольное ушко 12 тончайших нитей одну за другой».

Надо думать, что такие рекорды года достаточно напоминают об опасных степенях безумия, ползу-

щего и притаившегося среди человечества. Для психологов, действительно, предстоит необозримое поле для исследования. При этом сколько, казалось бы неразрешимых, государственных и общественных проблем разрешится от устремления к равновесию. Тот самый Золотой Путь, так давно заповеданный, опять ищется человечеством среди необычайных и, наверное, неповторимых сумерек безумия. Те же ежедневные известия говорят о невероятных преступлениях, совершенных с какой-то необыкновенной, холодной жестокостью.

Конечно, каждая жестокость уже есть безумие. Наверное, можно проследить, каким образом нашла свое место постепенное безумие жестокости и проклятия. Эти пути как самые отрицательные несомненно всегда останутся в пределах безумия. Исследования, почему человек низвергается до проклинания и до всевозможных отвратительных жестокостей, наверное, упасли бы многих от этих путей темных. Если, по справедливому замечанию исследователя, усталость уже есть степень безумия, то колющая жестокость будет уже острой степенью безумия. И не нужно утешаться, что в наш просвещенный век жестокость изживается. К сожалению, это совсем не так. Появляются даже новые виды жестокости, утонченной, вторгающейся во все виды быта. Пожелаем, чтобы безумие исследовалось бы действительно во всех видах.

24 января 1935 г.

Пекин

ОТТУДА

Есть особый вид людей, называющих себя скептиками и требующих «вещественных доказательств». При этом на каждое доказательство они найдут свое опровержение. Если явится свидетель, они скажут, что ему просто показалось. Если окажется множество свидетелей, то наверняка будет объявлено, что произошел массовый психоз. Если они увидят отпечатки чего-то на документальной фильме, то, наверное, будут подозревать какие-то хитроумные подделки. При этом они упустят из виду, что человек, слишком много подозревающий других, не носит ли в себе самом эмбрионы того самого, в чем он готов обвинить и прочих.

Среди всяких показаний все-таки наиболее поражающими для скептиков будут знаки, оказавшиеся на вещественных предметах. Если на фильме проявляется нечто, не бывшее перед аппаратом в момент съемки, то даже присяжный сомневатель (если такое слово существует) будет все же поколеблен в своем заскорюзлом скептицизме, иначе говоря, в своем неведении. Сколько раз каждому приходилось встречать людей, которые торжественно объявили, что, если им будут предъявлены доказательства, они всенародно объявят о том, в чем убедились. Но когда ожидавшиеся ими доказательства оказывались налицо, то никто из них не только всенародно ни о чем не объявлял, но преспокойно

продолжал пребывать в прежней тоге скептического самодовольства. Не сослаться ли на примеры?

Оставим пока личные наблюдения, временно пренебрежем множеством свидетелей и вспомним лишь несколько эпизодов фотографических. Большая литература накапливается по вопросам фотографирования образов «оттуда». В книге Коутса можно найти целый ряд снимков, в подделке которых трудно сомневаться. Так же точно нельзя заподозрить подделку тех случайных снимков, которые считались самими съемщиками просто непорченными фильмами. Вспоминаю, как однажды в Индии сняли фотографию одного умершего лица и на снимке, кроме тела, оказался целый ряд фигур, в которых близкие умершего вполне признали ранее умерших его родственников. Также нам приходилось видеть простые паспортные фотографии, на которых в самых неожиданных местах проявлялись непроявленные лица. Фотографы горевали об испорченных фильмах. А ведь такая «порча» могла происходить гораздо чаще, нежели можно предполагать.

Удивительную историю, случившуюся во время киносъемки в одном из залов ателье Холливуда, рассказывает знаменитый американский киноартист Уорнер Бакстер. При съемке очередной фильмы ему, по ходу действия, пришлось изображать мужа, оплакивающего смерть своей жены. Артист был в ударе, и режиссер заметил, что он никогда еще в

жизни не проводил свою роль с такой правдивостью.

Вечером снятая фильма демонстрировалась в зрительном зале в студии в присутствии режиссера. Через несколько минут он бросился к телефону и позвонил Бакстеру.

— Приезжайте немедленно! — заявил он дрожащим голосом. — Случилось что-то совершенно невероятное.

Бакстер в автомобиле помчался в студию. Режиссер провел его в зрительную залу и приказал кинооператору продемонстрировать снятую утром фильму.

То, что увидел на экране Бакстер, потрясло также и его. Он увидел себя в позе отчаяния, сидящим в кресле. Вдруг за его спиной появились еле заметные очертания женской фигуры. Ни Бакстер, ни режиссер не находили объяснения этому удивительному явлению. Возможность незаметного появления постороннего лица перед объективом аппарата во время съемки совершенно исключалась. Также не могло быть и речи о техническом трюке. Кинооператор клятвенно утверждал, что он снимал на совершенно чистую фильмовую пленку.

На другой день была повторена съемка той же сцены, причем приняты были все меры предосторожности. Когда приступили к демонстрации этой второй фильма, пораженные зрители снова увидели за спиной артиста загадочное привидение.

По словам Уорнера Бакстера, до сегодняшнего

дня так и не удалось разгадать это удивительное явление. Одни из фильмовых артистов, верующие в оккультные науки, утверждают, что в данном случае имело место явление какого-нибудь духа. Другие утверждают, что мысли артиста, достигнув высшей степени напряжения, приняли материальный образ. То, что загадочное явление повторилось дважды во время двух съемок, исключает всякую возможность обмана или трюка.

Пока оставим в стороне приведенные в конце рассуждения о том, как именно объяснять появление неожиданной фигуры на снимке. На эти темы можно дискутировать много, и для скептиков такие предположения будут неубедительными. Но само проявление фигуры на фильме, показанное многим эту съемку видевшим, остается неопровержимым. Особенно характерно, что эпизод повторился дважды. Совершенно невозможно делать предположения и выводы о том, какие именно привходящие условия могли способствовать такому проявлению. Очевидно существуют такие сложные для человеческого мышления условия, которые пока еще не поддаются формулировке.

Нам приходилось слышать о том, в каких неожиданных условиях происходили самые замечательные снимки. А в то же время, когда, по человеческому разумению, устраивались будто бы «самые лучшие» условия, то результаты не получались. Особенно останавливает внимание именно неожиданность удачных проявлений. В этой неожиданно-

сти исчезает всякий намек на подделку. Да и какие же подделки могут быть в тех случаях, когда люди не только радуются загадочному явлению, но, наоборот, считают его просто порчею фильма.

Нам рассказывали, как один наш друг с трудом отнял у фотографа так называемую неудачную свою фотографию, на которой в разных положениях вышли непрошенные незнакомые лица. Фотограф извинялся за такую странно испорченную пленку и даже не хотел отдать такой неудачный, по его мнению, негатив. При этом характерно то, что само помещение фотографа было совершенно обычным, в котором ежедневно происходили многочисленные съемки. А сам наш друг находился в самом обычном житейском настроении, будучи совершенно далек от мысли о чем-то необычайном. Много раз нам приходилось слышать, что неожиданные проявления получались именно не тогда, когда их человеческим рассудком ожидали, но в самых неожиданных обстоятельствах. Нам приходилось видеть обстановку комнат, где происходили замечательные снимки, и можно было поражаться, что в этой обычной атмосфере могло происходить нечто необычное. Очевидно, существуют особо тонкие условия, не уловимые пока человеческим мышлением.

Также люди нередко своими преждевременными выводами сами же нарушают возможности значительных явлений. Грубейшие рассуждения при тончайших проявлениях лишь вредят. Прежде всяких самовольных выводов следует непродуманно со-

бирать факты. Пусть при этом назовут вас материалистами — не важно, как будут определять ваши методы. Но прежде всего важно проявить во всех отношениях беспристрастие. Фильма — материальный предмет. Никто не заподозрит фильму и фотографический аппарат в чем-то «сверхъестественном». Но если эти материальные предметы отметят нечто тончайшее, то все равно каким путем и каким методом, лишь бы новые факты проникали в человеческое сознание. Все расширяющее и дающее новые возможности должно быть принимаемо с признательностью.

Если замечательный факт произойдет не в особо устроенной лаборатории, но среди самой житейской обстановки, то ведь это нисколько не умалит его истинное значение. Можно вспомнить, сколько полезнейших открытий было сделано неспециалистами в этой области, но иногда как бы случайными работниками. Из области металлургии нам приходилось слышать, как специалисты обращали внимание на особые приемы, употребляемые некоторыми опытными рабочими. Именно эти «случайные» приемы потом оказывались особенно полезными в руках специалистов, оформивших их в целое значительное усовершенствование.

Среди специалистов также существуют два лагеря. Одни, даже будучи серьезными учеными, самоначально пройдут мимо интереснейших фактов, если они не облечены в научную форму. Другие же и среди самой ординарной обстановки сумеют ус-

мотреть и оформить самые замечательные усовершенствования. Ведь известно, что обследована лишь самая незначительная часть мозговой деятельности. Недаром нередко обращалось внимание, что человеческие взаимоотношения менее всего изучены. Называйте эти области психологией или, по обстоятельствам, рефлексологией; давайте им любые названия, которые могут помочь вашим опытам, но уберегите ценнейшие области от легкомысленного поругания.

Показательно, что такие книги, как «Неизвестный человек» Алексея Карреля, выдержали десятки изданий и считаются наиболее распространенными на международном рынке. Человек все-таки стремится к познанию. Кроме эпидемии танцев и нововыдуманных игр, люди международно стремятся к просвещению. Доброжелательная наблюдательность будет первым орудием продвижения вперед.

ЗВЕЗДЫ СМЕРТИ

Аббат Море — французский астроном, обращает внимание всех дипломатов на 1936-й и 1937 годы. В эти годы, он говорит, будет наблюдаться сильное нарастание и деятельность солнечных пятен. Астроном напоминает, что периоды усиленной деятельности солнечных пятен часто совпадали с войнами и всякими общественными смятениями.

«В периоды наименьшей деятельности солнечных пятен на Земле обычно замечались мирные

времена, тогда как максимальная деятельность этих пятен, по-видимому, вызывает нервное повышение, которое увлекает народы во зло и дикую борьбу», — говорит аббат. «Если солнечная деятельность увеличивает всякие магнетические отклонения, то среди последствий развивается также и странное лихорадочное состояние, которое эпидемически овладевает человечеством. Иногда такое лихорадочное состояние начинается несколько ранее максимума, как это случилось при мировой войне в 1914 году».

«Приближается ли другая война — это неизвестно, но я напоминаю, что согласно статистике, покрывающей многие столетия, годы 1936-й и 1937-й должны быть считаемы особенно опасными».

Итак, ко всем разнообразным исчислениям, касающимся 1936 года, прибавляется еще одно. Во многих странах по самым разнообразным причинам люди останавливают свое внимание на 1936 годе. Конечно, трудно сказать, будет ли этот год уже показателем в грубо земном значении, или же он заложит следствие ближайшего времени. Ведь так часто решающее событие уже где-то совершилось, а в то же время в других местах люди уже впали в отчаяние об его отсутствии. Нечто подобное замечалось в часы ожидания перемирия Великой войны. Ожидавшаяся минута прошла, как будто ничего не состоялось, люди еще горевали, но в то же время перемирие уже было решено, но лишь не было объявлено во всеуслышание.

Итак, ко всевозможным суждениям о знамена-

тельном значении 1936 года французский астроном прибавил и свое опытное слово. В то же время за океаном происходили тоже очень значительные суждения о так называемых «звездах смерти».

На очередном заседании Смитсоновского института в Вашингтоне секретарем его, известным астрономом Чарльзом Аббатом прочитан доклад о «звездах смерти», лучи которых уничтожили бы всю жизнь на земле, если бы когда-либо достигли ее.

Аббат работал в калифорнийской обсерватории на горе Вильсона с группой помощников. При помощи новых астрономических инструментов они произвели точнейшие измерения силы света разных звездных лучей и их спектров. Им удалось произвести измерения малейших излучений звезд, видимых на Земле, несмотря на то, что эти звезды отделены от земного шара трильонами и квадрильонами километров.

Особый интерес представило изучение лучей звезды Ригель, принадлежащей к созвездию Ориона. Это ультрафиолетовые лучи, исключительно короткие. «Большая часть лучей звезды Ригель не поддерживает жизнь, а убивает организмы. Излучения Ригеля не дают ощущения света организму, на который они падают. Это подлинные лучи смерти. В небольшом количестве такие же лучи выделяются солнцем. К счастью для нас, они почти не достигают Земли, так как им трудно проникать через слои озона, находящиеся в атмосфере высоко над Землей».

«Мы обнаружили, — рассказывает Аббат, — что все звезды, окрашенные в синий цвет, принадлежат к категории смертоносных. Температура их в три раза выше температуры на поверхности солнца».

Хорошо, что в космическом движении такие мощные лучи претворяются в пространстве. Наверное, вместо прямого разрушения они приносят и большую пользу. Вообще в текущие дни накапливается очень много замечательных наблюдений в разных областях, которые в конце концов увлекают внимание все к тем же высшим энергиям, подробности которых иногда сознательно, а чаще всего бессознательно, попадают в руки человечества.

Часто встречаемся также и с другим, достойным большого внимания, явлением. В той или иной профессиональной области, часто даже с узко утилитарной точки зрения, затрагиваются вопросы, имеющие поистине всеобщее значение. Так, например, фордовский «Америкен Уикли» в Детройте сообщает любопытные данные о разных необъяснимых явлениях, которые иногда влекут за собой всевозможные катастрофы, в том числе и автомобильные. Рассказывается:

«Недавно один шофер, разбивший машину, уверял, что в тот момент, когда он с полной скоростью несся, он увидел большую собаку, от которой и свернул в сторону. Он слетел в канаву, разбил машину, но все же убедился, что никакой абсолютно собаки не было и все это было лишь странной галлюцинацией».

«Очень часто сидящий за рулем автомобиля и попавший в катастрофу не может объяснить разумно, что заставило его потерять направление».

«Вот еще зарегистрированный случай, который имел место в Великобритании. Автобус, совершавший регулярные рейсы между Портсмутом и Лондоном, шел под управлением очень опытного шофера. Вдруг, проходя мимо обрыва, машина начала выписывать зигзаги и свалилась туда. В результате — один убит, пять пассажиров ранено. Шофер уверял, что он видел маленькую девочку, которая перебежала дорогу под самой машиной и которую он старался спасти».

«В Сев. Америке в штате Арканзас был зарегистрирован случай коллективной галлюцинации. Четыре студента мчались в машине, когда правивший увидел, как какая-то повозка пересекает дорогу, и поэтому затормозил. Двое из пассажиров также видели эту повозку; но четвертый ничего не видал и был страшно изумлен, почему машина остановилась».

«Оказалось, что сидевший за рулем принял за повозку тень, падавшую на дорогу».

«Вообще нужно отметить, что коллективные галлюцинации не так редки. Один американский студент вытащил из кармана однажды, во время ссоры с коллегой, с криком — «Я тебя застрелю!» — электрическую лампу. И все присутствующие увидели, что это был настоящий револьвер».

«Зарегистрирован очень интересный случай гал-

люцинации в Чикаго. Женщина убирала комнату. Вдруг раздался револьверный выстрел. Она упала, стала кричать, что ранена в грудь. По доставлении ее в госпиталь никакой раны у нее не оказалось. Но револьвер в комнате был — хотя и не заряженный: он упал от толчка на пол. Женщине показалось, что он выстрелил, что она ранена».

«После ужасной катастрофы с кораблем «Титаник», в 1912 году налетевшим на айсберг, множество пассажиров других пароходов, плававших через море в тех широтах, являлись на мостик к капитану, заявляя, что они видят опасные ледяные горы. Эти горы были простыми галлюцинациями».

Интересен случай массовой галлюцинации, известный в Англии. Битва у Мокса во время Великой войны происходила на тех же местах, где когда-то в XV веке английские лучники дрались против французов.

«И вот, когда однажды германцы наступали особенно сильно и «томми» хотели было уже ретироваться, полк увидел своих предков, в латах, с арбалетами и с алебардами, которые вместе с ними кинулись на немцев. Атака была отбита».

«Чем объясняет наука эти галлюцинации? Усталостью, иллюзией, отравлением алкоголем. Интересное объяснение дает им французский д-р Рауль Мург, который считает, что галлюцинация — это внезапное появление в сознании идеи, которая выныривает из подсознательного и, именно ввиду этой внезапности, приобретает большую живость».

«Во всяком случае, явление «видений» — вовсе не только «кажущееся», если оно может быть причиной катастроф, преступлений, несчастных случаев и т. д. Нервы у ответственных работников должны быть в полном порядке и не допускать никаких иллюзий».

В то же время, когда журнал Америки по-своему приближается к вопросам о галлюцинациях, в Европе происходят интереснейшие опыты с передачей мысли на расстоянии. Приведем и эти данные и соображения.

«Между Веной и Берлином были произведены, под контролем ученой комиссии врачей, физиологов и психиатров, опыты передачи на расстоянии зрительных образов при помощи одного только напряжения мысли».

«Опыты эти были организованы венским метапсихическим обществом, председателем которого состоит профессор венского университета Христофор Шредер. «Отправительной станцией» служит сам профессор Шредер, «приемником» — немецкий врач, член берлинского института психических наук».

«Проф. Шредер и его два помощника сидели за письменным столом, на который сильная электрическая лампа отбрасывала яркий круг. В этот круг клали различные предметы и рисунки, на которых трое «отправителей» сосредоточивали все свое внимание до такой степени, что по истечении нескольких минут впадали в своего рода гипнотический транс».

«Приемники» — берлинский врач и его два ассистента — в тот самый момент (заранее установленный по точным часам) начинали усиленно думать о кабинете венского профессора, о столе и о светлом круге на нем — т. е. об обстановке, которую они предварительно видели во время посещения Вены. Постепенно перед их закрытыми глазами начинали вырисовываться неопределенные очертания предметов. Иногда они расплывались, не дойдя до конца, иногда же обретали такую ясность, что «приемник», чертя карандашом по белому листу бумаги, получал связный рисунок».

«Из сорока опытов, произведенных в ноябре месяце, абсолютно удалась шесть. Двадцать опытов дали сомнительные результаты, остальные не удалась полностью. Удавшиеся опыты сводились к следующему

«Венский «отправитель» имел перед собой рисунок змеи с двукратным изгибом тела. Берлинский «приемник» нарисовал змею, но только с одним изгибом».

«Отправитель» глядел на стрелу, положенную горизонтально. «Приемник» нарисовал стрелу, но косяю».

«Отправитель» передал изображение цифры 9 — «Приемник» нарисовал восьмерку, причем следует отметить, что в изображении, лежавшем перед «отправителем», нижний хвостик девятки был загнут так, что цифру легко было принять и за 8».

«Особенно любопытен был шестой опыт. Из Ве-

ны передали изображение цифры 5. Берлинский «приемник» начертил пятерку, но под ней поставил треугольник. Это обстоятельство чрезвычайно заинтересовало членов комиссии, которые полагают, что проф. Шредер в момент передачи, незаметно для себя, отвлекся мыслью и подумал о треугольнике. Некоторые члены высказали предположение, что таинственный треугольник — результат «паразитов», существующих, несомненно, для телепатических передач совершенно так же, как для радио: в эмиссию припуталась по дороге чья-то чужая мысль, несшая на невидимых волнах изображение треугольника».

Порадуемся и таким опытам, хотя они, в конце концов, и не новы, и довольно скудны. Можно бы привести целый ряд других, гораздо более показательных в этом отношении опытов, но отмечаем лишь эти, так как, судя по сообщениям, они велись под контролем ученой комиссии. Может быть, именно этот контроль случайных присутствующих понижал возможность результатов. Ведь всюду, где люди касаются тончайших энергий, они должны быть очень духовно сгармонизованы и вообще сознательно утончены в высших восприятиях.

Но, сопоставляя приведенные соображения о так называемых галлюцинациях, и образы, переданные на расстоянии, не придет ли мысль о том, что чьи-то мысленные послышки также будут для кого-то галлюцинациями. Предполагается, что мысль, посланная из определенного места, будет принята так-

же в определенном месте, где ее ожидают, но, подобно радиоволнам, эти же мысли-образы будут восприняты подходящими приемниками и во множестве других мест. Это простое соображение еще раз напоминает нам, как велика ответственность человека за мысль и в каком контакте может находиться эта мысленная нервная энергия и с космическими явлениями величайшего масштаба.

Повторяю, что сегодня записываю указания из новейшей прессы не только потому, чтобы они были особенно новыми и поразительными, но также и для того, чтобы не забыть, на какие именно явления обращено внимание в повседневной печати. Хотя во многих областях еще преобладает изуверство и невежественная ограниченность, но через все эти препоны сознание человеческое, несомненно, овладевает новыми ступенями нужнейшего познания.

Часто случается, что люди от какой-то именно профессиональной точки зрения, сами того не замечая, затрагивают вопросы огромного значения. Потому-то все новейшие умозаключения должны производиться при полной и широкой открытости наблюдателя. Сегодня откроются какие-то звезды смерти, а завтра снизойдут лучи спасения. Только бы собирать знания с полным доброжелательством и ожидать вестника не по нашему ограниченному приказу, а во всей широте истинных возможностей.

26 января 1935 г.

Пекин

ОСОБЕННОЕ

Лето 1930 г. мы с Юрием проводили в Париже на Авеню Камюэнс. Была большая квартира с длинными темными коридорами. Дом старый, но подновленный. Прислуга испанка уверяла, что она слышит в коридорах какие-то странные шумы, но мы не обращали внимания на ее заявления. Однажды около полуночи Юрий проходил по коридору и услышал совершенно явственно, что перед ним кто-то шел, как бы шаркая туфлями по полу. Другой раз утром Юрий проснулся, точно разбуженный, и увидел около постели падающий горящий дирижабль. Юрий разбудил меня, говоря, не произошло ли где несчастья? В то же время погиб в Бельгии дирижабль, летевший из Лондона в Индию. Но самое поразительное явление в этом доме было с черной кошкой. В восемь часов утра я вышел в столовую, где уже был накрыт стол для кофе. Столовая имела одну дверь и против нее большое венецианское окно, тогда запертое. На белой скатерти стола сидела большая черная кошка с голубой ленточкой на шее и пристально смотрела на меня яркими желтыми глазами. Мы все кошек не любим. Далекий от всяких потусторонних мыслей, я обернулся к Юрию, который был тогда в спальне, и сказал: «Какая гадость, кошка забралась», — и тотчас опять посмотрел на стол, но там никакой кошки не было. Мы осмотрели комнату, в которой кроме буфета и стульев ничего не стояло. Спросили прислугу, которая в то

время несла кофе, но ни она, ни консьержка о такой черной кошке никогда и не слышали. Так мы о нашей «гостье» больше ничего не узнали. Правда, именно на этом месте всегда сидела некая дама, которая впоследствии обнаружила все свойства черной кошки с желтыми злыми глазами. Не была ли кошка предупреждением? Сколько таких эпизодов можно записать. Однажды сенатора Кони спросили, не бывало ли с ним чего-либо необычного, необъяснимого? Он задумался, а затем улыбнулся и сказал: «Все-таки был один такой случай». Оказывается, Кони имел тайное расположение к одной особе. Но о своем чувстве он никому никогда не говорил. Уже после смерти этой особы, в один из памятных ее дней, посыльный принес объемистую посылку, которая оказалась мраморным бюстом этой особы. Откуда? Кто послал? Почему?

Кони никогда не узнал. Да, бывают такие посылки. И Е. И. и Юрий и Святослав знают, как из парижского банка приходит повестка о посылке. Много надземного и среди земной жизни.

ВНИМАТЕЛЬНОСТЬ

«При большой германской санатории в Хоенлишепе учреждена специальная метеорологическая обсерватория для изучения влияния изменений погоды на больные организмы. Это влияние, притом крайне неблагоприятное, ныне считается твердо установленным, и вопрос заключается только в де-

тализации. Университетская клиника в Фрейбурге отмечает, что резкие изменения атмосферного давления, связанные с особым видом ветров — «фенов», — влекут за собой усиленную смертность среди только что оперированных больных, вызывают ослабление сердечной деятельности и явления эмболии».

«Д-р Отрман, заведующий этой метеорологической станцией, рекомендует хирургам при назначении операции считаться и с картами погоды и, во всяком случае, помещать оперированных в камеры с постоянным давлением, влажностью и температурой, чтобы предохранить их от вредных воздействий погоды».

Странно читать о таких «новых умозаключениях», которые, казалось бы, известны в течение многих и многих веков. Уже не говоря о том, что старые врачи и знахари давным-давно принимали во внимание всякие атмосферические условия, но и в старинных врачебных книгах и манускриптах можно найти многие указания к тому же. Старинная врачебная наука очень часто не только обуславливает для успешного лечения определенные места, но и упоминает о климатических и атмосферических благоприятных и неблагоприятных условиях.

Местные лекари и знахари очень часто укажут, в какой именно местности данные ими лекарства будут особенно действительны. Они же посоветуют и лучшее время дня и другие очень внимательно наблюденные подробности для лучшего принятия лекарств.

Опытный врач, не только восточный, но и западный, одинаково посоветуют во время принятия лекарства не огорчаться чем-либо и даже не задумываться о чем-то постороннем, а попытаться сопроводить лекарство доброжелательной о нем мыслью.

Попробуйте поговорить с опытным садовником, и он укажет вам множество любопытных подробностей о разных как атмосферических, так и психических воздействиях на растение. Общеизвестный опыт воздействия на растение человеческой мыслью много раз уже указывался в литературе. Даже очень удаленные от науки лица иногда обращают внимание на то, что в соприкосновении с одними людьми цветы быстро вянут, а от близости к другим — цветы и растения даже расцветают и укрепляются.

Можно порадоваться, что даже и при современных, часто так затрудненных условностями наблюдениях начинают так выявляться соотношения природы и человека. К высшим, прекрасным умозаключениям ведут такие наблюдения. Несправедливо был осмеян французский писатель Моруа, когда он указал, что тело умершего давало разницу в весе. Весомость высшей энергии, весомость и очевидность воздействий мыслей тоже не только не подлежит осмеянию, но должна быть изучаемой очень заботливо.

Хохотать-то очень легко, и глумиться тоже не трудно, но каждое допущение уже будет одной из

возможностей открытия. Правда, законы тончайших условий хотя и непреложны, но очень неуловимы в земных слоях. Вот замечаем, что даже самая простая фильма иногда дает неожиданно утонченный и пронизательный снимок. Но это «иногда» почти невозможно формулировать бедным земным словарем. Не раз упоминались необыкновенно удачные снимки обычно незримого мира. Пробовали установить наиболее подходящие условия для улучшения этих процессов. И обычно вместо улучшения лишь нарушали какие-то тончайшие возможности. Пытались производить опыты с наибольшей чистотой, в самых, казалось бы, менее зараженных местах; сопровождали лучшими мыслями и пожеланиями, а вместо удачного улучшения результаты вообще исчезали. Получалось странное впечатление, что какие-то самые примитивные условия будто бы могли способствовать лучшим следствиям. Значит, в этих условиях заключались еще какие-то неуловимые для испытателя подробности, которые не могли быть соблюдены даже и в формально лучших обстоятельствах. Конечно, и сама, казалось бы, противозаразная вакцина бывает смертельно зараженной, и вода, для чистоты поливаемая на руки, может оказаться ядовитой. Мало ли совершенно противных условий возникает даже при хорошей наблюдательности. А сколько же еще неуловленных тончайших условий существуют и управляют явлениями чрезвычайной важности.

Требуется не только производить наблюдения,

не только открыть в себе величайшую меру допущения, не только научиться доброжелательству, но и сызмала учиться внимательности. Надо отдать справедливость, что среди современного воспитания именно слишком мало уделяют места внимательности, а ведь на любом поприще жизни разве может быть успешным человек невнимательный! Такой невнимательный человек, прежде всего, погрязнет в самости, эгоизме, или он постепенно будет терять восприимчивость к окружающему вообще.

Но если с малых лет в самых привлекательных формах будет открываться внимательность, то какая безграничная, прекрасная наблюдательность вырастет в любых условиях жизни.

При каждом новом опыте произойдет новый оборот наблюдательности — еще тоньше, еще возвышеннее, еще проникновеннее. А наблюдательность есть порог возможности. Человек, постигший возможности, никогда не может впасть в разочарование, ибо очарование исканий такая увлекающая, высокая радость.

20 января 1935 г.

Пекин

ПАРАПСИХОЛОГИЯ

Новые взлеты мысли порождают и новые слова. Еще недавно завоевало себе право гражданства понятие психологии — не будем повторять значение этого греческого слова, ибо оно достаточно всем известно. Постепенно психология завоевывала но-

вые области и проникла в глубины человеческого сознания. Психология связалась с неврологией, обратилась в Институт мозга, коснулась областей сердца и сосредоточилась на изучении энергии мысли.

Уже давно Платон заповедал, что идеи управляют миром, но наука о мысли оформилась сравнительно совсем недавно. Вполне естественно, что потребовалось и новое утонченное обозначение для этой широчайшей области. Таким образом получилась многозначительная надстройка над понятием психологии — родилась парапсихология. Радиоволны, чувствительные фотографические фильмы и многие новые пути науки сроднились с областями парапсихологии, и неслучайно человеческое внимание устремилось к этой высшей области, которая должна преобразить многие основы жизни.

Во времена темного Средневековья, наверное, всякие исследования в области парапсихологии кончились бы инквизицией, пытками и костром. Современные нам «инквизиторы» не прочь и сейчас обвинить ученых исследователей или в колдовстве, или в сумасшествии. Мы помним, как наш покойный друг профессор Бехтерев за свои исследования в области изучения мысли не только подвергался служебным гонениям, но и в закоулках общественного мнения не раз раздавались шептания о нервной болезни самого исследователя. Также мы знаем, что за исследования в области мысли серьезные ученые получали всякие служебные не-

приятности, а иногда даже лишались университетской кафедры. Так было и в Европе и в Америке. Но эволюция протекает поверх всяких человеческих заторов и наветов. Эволюция противоборствует темному невежеству, и сама жизнь блестяще выдвигает то, что еще недавно вызывало бы глумление невежд. Ведь не забудем, что еще на нашем веку одна ученая академия назвала фонограф Эдисона проделкою шарлатана. Еще недавно некий врач уверял, что если микроорганизмы требуют такого большого увеличения для изучения их, то они вообще не могут иметь значения и приложения во врачебной практике. Такого рода заявления, как видите, передаются и сейчас печатным словом. Но если косность костенеет, то все живые части человечества неудержимо стремятся к истинному широкому познанию.

Мы узнаем, что в одной Америке сорок профессоров заняты изучением энергии мысли. Перед нами лежит журнал «Парапсихология», изданный под редакцией проф. Рейна (Дьюк Университет в Сев. Каролине). Проф. Рейн и проф. Макдугал уже много лет работали над передачею мысли на расстояние. Нам уже приходилось отмечать их блестящие результаты в этой области. Теперь же проф. Рейн привлек к сотрудничеству целую группу интеллигентных студентов и вместе с ними произвел ряд поучительнейших опытов.

Сперва передача мыслей производилась на кратчайших расстояниях в простейших формулах, но

затем опыты постепенно перешли и на более далекие расстояния и сделались сложными и по содержанию своему. В течение нескольких лет было установлено, что мысль несомненно может передаваться на расстоянии и для этого люди вовсе не должны становиться какими-то сверхъестественными посвященными, но могут действовать в пределах разума и воли. Несомненно, что область мысли, область открытия тончайшей всеначальной энергии суждена ближайшим дням человечества. Таким образом именно наука, называйте ее материальной, или позитивной, или как хотите, но именно научное познание откроет человечеству области, о которых намекали уже древнейшие символы.

Если мысль мировая направляется по определенному пути, то множество неожиданных пособников могут быть усмотрены наблюдательным умом исследователя. Появились люди, притом самые обыкновенные, которые без приемника улавливают радиоволны или могут видеть через плотные предметы, подтверждая этим, что орган зрения может действовать и за пределами физических условий.

В Латвии под надзором врачей и ученых находилась маленькая девочка, читающая мысли. Врачебный надзор исключает какое бы то ни было шарлатанство или своекорыстие. В конце концов такой феномен уже перестает быть таковым, если и студенты Университета Сев. Каролины совершенно естественно достигают путем упражнений очень значительных результатов.

Также весьма замечательны опыты с недавно изобретенным аппаратом, улавливающим тончайшие до сих пор еще не уловленные пульсации сердца. Еще недавно д-р Анита Мьюль рассказывала нам об этих произведенных ею опытах. При этом оказывалось, что высокая мысль чрезвычайно повышала напряжение и утончала вибрации, тогда как мысль обиходная, уже не говоря о мысли низкой, сразу понижала вибрации. Кроме того, было замечено, что объединенная мысль группы людей, составивших цепь, необычайно усиливала напряжение. Доктор Анита Мьюль вынесла также наблюдения из своего недавнего посещения Исландии, Дании, а теперь, вероятно, и Индии, где она находится, даст ей новые импульсы.

Конечно, всякие такие соображения, хотя и подтвержденные механическими аппаратами, продолжают оставаться для большинства «Терра инкогнита». Но, по счастью, эволюция никогда не совершалась большинством, а была ведома меньшинством самоотверженным, готовым претерпеть выпады невежд. Но правосудие истории неизбежно. Имена невежд, противодействующих знанию, становятся символами постыдного ретроградства. Имя Герострата, уничтожившего произведение искусства, осталось в школьных учебниках, только не в том значении, о котором этот безумец мечтал. Имена невежд, подавших свои голоса за изгнание из Афин великого Аристида, не так давно были найдены на раскопках в Акрополе и пополняют собою мрачный

синодик невежд и отрицателей. Конечно, не забудем, что человек, уловивший радиоволны без аппарата, и теперь еще угодит в сумасшедший дом, ибо некоторого сорта врачи не могли допустить эту способность. Вообще многие человеческие способности удивят косных ретроградов, и им придется пережить немало постыдных часов, когда все, что они отрицали, займет свое место в области точных наук.

Еще и теперь передача мыслей на расстояние некоторыми обскурантами считается чуть ли не колдовством. Мы можем привести примеры, когда эта уже установленная десятками профессоров область вызывает грубые насмешки и восклицания о получении вестей из голубого неба. Не говоря уже о примерах, запечатленных в литературе многих веков и народов, позволительно напомнить невеждам, что радиоволны, которые уже вошли в их каждодневный обиход, тоже получают именно из голубого неба. Плачевно подумать о том, что люди не задумываются над многими очевидными явлениями и о космических основах или законах, лежащих за ними. Как попугаи, невежды не прочь иногда твердить трюизмы, сами не понимая их значения. Так кричащие о вестях из голубого неба не подозревают, что они говорят о том, что уже установлено научными исследованиями и запечатлено аппаратами.

Столько говорилось и писалось о тончайших энергиях, постепенно улавливаемых человечеством. Нелепые запреты, созданные косностью отри-

цателей, начинают спадать. Еще вчера мы читали об учреждении особого правительственного комитета для исследования индусской народной медицины. Заветы Аюр-Веды, столь еще недавно осмеянные, оживают под рукою просвещенных ученых. В Москве основывается Институт изучения тибетской медицины, западные ученые нашли чрезвычайно знаменательными указания среди древних китайских заветов, которые вполне отвечают новейшим европейским научным открытиям. И древняя знахарка, варившая зелье из жаб, нашла себе оправдание в современной науке, открывшей большое количество адреналина именно в этих амфибиях, кроме того, в них уже найдено новое вещество буффонин, очень близкое к дигиталису. Можно приводить множество примеров среди подобных новейших открытий. Ослиная шкура китайской медицины тоже была оправдана в отношении витаминности последними исследованиями д-ра Рида.

Другой ученый д-р Риил под древнейшими символами установил указания на железы, значение которых сейчас понято и так выдвигается наукою. Таким образом, в разных областях науки древние знания выявляются под новым, вполне современным аспектом. Если собрать эти параллели, то получится многотомное сочинение. Но завершительным куполом всех этих исканий будет та основная область, которая сейчас идет под наименованием парапсихологии, ибо в основе ее лежит все та же великая всеначальная или психическая энергия.

Мечта о мысли уже оформилась в науку о мысли. Мысль человеческая, предвосхищающая все открытия, уже носится в пространстве и достигает человеческого сознание именно «из голубого неба». Мозговая деятельность человека приравнивается к электрическим феноменам. Еще недавно биолог Г. Ляховский утверждал, что все этические учения имеют определенно биологическую основу. И таким порядком труд Ляховского подтверждает опыты д-ра Аниты Мьюль с электрическим аппаратом, наглядно отмечающим значение качеств мысли. Даже миф о шапке-невидимке получает научное подтверждение в открытых лучах, делающих предметы невидимыми. Итак, повсюду вместо недавних отрицаний и глумлений возникает новое безграничное знание. Всем отрицателям можно лишь посоветовать — «знайте больше и не затыкайте ушей ваших ватую преступного невежества». Издревле было сказано, что невежество есть прародитель всех преступлений и бедствий.

Будет ли парапсихология, будет ли наука о мысли, будет ли психическая или всеначальная энергия открыта, но ясно одно, что эволюция повелительно устремляет человечество к нахождению тончайших энергий.

Непредубежденная наука устремляется в поисках за новыми энергиями в пространство, этот беспредельный источник всех сил и всего познания. Наш век есть эпоха энергетического мировоззрения.

1 января 1938 г.

МИСТИЦИЗМ

В разных странах пишут о моем мистицизме. Толкуют вкривь и вкось, а я вообще толком не знаю, о чем эти люди так стараются. Много раз мне приходилось говорить, что я вообще опасаясь этого неопределенного слова — мистицизм. Уж очень оно мне напоминает английское «мист» — то есть туман. Все туманное и расплывчатое не отвечает моей природе. Хочется определенности и света. Если мистицизм в людском понимании означает искажение истины и постоянное познание, то я бы ничего не имел против такого определения. Но мне кажется, что люди в этом случае понимают вовсе не реальное познание, а что-то другое, чего они и сами сказать не умеют. А всякая неопределенность — вредоносна.

В древности мистиками назывались участники мистерий. Но какие же мистерии происходят сейчас? И не назовем же мы мистериями научное познание, которое в последние годы двинулось в области надземные, приблизилось к познанию тончайших энергий. Спрашивается, в чем же всякие пишущие видят мой мистицизм. Если припомним мои картины, то даже сами названия вряд ли будут соответствовать этому людскому обозначению. Припомним от самого начала: «Богатыри», «Ушкуйник», «Гонец», «Восстал род на род», «Сходятся старцы», «Бой», «Город строят», «Сергий Строитель», «Гималаи», «Жемчуг исканий», «Монголь-

ский Цам», «Конфуций», «Лао-Тце», и из самых последних — «Тревога», «Снегурочка», «Река жизни», «Настасья Микулична», «Микула Селянинович»... Или вспомним очерки: «Борьба с невежеством», «Парапсихология», «Болезнь клеветы», «Песни Монголии», «Чингиз-Хан», «Школьный учитель», «Прекрасное единение», «Старинные лекарства», «Врата Мира», «Чаша неотпитая», «Оборона», «Горький», «Толстой и Тагор»... Все это достаточно казалось бы определено и зовет к познанию.

Правда, мы радуемся каждому достижению, будет ли это в области искусства или науки. Мы глубоко интересуемся передачей мысли на расстояние и всем, сопряженным с энергией мысли. Об этом уже давно были беседы с покойным Бехтеревым, с Раином, с Метальниковым. Область мозга и сердца, так выдвинутая сейчас учеными мира, не может быть названа дымчатым словом «мистицизм», но есть самое реальное научное познание. Для невежд, вероятно, любое научное открытие есть мистицизм и сверхъестественность. Но тогда и Каррель, Крукс, Оливер Лодж, Пипин и все реальные ученые будут тоже мистиками.

КРЫЛАТАЯ ЧУМА

В Сан-Джеминиано при нас открыли палату при церкви, замурованную после одного из средневековых чумных бедствий. В прекраснобашенном городе ничто не напоминало больше о черной заразе.

По вычислениям было известно, что чумная зараза уже иссякла и палату можно было открывать. Конечно, народ еще боялся и немногие рисковали входить в эту высокую залу, расписанную фресками Гоццоли. Конечно, замурованность этой палаты прежде всего благотворно отразилась и на сохранности самих фресок. Некому было их перечищать или перемывать и чистить.

Рассказы о чуме особенно всколыхнули, когда вспомнилась эта замурованная палата. Среди прочих эпитетов чумы ее почему-то называли «крылатой». Очевидно, в этом подчеркивали неожиданность появлений этой эпидемии. Действительно, без всяких, казалось бы, очевидных поводов вдруг вспыхивала страшная черная смерть. Точно истощив гнев свой, она пролетала дальше и опять опускалась в неожиданном месте, в неожиданных условиях. В конце концов и все так называемые эпидемии налетали всегда без каких-либо предварительных местных признаков.

Почему-то особенно сильно вспыхивали они обычно вовсе не там, где их предполагали. И само исчезновение их хотя и было обусловлено принятыми мерами, но также как бы зависело еще от каких-то незримых условий.

Сейчас, поверх сказок и поверий давнего прошлого: «Американский биолог Бернارد Э. Проктор предпринял серию опытов с целью установить, на какой высоте над землей прекращается всякая жизнь. Проктор прибег к помощи летчика американской

армии, специализировавшегося на подъемах на большую высоту; к одному из крыльев аэроплана была приделана трубка, перегороженная посреди листом промасленной бумаги. При скорости аэроплана в 250 километров в час встречный воздух с силой врывается в трубку, причем промасленная бумага играла роль фильтра, задерживавшего все микроорганизмы».

«После каждого полета бумажный фильтр доставлялся в лабораторию проф. Проктора, где подвергался тщательному бактериологическому исследованию. В результате 40 полетов на высоту 5000 метров установлено, что в этих слоях воздуха встречается не меньше 29 видов различных видов микроорганизмов бактерий, дрожжевых грибков и т. д., а также спор и семян растений».

«После 5000 метров количество видов уменьшается, но бактерии и грибки попадают в больших количествах до 7000 метров. Далее, между 7—10 км фильтр задерживает только несколько видов бактерий, которые, однако, отлично выдерживают как разреженность воздуха, так и низкую температуру предстратосферной области. Выше 10 км опыты не производились, но кривая, вычерченная проф. Проктором на основании добытых материалов, позволяет предполагать, что жизнь продолжается и в самой стратосфере».

«Проф. Проктор вывел из результатов этих опытов любопытное и неожиданное заключение: он указывает на роль, которую могут играть в распро-

странении заразных болезней бури и циклоны. Вихрь, проносящийся над пораженной эпидемией местностью, способен захватить и унести ввысь мириады микробов, которые могут затем, следуя воздушным течениям верхних слоев атмосферы, передвигаться на сотни и тысячи километров (таким именно образом вулканическая пыль, выброшенная во время извержения Кракатау, была занесена в Европу). Средневековое представление о крылатой чуме приобретает как будто характер научной теории».

«Проф. Проктор считает, что многие эпидемии, вспыхивающие неожиданно на огромной территории, имеют именно такое происхождение».

Таким порядком еще раз подсказывается, насколько космические условия связаны с людскими условиями быта. Еще раз указывается, насколько из неожиданных, по человечеству, областей, прилетают как мрачные, так и целительные вести. Древние если и не знали более выразительных формул, то, по существу, характеризовали такие космически человеческие явления достаточно выразительно.

Крылатость эпидемий и сейчас остается, как видим, довольно хорошим определителем. На каких-то неведомых крыльях переносятся опасные частицы. На каких-то других крыльях долетает и спасение. Хотелось бы скорей слышать, как ученые уловят и целительные эпидемии.

Приходится слышать о целых, как бы обреченных на опускание островах и частях материков.

С точными цифрами в руках ученые доказывают, что или должны быть заполнены какие-то гигантские подводные ущелья, или целые цветущие острова должны сползти в эти бездны. Если крылата чума и прочие ее мрачные союзники, то и подземная, подводная работа тоже угрожает неисчислимыми последствиями. Конечно, нам разъяснят, что всякие такие опасности выявляются в каких-то миллионах лет. Нам напомнят, как один слушатель таких лекций переспросил ученого, предполагался ли конец мира через биллион или два биллиона лет, и, услышав предположение о двух биллионах, вздохнул успокоительно. Такие предположения, конечно, успокоительны для человеческого быта. Но если мы просмотрим некоторые списки землетрясений, то те же ученые нам скажут, что и биллионные сроки могут значительно измениться. Таким образом, если даже чума называлась крылатой, то какие же определительные можно приложить и к прочим, не менее потрясающим, природным процессам?

Во всяком случае, если крылатость была применима к таким мрачным вестникам, то еще большая подвижность и целительность должна быть выражена в требованиях всяких оздоровлений. Из тех же стародавних времен, когда перечисляются многие, несомненно существовавшие, а затем исчезнувшие острова, сообщается в грозных словах и о причинах этих исчезновений. Обычно эти исчезновения приписываются какому-то человеческому нечестию, или гордыне, или излишнему самомнению.

В этих легендах люди хотели по-своему выразить тоже связь человеческого духа с космическими явлениями. Действительно, сильна эта связь; недаром среди ближайших задач науки есть исследование мысли.

2 января 1935 г.

Пекин

ТУДА И ОТТУДА

Теперь главный вопрос ваш об ушедшей, всем нам дорогой. Вполне понимаем всю вашу горечь, но для ушедшей лучше будут ваши добрые сердечные мысли о ней, без посылок горестных. Она ведь остро чувствует и видит нас. Ведь только разница в вибрациях плотного и тонкого плана препятствует более тесному и осязаемому общению. Древние народы гораздо лучше понимали смысл перемены бытия, нежели современные, цивилизованные мудрецы. Сколько раз повторено в древних учениях о том, что смерти не существует, но есть лишь смена оболочки. «Мы не умрем, но изменимся». В этой краткой формуле все сказано, но люди как-то не обращают внимания на это основное утверждение закона бытия. Вы пишете, что стремитесь скорее перейти в Тонкий Мир. Правильно, что вы думаете об этом переходе, ибо сознание должно быть к этому подготовлено, но чем-либо ускорить этот переход по следствиям будет равносильно неудачной преждевременной операции. Каждый должен вы-

полнить свое задание в плотном мире невозможно оказаться дезертиром! Все элементы, входящие в состав наших оболочек, плотной и тонкой, должны закончить естественно свое земное выявление, чтобы тем самым беспрепятственно приобщиться к жизни в Тонком Мире. Ушедшая, обладающая таким чутким сердцем и приобщавшаяся к искусству, конечно, пребывает в прекрасных сферах с лицами, близкими ей по духовным устремлениям. Именно в сферах духа притяжение особенно остро действует, ведь дух прежде всего — магнит. Прекрасное сердце, как выразитель духа, является лучшим проводником или мостом среди сфер. Мысль, как тончайшая энергия, является основой Тонкого Мира, и добрая мысль есть крепчайшая творческая сила. Там все творится мыслью и мыслью же все разрушается. И земные мысли имеют такое же назначение, потому можно себе представить, как важно посылать в пространство мысли созидательные и прекрасные. Вам это должно быть особенно близко, ибо вы всегда говорили о глазе добром. Несомненно, и все тяжкие условия Армагеддона должны тоже очень отягчать вас. Ведь вы особенно чутки на всякие мировые волны. И кому сейчас может быть хорошо? Уже не говорим о житейских условиях, которые у каждого из нас потрясены, но сердце болит за все бедствия мира, увы! подготовленные самими людьми. Само пространство вопиет. В письмах с разных концов Земли сообщают о необычных космических явлениях. В шуме битв многие из этих

знамений особого времени тонут. Но чуткие сердца ощущают их, и никогда не было такого болезненного напряжения, как сейчас. Планета тяжело больна. Равновесие мира держится лишь одной страной, и радостно, что там кипит строительство. И во время битв каждый должен думать о строительстве и вносить его в своей области. Никто не знает, когда и где понадобится приложение его труда и опыта. Девиз «всегда готов» особенно должен быть повторяем сейчас. «Всегда готов, на дозоре во имя общего блага. Ваш словарь добра всегда был так велик, и сейчас вы должны почерпнуть оттуда выражение доброй бодрости, которая принесет благо многим друзьям, знакомым и неизвестным. У каждого из нас много этих неизвестных друзей, и мысль о них где-то сотворит что-то доброе. Эти добрые мысли сплетутся с прекрасными тончайшими мыслями /«оттуда»/, и получится контакт сильный. Воздействия «оттуда» непрестанны, а люди вместо того, чтобы принять их благодарно, стараются отмахнуться, как от мух назойливых. И в этой своей необдуманности и небрежности люди часто лишают себя лучшей помощи. Вот и ваша дорогая ушедшая, конечно, уже шлет вам бодрые, благие мысли. Она-то знает, когда свидится с вами. И вы должны встречать ее мысли такими же благими мыслями, чувствами. Вопль горя вовсе не помогает ни ей, ни вам самим. Когда люди отъезжают в дальнее путешествие, близкие провожают их добрыми пожеланиями и ждут новой радостной встречи, так и тут. Помните,

«как внизу, так и наверху», и эта аксиома вечной непрерывной жизни должна быть всеми твердо усвоена. Жизнь продолжается в тонких формах и, увы, часто даже слишком отражающих наше земное пребывание. Все это аксиома, но столько в земном быту нагромоздилось всяких искажений и самых диких представлений, что прекрасный смысл непрекаемых трюизмов и аксиом затемнился. Человек, переходя, не проваливается «в хладную бездну», но продолжает свой путь, применяя все накопления. Ей там хорошо, и вы помогите ей своими добрыми мыслями.

ЭПИДЕМИИ

В истории человечества особенно любопытную страницу представляют эпидемии безумий.

Совершенно так же, как всякие другие заразные эпидемии, многократно, на разных материках, появлялись эпидемии безумия. Целые государства страдали злостно навязчивыми идеями в разных областях жизни. Конечно, особенно часто эти эпидемии выражались в сфере религиозной, в сфере суеверий, а также в пределах государственной подозрительности.

Если сейчас оглянуться на страницы всяких религиозных мученичеств, на темные воспоминания об инквизиции и всяких массовых безумиях, то совершенно ясно встанет картина настоящей непреувеличенной эпидемии.

Так же как всякая эпидемия, и эта болезнь безумия вспыхивала неожиданно, часто как бы по малой причине и разрасталась с необыкновенной быстротой в самых свирепых формах. Вспомните хотя бы всякие процессы о ведьмах, которым даже верится с трудом.

Но сейчас доктор Леви-Валенси сообщает несколько любопытных данных, напоминающих опять о возможности эпидемии безумия.

Доктор говорит: «В былые времена сумасшедшие жаловались на дьявола, который жаждет погубить их душу и тело; пророчествовали или кощунствовали».

«Сумасшедшие сегодняшнего дня, — по словам доктора Леви-Валенси, — бредят делом Стависского, Пренса; желают реформировать государство и т. д.»

«Несколько лет тому назад, в разгар жилищного кризиса, множество больных жаловалось на то, что их хотят выселить из квартир. Теперь жилищный кризис прошел, зато началась безработица. И ущемленные упорно утверждают, что их хотят лишить службы, работы, «шомажных» денег...»

«В горячем бреду непрерывно упоминается о кознях масонов, сюртэ. Леви-Валенси рассказывает о банковском служащем, 44 лет, который жалуется на преследования со стороны евреев и могущественных иностранных синдикатов, во что бы то ни стало желающих поступить с ним, как с Пренсом... За ним постоянно следят два субъекта: однурукий и

один агент полиции «с лицом убийцы». Опасность угрожает также его жене...»

«13-летний мальчик охвачен манией преследования. Он убежден, что скомпрометирован в деле Стависского и что «мафия» уберет его со своего пути».

Конечно, эти сведения доктора отрывочны и случайны. Конечно, его коллеги психиатры могут дополнить им сказанное множеством всяких примеров. Исследователи должны наблюдать не только уже в стенах лечебниц. Они должны широко присматриваться во всей жизни. Ведь главное количество безумцев не попадает в лечебницу. Они остаются на свободе, подчас занимают очень ответственные места. Для того чтобы вмешался врачебный надзор, нужны повторные и особенно яркие проявления. А сколько же деяний было совершено, пока безумец почитался дееспособным и в полной свободе совершал множество преступлений.

С исторической стороны этот вопрос очень сложен. Известно, что даже высокие государственные деятели и главы стран, еще находясь на своих должностях, впадали в острое безумие. Несмотря на попытки скрывать его, припадки становились настолько явными, что безумцев так или иначе изымали из деятельности. При этом ни для кого не оставалось тайною, что эти деятели болели уже некоторое время.

Спрашивается, что же делать со всеми декретами, постановлениями и резолюциями, которые бы-

ли сделаны уже во время безумия? Значит, в государственную и общественную жизнь целых стран, может быть даже продолжительно, вторгалось безумие. Рука безумца продолжала совершать акты в уже явно болезненном состоянии. Должны ли быть такие акты признаваемы нормальными? Это такой ответственный вопрос, которого всячески избегают юристы.

В конце концов, на него невозможно ответить. Вспомним хотя бы те примеры безумия должностных лиц, которые обнаруживались на нашем веку. Кто же мог бы вполне определить, когда именно началось это безумие, закончившееся так явно. Сколько раз, вследствие так называемого острого нервного расстройства, должностным лицам спешно предлагался отпуск, а затем они оказывались в определенной лечебнице. Но ведь до момента этого отпуска или отставки было совершено очень многое.

Всегда ли пересматривается то, что было совершено уже в болезненном состоянии? Известны случаи, когда главы государств действовали уже в припадке безумия. Как же быть с теми государственными актами, которые были утверждены безумцами? На протяжении истории известны многие такие прискорбные явления.

Сейчас доктор Леви-Валенси чрезвычайно своевременно поднимает вопрос об эпидемиях безумия. Люди, отравленные всевозможными нездоровыми

условиями жизни, особенно легко поддаются всяким безумным маниям.

Мы совершенно не знаем, как влияют на психические возбуждения многие из вновь вызываемых в действие энергий. Также напряжения не могут быть нейтральными, они как-то воздействуют, но вот это «как-то» сейчас представляется особенно великим неизвестным.

Во всяком случае нужно приветствовать голоса ученых, врачей и в данном случае психиатров, которые помогли бы спешно разобраться в происходящих мировых смущениях.

Будет полезно, если бы внимательные наблюдатели не поленились сообщить врачам замеченные ими всякие необычайные проявления. Такие сторонние сообщения могут с великою пользою толкнуть мысль испытателя.

Ведь сейчас происходят многие новые формы эпидемий. Особенно озлобилась инфлюэнца, иногда доходящая до форм легочной чумы, и, конечно, необыкновенно осложнились всякие психозы.

Широкое и неотложное поле действия для всех исследователей. Отметки истории, хотя бы и в кратких и своеобразных упоминаниях, тоже могут навести на разные полезные размышления.

12 февраля 1935 г.

Пекин

МЫСЛЬ

Кто не знает тех, Свыше прилетающих и легко касающихся сердца нашего, мыслей? Трудно опознать их, еще труднее запомнить. В часы предутренние, словно касания легких крыльев, прилетают эти мысли. Можно удержать их, повторить, еще раз затвердить, и все же в большинстве случаев они улетают безвозвратно. Приходят они от тех сознаний, язык которых поистине разнится от нашего. Потому так трудно входят они в наше здешнее сознание и мышление. Часто остается лишь где-то внутри понятое нечто прекрасное и полезное, а иногда и очень нужное. И все же вы не сумеете перенести это сразу на слова земные.

Бывает, в случаях особо спешных, что благая весть сопровождается каким-то физическим звоном или шумом, чтобы еще больше насторожить, отрезвить спящее сознание. Говорят о появлениях как бы звона серебристых колокольчиков или аромата, а не то и просто какой-то предмет падает со стола, чтобы создать еще более ясное бодрствование. При одном редком явлении предварительно пролетел большой орел как бы для того, чтобы глаза присутствовавших, следя за ним, усмотрели и нечто другое.

Велико разнообразие восприятий и утверждений посылок. Лишь очень сознательные и сердечно развитые люди могут не упускать этих вестников радости, пользы и помощи.

Но даже для среднего сознания остается совершенно ясна граница между своим помыслом или помыслом навеянным. Человек отлично знает, что рожденную в себе мысль он и запомнит, и очень легко всегда вызовет ее. Но мысли навеянные, они трудно прирастают к человеческому сознанию. Потому что развитое искусство мышления всегда будет полезно во всех отношениях, во всех случаях жизни.

На Востоке в монастырях еще остались уроки такого развития мышления. Вы можете видеть, как молодежь под наблюдением старших быстро задает друг другу вопросы, ответ на которые должен последовать также немедленно. При этом вопросы задаются не только неожиданно по существу, но и неожиданно обращаются к одному из присутствующих. Характерный удар в ладоши сопровождает эту скоропостижную посылку. Если же вопрошаемый не найдет с ответом или ответ его будет неудовлетворительным, то он останется на посмешище общее.

Такие уроки мышления, сохранившиеся и до этого времени, напоминают нам о давних прекрасных школах мысли. Напоминают о тех временах, когда глубина и изящество мышления считались одним из самых благородных упражнений. Эти времена дали многие эпохи расцвета. Это может быть прямым доказательством того, что мысль процветает прекрасно.

Теперь многое как бы облегчено. Появились всевозможные энциклопедии и справочники. Обыва-

тель, приобретя многотомную энциклопедию, восклицает: «Слава Богу! Уже не нужно мне засорять мою память!» С гордостью он покажет на золотом тисненную полку и скажет: «Вот моя память». Но рядом с этим среди молодого поколения часто начинают проявляться излишества в употреблении справочников. Таким образом, иногда совершенно упускается из виду, что память как таковая требует воспитания постоянными упражнениями мышления.

Уже в пределах трюизма находится истина, что лучшие основы преуспеваний должны быть воспитаны в великом труде и внимательности. И любовь, и свобода, и дисциплина, и взаимоуважение, и преданность труду — все это закрепляется постоянными испытаниями и воспитывается так же, как и познание всех прочих условий жизни.

Философия, давшая столько примеров утонченного мышления, не только пробуждала сознание, но и упражняла его. Естественно, всякое упражнение не может быть спорадическим. Спросите об этом любого виртуоза-музыканта. Ведь он не только упражняет свои пальцы, но в трудных заданиях он держит свое музыкальное сознание на гребне волны. Человек может впасть в большое безразличие, говоря себе: «Не сегодня, так завтра». Он потеряет не только ценнейшее время, но также потеряет для себя самую ценность своего предмета. Безразличие уже будет омертвлением.

В древности сказавший: «Благодать — пугливая

птица» — знал необходимость всей бережности ко всему, извне приходящему. Если человек откроет врата добра, то к нему добро и войдет. Наверное, на это утверждение возразят очень многие несчастные в жизни. Они будут утверждать, что врата добра они открывали и ничто, кроме горя, не вошло. Но на пороге врат не оставался ли маленький скорпион или тарантул? Не был ли запылен этот вход, и не осталась ли какая-то грязь за порогом?

Опять и опять нужно всегда сознавать значение хотя бы очень маленьких, мимолетных, но смертельно жалящих мыслей. Всем нам приходилось видеть людей очень хороших, которые среди доброкачественных соображений вдруг допускали невозможную по своей вредности мысль. Иногда, может быть, даже для них самих неожиданно с уст срывалось соображение, приличное разве самому дикому человеку. Правда, они спешили оговориться. Утверждая, что это как-то сорвалось. Но ведь сорваться-то нечто может лишь из какого-то хранилища. Значит, где-то глубоко еще имеются груды ветхого рублища. Совершенно так же, как в открытых старых тайниках часто находится какое-то никому не нужное, затхлое тряпье. Исследователь с удивлением соображает, зачем наряду с прекрасными сокровищами в хранилище попали какие-то бесформенные тряпки. Но они все-таки как-то там оказались. Они все-таки заражали воздух своим гниением. От их гниения вырастала сильнейшая ржавчина на соседних предметах. От них разлагалась ценнейшая резь-

ба и еще быстрее истлевали свитки нужнейших рукописей. А ведь эту кучу тряпья в свое время кто-то просто забыл. В темном углу накопились какие-то лохмотья, точь-в-точь как лохматые бесформенные мысли, от которых подгнивает самое ценное достижение.

В умении мыслить скажется и качество терпимости к окружающему. Нетерпимость есть не что иное, как дикость. Нетерпимый человек, то есть тот, который допустил в себе губительное свойство нетерпимости, не пригоден для общности. Он не только не поймет окружающего мышления, но он легко может оскорбить самый утонченный оборот мысли своего друга. Такие оскорбления мысли будут самыми тяжкими. Чтобы избежать их, нужно, попросту говоря, подумать. Из того же заботливого помысла породится и ценность к чужому времени, осознается та благородная напряженность, которую люди в невежестве часто клеймят самыми позорными именами.

Когда испытывалось мышление, человека не оставляли в библиотеке со всеми справочниками. Наоборот, его оставляли в пустом помещении, чтобы он мог остаться лишь с самим собою и вызвать из своих хранилищ испытанные соображения. После излишеств материализма человечество опять придет к справедливой оценке гуманизма и всех тех высших областей, с ним всегда связанных. Люди, зараженные излишеством справочников и тому подобных облегчений, вероятно, будут полагать, что

после нашего века уже невозможно возвращение к осознанию духовных возможностей. Это и не будет возвращением, ибо всякое возвращение, в конце концов, невозможно в стремительности всего сущего. Но в той же стремительности люди опять нащупают, где истинная ценность. Они опять научатся слышать голос Вышний.

17 апреля 1935 г.

Цаган Куре

СУЩНОСТЬ

Сущность людей в основе своей добрая. Первый раз это сознание укрепило во мне во время давнишнего опыта с выделением тонкого тела.

Мой друг врач усыпил некоего Г. и, выделив его тонкое тело, приказал ему отправиться в один дом, где тот никогда раньше не бывал. По пути следования своего тонкого тела спящий указал ряд характерных подробностей. Затем ему было указано подняться на такой-то этаж дома и войти в такую-то дверь. Спящий обрисовал подробности прихожей, говоря, что перед ним дверь. Опять ему было указано проникнуть дальше и сказать, что он видит. Он описал комнату и сказал, что у стола сидит читающий человек. Ему было указано:

«Подойдите, испугайте его».

Последовало молчание.

«Приказываю, подойдите и испугайте его».

Опять молчание, а затем робким голосом:

«Не могу».

«Объясните, почему не можете?»

«Нельзя — у него сердце слабое».

«Тогда не пугайте, но насколько можно, без вреда, наполните его своим влиянием. Что видите?»

«Он обернулся и зажег вторую лампу».

«Если не вредно, то усильте ваше влияние. Что видите?»

«Он вскочил и вышел в соседнюю комнату, где сидит женщина».

По окончании опыта мы позвонили к нашему знакомому и, не говоря, в чем дело, косвенно навели его на рассказ о его чувствованиях. Он сказал:

«Странное у меня сегодня было ощущение. Со всем недавно я сидел за книгой и вдруг почувствовал какое-то необъяснимое присутствие. Стыдно сказать, но это ощущение настолько обострилось, что мне захотелось прибавить свету. Все-таки ощущение усиливалось до того, что я пошел к жене рассказать и посидеть с ней».

Помимо самого опыта, который так ясно показал причины многих наших чувствований, для меня лично одна подробность в нем имела незабываемое значение. В земных обстоятельствах человек, конечно, не стал бы соображать, слабое ли у кого сердце. Он испугал бы, обругал, причинил бы зло, ни с чем не считаясь. Но тонкое тело, то самое, о котором так ярко говорит Апостол Павел, оно, в сущности своей, прилежит добру. Как видите, прежде чем исполнить приказ — испугать, явилось со-

ображение очувствовать сердце. Сущность добра подсказала сейчас же, что было бы опасно повредить и без того слабое сердце.

Один такой опыт в самых обычных обиходных обстоятельствах уже выводит за пределы телесно ограниченного. Получилось не только выделение тонкого тела, но замечательное испытание доброй сущности. Сколько темного груза должно отягчить светлую, тонкую сущность, чтобы люди доходили до человеконенавистничества. Опять, как говорил Святой Антоний, «ад — невежество». Ведь весь темный груз прежде всего от невежества. При таком положении насколько нужны добрые мысли, которые своими незримыми крыльями касаются отягченного, отуманенного чела.

Когда люди в невежестве говорят: «К чему эти сосредоточения мысли, к чему эти ушедшие от мира отшельники? Ведь они эгоисты и о своем спасении только думают». Большое заблуждение в таком суждении. Если даже на самом обиходном опыте мы могли убеждаться в доброй и благородной сущности тонкого тела, если мы видели, что мысль добра превысила все приказы, так несомненные в таких случаях, то насколько же нужны эти мысли добра. Сколько простой, трогательной бережливости сказывается в простом ответе о слабом сердце. А разве мало сейчас слабых сердец, и кто имеет право отягощать их? Разве мало сейчас смертельно пораженных сердец, которые под одним неосторожным толчком уже не выдержат более? И будет это такое

же точно убийство, как убийство кинжалом, пулею или ядом. Разве не яд проникает в сердце при злобном нападении? Какое огромное количество убийств, настоящих, умышленных, злобных в своей длительности, происходит вне всяких судов и приговоров! Отравить человека нельзя, задушить человека нельзя; это правильно. Но тогда почему же можно разгрызть и разорвать сердце человеческое? Ведь если бы люди, хотя иногда, хотя кратко, в час утренний помыслили о чем-то добром, вне их собственной самости, это было бы уже большим приношением миру.

Конечно, невежественные циники, наверное, будут ухмыляться, считая, что мысль это ничто, во всяком случае, не более былинки р воздухе. Всякий цинизм о мысли, о духе, о внетелесных возможностях будет ярким примером грубейшего невежества. Когда же эти невежды, злобно кривясь, скажут: «Куда уж нам, малокультурным, погружаться в океан мыслей», — это будет сказано вовсе не в смиренности и робости, но будет словом безобразнейшей гордости.

***

Часто люди втайне мечтают приобщиться к чему-то, как они говорят в просторечии, сверхъестественному. Точно бы в естестве великом может быть естественное и, как противоположение, сверхъестественное. Конечно, это обычное выражение, как противоречащее обиходу, не приводит к верно-

му сознанию. Но главное дело то, что, как только людям доводилось прикоснуться хотя бы к началу такого необычного явления, они впадали в такой безудержный сердечный трепет, что явление останавливалось. Прекращалось оно по той же самой причине, как и в вышесказанном опыте. Становилось ясным, что невоспитанное сердце и неопытное сознание не выдержали бы ничего сверхбудничного.

Очень часто говорится о каких-то необъясненных сердцебиениях. Их вносят в рубрику половую, или чрезмерной работы, или каких-либо излишеств. Но не мало случаев нашлось бы среди этих явлений, когда какие-то прекрасные крылья уже касались ждущего или неждущего, а он, от одной близости этой, уже смертельно содрогался. Это тоже будет так часто несовместимая разница между языком земным и языком Небесным.

Сколько добра и сострадания заключено в простом соображении о слабом сердце. Если бы люди даже в обиходе чаще допускали себе эту человеческую мысль о чужой боли, о переутомленности и слабости сердца, то ведь они уже тем самым становились бы во многих случаях человечнее.

***

Явления мертвых рассказаны во всевозможных повествованиях. Они совершенно несомненны. Среди них несомненно и то, что много раз, являясь с целью очень нужною, родные и друзья не могли

сказать свою благую весть только из-за того же опять-таки животного страха тех, кому они являлись. Известны случаи, когда, желая спасти человека от опасности, усопшие должны были предпринимать целый ряд постепенных приближений, чтобы освободить человека прежде всего от страха. Именно страх так часто мешает принять самую добрую весть.

Об этих явлениях, о таких добрых вестях и желаниях помочь написано так много, что невозможно вдаваться в перечисление отдельных эпизодов. Начиная от теологических и через многие философские, исторические и поэтические рассказы, всюду утверждается, что и смерти как таковой нет и близость миров может быть ощущаема даже среди обихода жизни. Все это несомненно. Но злоба и ненависть, так обуявшие человечество в наше время, понуждают еще раз вспомнить о том, что сущность человеческая добро, а все злое, безобразно вредное будет наносным прежде всего в силу невежества.

Очень темные, глубоко павшие сущности проявляют свое влияние прежде всего на невеждах. Их излюбленное средство опять-таки будет через многообразное запугивание. Они постараются настолько омрачить и понизить сознание уловляемого, что он почувствует себя изолированным, одиноким и наконец увидит счастье свое лишь в общении с темными. Темные также постараются лишить уловляемого всех истинных радостей, подсунув ему всякие постыдные суррогаты самоуслаждения.

Человек хочет забыться. Вместо того чтобы хотеть возможно яснее помыслить и вооружиться на духовную битву, его заставляют забываться. В дурмане желания забыться чего легче им овладеть и сделать его послушным орудием, ублажая его в невежестве. Между тем лишь мысль добра, лежащая в основе, может подвинуть и к жажде знания. И тогда человек не упустит ни дня, ни часа, чтобы узнать, улучшить и украсить все, что возможно. И в этом процессе мысль добра будет и мыслью прекрасною.

16 апреля 1935 г.

Цаган Куре

ИСТИННАЯ СИЛА

Среди первых необузданных опытов внушения остаются в памяти несколько подлинных эпизодов. Передают, что человек, выпив стакан совершенно чистой воды, под внушением, что он принял сильный яд, умер при всех симптомах именно этого отравления. Человек, положенный в совершенно чистую постель, под внушением, что в этой постели умер тяжело заразный, получает все признаки этого заражения. Человеку внушается, что началось наводнение — и он тонет в своей комнате, и он почти погибает от всех несомненных признаков утопания. Человеку внушается, что он переходит бурный горный ручей, и в большом обществе находящийся под внушением снимает сапоги и часть одежды, осторожно пробираясь по воображаемым камням.

Некий врач заявил сильному гипнотизеру, что тот может воздействовать лишь на людей слабо-нервных, а он как врач никогда не поддастся этим шарлатанским воздействиям. Гипнотизер улыбнулся, сказав: «За эти Ваши слова сейчас, когда Вы пойдете от меня, Вы упадете на затылок и тогда, может быть, начнете думать иначе». Многочисленные присутствовавшие наблюдали за этим своеобразным поединком. Врач очень бодро и возмущенно повернулся и стал удаляться от гипнотизера. Но через несколько шагов он вдруг остановился, пытался продвинуться дальше, как бы преодолевая какое-то препятствие, потом снова остановился и постепенно, несмотря на все свои усилия, хлопнулся спиной на пол. Поражение материалиста было встречено хохотом присутствующих. Потерпевший поражение конфузливо встал и, потирая затылок, поспешил покинуть зал.

Этот маленький эпизод манифестации внушения мог бы быть сопровожден множеством фактов, когда люди делали мысленно им приказанное, не отдавая себе отчета, что именно заставляет их поступить так, а не иначе. Кроме сознательных внушений, конечно, еще больше происходит не только бессознательных восприятий, но и бессознательных приказов.

Итак, выходит, что симптомы яда порождаются мыслью. Симптомы заразных болезней вызываются не самою заразою, но тою же мыслью. При этом для заразы или для яда нужен инкубационный пери-

од. Но мысль вызывает те же последствия и производит все предыдущее молниеносно. И тем мысль сильнее всякого яда, всякой заразы.

С другой стороны, если мысль может быть сильнее самых губительных вещей, то, естественно, она же может быть могущественнее и самых целительных воздействий. Всем известны случаи, когда врач, ради пользы больного, должен предписывать подсахаренную воду, которая дает самые прекрасные последствия. Естественно, не щепоть сахара, но мысль принимающего так могущественна. Казалось бы, всем уже достаточно известны факты могущества внушения, но все же постоянно и в профессиональной практике, и просто в быту значение внушения или забывается, или, еще хуже, продолжает отрицаться. В этом можно наблюдать исконную борьбу узкого материализма с безграничной, высоко образованною духовностью.

Прискорбно вспомнить, как часто самые малые соображения превышают спасительные послышки. Это не значит, что послышка была слаба. Могло, попросту говоря, не найтись для нее места у воспринимающего. И, таким образом, вместо чего-то очень полезного вдруг пересилило самое маленькое, ничтожно бытовое. Обычно происходит это в той среде, где о мысли как о таковой вообще не помышляют. Ведь есть такие целые семьи, где рассуждение о мысли вообще не было бы допущено и во всяком случае было бы осмеяно.

Итак, часто самый важный двигатель, самое ду-

ховное начало подвергается самым яростным отрицаниям и осмеяниям. Рассказывается, что некое воинственное племя, когда идет для получения отпущения своих прегрешений от своего духовного главы, всегда воздерживается от нападений и разбоев. Но после получения благословения разбойные воины становятся особо яркими и поспешно предаются всяким нападениям.

Не получается ли приблизительно то же самое, когда вы видите людей, казалось бы, после молитвы выходящих из храма и немедленно предающихся всякому злословию. Не то ли же самое часто делается очевидным, наблюдая людей, только что приобщившихся к глубокой трагедии или будто бы потрясенных духовным словом и тем не менее сразу же погружающихся в несносные, подлые сплетни и клевету. Во всех этих прискорбных случаях можно видеть примитивное состояние мышления. Именно настоящее невежество заставляет людей не распознавать, где и в чем заключается истинная сила.

Между тем познание истинной силы мысли может прийти лишь добровольно. Никакими лекциями и книгами, если к ним не раскроется сердце, нельзя просветить.

Некий педагог всячески предлагал своим ученикам думать. Но за его спиной необузданные невежды называли его несчастным многодумцем. Если бы этот эпизод Перенести в окружение классических греческих академий, то какому остракизму были бы подвергнуты невежды, позволившие себе гоготать

над благородным словом о мысли. Как благородно и дружелюбно должно входить в сознание понятие ценности мысли. И какой это неотменный друг и советник, истинный доброжелатель появится этою очищенною, сбереженною мыслью. Истинная сила привлекается и усвоится там, где облагорожена мысль.

25 апреля 1935 г.

Цаган Куре

ЗНАК ЭРЫ

«Мы любим ту жизнь, которая нам являет себя на земле, оттого что мы о другой ничего не знаем».

Эврипид

Институт психосинтеза в Риме под руководством д-ра Роберта Ассаджолли. Институты парапсихологии в Германии. Институты метапсихические во Франции. Курсы психологии в Дьюк-Университете под руководством проф. Райна в Новой Каролине. Неврологический институт в России. Физиологический институт имени Павлова. Курсы психологии в Цюрихе профессора Юнга. Институт Эранос в Асконе, в Швейцарии. Институт исследований эволюционной биологии в Лондоне. Интереснейшие исследования Лестер-Института в Лондоне. Опыты исландского профессора Колмана по фотографии мысли. Специальная кафедра психических исследований в Стокгольмском университете. Многие разбросанные по различным странам общества психи-

ческих исследований. Можно перечислять без конца подобные очаги живой мысли, стремящейся познать новые пределы науки. Пусть эти светлые достижения еще далеко не объединены и часто находятся под давлением всяких условных перегородок. Все же каждый непредубежденный наблюдатель может убедиться, насколько за последнее время, как истинные знаки эпохи, расширяются пути освобожденной науки.

В океане печатного материала трудно охватить количественное и качественное определение происходящего. К тому же и не все пути сообщения доступны самоотверженным работникам, в большинстве случаев не обладающим средствами. Иногда средства приходят только в случае очевидной утилитарности опытов. Как в Средневековье легче всего находились средства на производство золота из неполноценных металлов, так же и великая руководящая мощь мысли сейчас все еще с трудом укладывается в рамки утилитарно-механического мышления.

Конечно, как всегда, полезны всякие съезды, общения, переписки, но и в этом остается столько недомолвок или недоумений, что уже предсужденные выводы опять замедляются. Но все же ясно одно, что так называемое одухотворение науки постепенно укрепляется повсеместно. Выкрики невежественных критиков и всяких против знания злоумышленников остаются отчужденными в своей злобой разрушительности. Правда, эти разрушительные

громы невежества все еще оглушительны, но в общественном мнении все-таки просыпается настойчивое желание борьбы с невежеством. В энциклопедиях можно находить поучительные примеры, как еще недавние суровые осуждения трудов смелых искателей уже сменяются более осторожными суждениями. Итак, все поборники знания, готовые для борьбы с невежеством во всех его проявлениях, могут составлять поучительные и ободряющие списки всего благодетельного, что уже делается сейчас.

Все же борьба с невежеством неотложна. Никто не должен успокаивать себя тем, что уже достаточно знания. В беспредельности познание никогда не достаточно. Чем больше будет попыток к познанию, тем сильнее и отвратительнее будут судороги невежества. Ведь и Парацельс, так оцененный сейчас, в свое время был убит завистниками, не перенесшими его достижений. Еще на нашем веку великий Менделеев не был избран в Академию наук. Не уменьшается число примеров, когда истинные находения бывают оценены далеко от места их зарождения. Вспоминаю замечательные слова Рабиндраната Тагора, произнесенные им после получения Нобелевской премии. Великий мыслитель сказал одной депутации, пришедшей к нему с поздравлением: «Почему вы поздравляете теперь, а не раньше?» В копилке жизни можно находить множество таких примеров, которые в просторах Культуры совершенно неуместны и в ближайшей эволюции не должны быть повторяемы. Организованная

борьба с невежеством, самоотверженный поход за культуру, оборона знания от всех разлагающих попыток — все это должно стать знаменательной печатью века. Мощь мысли! Осознание психической энергии!

«Каждое познавательное движение встретим дружелюбно. Найдем силы отрешиться от личных привычек и суеверий. Не будем думать, что легко обороть атавизм, ибо наслоения физические несут в себе предрассудки многих веков. Но если твердо осознаем тягость таких отложений, то уже один из самых трудных затворов будет открыт. За ним отпрется и следующий, когда поймем, зачем должны приложить в земном мире все действие. Только таким путем дойдем и до третьего входа, где поймем сокровище вверенной людям основной энергии. Кто научит признать ее, тот будет истинным наставником. Не доходит человек до понимания своей мощи без руководителя. Много всевозможных уловок таится на пути человека. Каждая приютившаяся явленная ехидна надеется скрыть от человека самое драгоценное. Он, как путник заблудившийся, не знает, в какой стихии искать преуспевания, но сокровище в нем самом. Мудрость всех веков указывает: «Познай самого себя». В таком совете обращено внимание на самое сокровенное, которому суждено стать явным. Огненная мощь, временно названная психической энергией, даст человеку путь к счастью будущего. Не будем надеяться, что люди легко признают свое достоинство, они изобретут все

доводы, чтобы опорочить каждое нахождение энергии. Они обойдут молчанием сужденное качество своего продвижения, но тем не менее путь един».

Никогда не откажемся, что мы с большим увлечением следим за достижениями науки. Будь то в Обществе психических исследований или в Дьюк-Университете, по передаче мысли, или в случае замечательной девочки в Дели, или в деле фотографирования Мира Невидимого — решительно во всех проявлениях познания каждый культурный человек должен быть доброжелательно открыт. Записной лист «Борьба с невежеством» написан, точно бы отвечая на некультурные злоумышления. Как Общество психических исследований, так и спиритуализм в его высоких проявлениях, так и все опыты над психической энергией должны быть встречаемы доброжелательно и вызывать тщательнейшее научное исследование.

Только невежды не знают, сколько полезнейших институтов и университетских курсов по изучению психических явлений открыто во многих странах за последнее время. Только невежды не хотят знать, сколько научных книг выдающихся ученых, например, Алекс. Кареля (работавшего с Линдбергом), издано в последние годы. Итак, пусть каждая некультурная атака на познание встречает четкий, обоснованный отпор, чтобы безумные воинствующие невежды садились в ту лужу, которую они заслуживают. Пусть невежды будут выявлены самым ярким способом.

Мы всегда останемся доброжелателями всех искренних познавателей. И теософы, и психические исследователи, и спиритуалисты, и физиологи, к какому бы лагерю они ни принадлежали, они являются пионерами науки грядущего. Психические явления, сила мысли как основа человеческого творчества и прогресса — найдут себе заслуженное место в достижениях эволюции. «Изучай все окружающее». «Познавай без утомлений». «Сердце есть бездна». «Крылатая мысль».

Множество ободрительных призывов несется из глубины веков. Человеческий кооператив получает поддержку из всех твердынь и древнего, и нового познания.

«Излучение прогрессии коллективной энергии может доказать, что единение — не только нравственное понятие, но и мощный психический двигатель. Когда твердим о единении, мы хотим внушить сознание великой силы, находящейся в распоряжении каждого человека. Невозможно представить неопытному исследователю, насколько возрастает собирательная энергия. К такому проявлению надлежит подготовить сознание. Удача опыта зависит от устремления всех участников. Если хотя бы один не пожелает участвовать всем сердцем, то лучше и не приступать к опыту. Уже в древности знали мощь объединенной силы. Одиночные наблюдения иногда объединялись в общие исследования, получалась целая цепь, и наблюдатели полагали руку на плечо предыдущего. Можно было видеть необыч-

ные колебания энергии; при согласованном устремлении получалась напряженная сила. Таким образом, когда говорю о единении, имею в виду реальную силу. Пусть запомнят все, кому нужно запоминать».

«Психическая энергия в древности иногда называлась воздухом сердца. Этим хотели сказать, что сердце живет психической энергией. Действительно, как без воздуха человек не может прожить долго, так и сердце отходит от жизни без психической энергии. Многие старинные определения должны быть пересмотрены доброжелательно. Люди давно замечали явление, которое теперь остается в небрежении».

«Намагничивание воды, поставленной около спящего человека, уже будет показателем выделения его излучений и отложением силы на предметах. Следует весьма внимательно отмечать такие отложения, они могут напомнить об обязанности человека наполнять окружающее прекрасными отложениями. Каждый сон — не только наука для тонкого тела, но и рассадник психических отложений».

«Также показательны опыты над распространением силы отложений. Можно заметить, что энергия испаряется в разной степени. Некоторые сильные излучения могут действовать несравнимо дальше, если они будут посланы чистым мышлением. Итак, чистое мышление тоже не есть лишь нравственное понятие, но реальное умножение силы. Умение воспринять значение нравственных понятий относится к области науки. Нельзя легкомысленно

делить науку на материальную и духовную — граница будет несуществующей».

«Наблюдения следует вести не только над согласованными приводящими, но также и над разъединяющими проявлениями. Опыт ценен разносторонний. Невозможно предрешить при начале исследования, какие именно ингредиенты потребуются для усиления следствия. Можно призвать сотрудничество самых неожиданных предметов, ибо свойства тончайших энергий не могут быть ограничены. Такая беспредельность возможностей нисколько не нарушает научности исследования. Можно применить индивидуальные методы и такие новые проявления мужественно принять. Никто не может указать, где кончается мощь человека. При этом не сверхчеловек, но именно самый здоровый человек может окрылиться счастливым достижением. В каждом обиходе может быть изучаема психическая энергия. Не нужно особых, дорогих лабораторий, чтобы воспитывать сознание. Каждый век несет свою весть человечеству. Психическая энергия имеет назначение помочь человечеству среди нерешимых для него проблем».

«Умейте терпеливо наблюдать, какие условия наиболее благоприятствуют опыту. Могут быть условия космические или на яркую световую окраску, или на минералы, или на явления животных. Можно наблюдать, как присутствие человека в соседней комнате может воздействовать на ток энергии. Ведь человек не дает себе отчета, как он настроен в

данное время. Можно наблюдать, что человек будет утверждать наилучшее свое настроение, но аппарат покажет раздражение или другие нехорошие чувства. Не из лжи человек будет скрывать внутреннее чувство, но чаще всего от неумения распознать свои ощущения».

«Кроме исследований психической энергии на цвет, испытывайте ее на звук и аромат. Можно получить показательные воздействия музыки, при этом замечайте и расстояние, и самые музыкальные гармонии. Много говорят о воздействии музыки на людей, но показательных опытов почти не производят. Можно заметить воздействие музыки на настроение человека, но это будет общим местом. Конечно, предполагается, что веселая музыка сообщает радость, а печальная — горе, но таких выводов недостаточно. Можно проверить, какая гармония наиболее близка психической энергии человека. Какая симфония может наиболее мощно влиять на успокоение или на вдохновение людей. Нужно испытывать различные музыкальные произведения. Само качество гармонизации даст лучшие указания о путях звука и жизни человека. Также необходимо исследовать влияние ароматов. Нужно приближать как цветы пахучие, так и разные составы, которые должны возбуждать или понижать психическую энергию. В конце концов, можно соединить цвет, звук и аромат и наблюдать сотрудничество всех трех двигателей».

«Люди, наконец, поймут, какие мощные воздей-

ствия их окружают. Они познают, что весь обиход их жизни проявляет великое воздействие на их судьбу. Люди научатся внимательно относиться к каждому предмету. Они окружают себя истинными друзьями и уберегутся от разрушительных влияний. Так спасительная энергия поможет в переустройстве жизни».

«Обычно самому главному уделяют наименьшее внимание. Но мы не устанем твердить о том, что неотложно нужно человечеству. Среди таких кажущихся повторений мы утвердим желание познания. Люди слишком привыкли, что за них кто-то думает и что мир обязан взять их на попечение. Но каждый должен внести свое сотрудничество. Умение приложить свою психическую энергию будет постепенным воспитанием сознания».

В семье, в школах, в общественной жизни будет утверждаться познание энергий. Искусство мышления во всей красоте опять сделается любимым спортом, истинными крыльями человечества.

14 июня 1936 г.

Урсувати

«СОВЕРШЕННО НОВОЕ»

«Передача мыслей на расстоянии. Профессор Гарвардского университета Джозеф Райн после четырехлетних опытов заявил себя решительным сторонником возможности передачи мыслей на расстоянии.

Он произвел свыше ста тысяч опытов. В его распоряжении был штат молодых ученых Гарвардского университета, и ему содействовал известный американский профессор психологии Вильям Мак-Дугал.

Первые опыты Райна свелись к занятиям со студентами, которые угадывали его мысли. Ему удалось отобрать группу из тридцати молодых людей, отличающихся особой телепатической восприимчивостью.

Затем с этой отобранной группой начались систематические опыты, сложность которых повышалась с течением времени. От разгадывания простых мыслей группа перешла к решению разных математических задач по заданиям Райна, таившего их в секрете от студентов.

К первому же периоду опытов относятся совершенные с особой пачкой карт: Райн изготовил пачку из 25 карт с сериями различных рисунков.

Взяв любую из карт, Райн предлагал студенту, сидевшему в соседней комнате, нарисовать на бумаге рисунок этой карты. Когда студенты стали разрешать такой опыт, тогда профессор приступил к следующей серии: он перемешивал карты и раскладывал их на столе рисунком вниз. Студент из-за двери должен был рассказывать, в каком порядке лежат все карты на столе, и все тридцать человек через короткое время безошибочно стали называть порядок всех 25 карт.

Затем эти же опыты были повторены со студен-

тами, находившимися уже не в соседней комнате, а в другом доме за несколько кварталов. Опыты совершались в присутствии контролера, и никаких трюков быть не могло.

Потом, также на расстоянии, началось чтение мыслей, и дело дошло до того, что поэты, приглашенные Райном в его лабораторию, писали стихи, а студенты в то же самое время, по телефону, с другого конца города, читали их профессору вслух».

Из другого источника сообщают:

«Из Тибета в Берлин вернулся руководитель недавней экспедиции на Гималаи профессор Диренфурт.

Каждый из участников экспедиции, говорит он, все время ощущал на себе влияние какой-то враждебной силы, влияние демона, карающего, по верованиям тамошних жителей, вершины Гималаев и карающего смертью смельчаков, которые дерзают забираться в запретные места.

Далее профессор рассказал о необыкновенной обостренности восприятий жителей Тибета. Телепатия, говорит профессор, так же широко развита в Тибете, как и телефон в Европе. У нас в горах скончался один проводник. Мы послали гонца в его родную деревню. Посыльному пришлось затратить на дорогу двенадцать суток. Но еще до того, как он добрался до деревушки, к нам явился гонец из этой деревушки, вышедший в день смерти носильщика. Он сам сказал, что в деревне знают о смерти односельчанина. Там состоялось уже соответствующее

моление, и его прислали сказать нам, чтобы мы похоронили мертвеца в горах.

Жители Гималаев, по словам Диренфурта, путем самовнушения умеют себя согревать в самые сильные морозы. Так, например, они в состоянии спать без одежды в любой мороз на снегу и им достаточно, чтобы чувствовать тепло, прикрыться одной лишь рубашкой. Температура их тела так высока, что мокрые одежды, которыми их накрывал Диренфурт, через несколько часов совершенно высыхали».

Еще сообщают:

«В шведском сенате недавно был установлен особый электрический аппарат для подсчета голосов. Как только сенатор нажимает зеленую кнопку, на соответствующей доске зажигается зеленая лампочка, означающая «да». Красная означает «нет». Когда происходит голосование, на доске загорается столько огней, сколько сенаторов находятся в зале, механический счетчик производит точный подсчет красных и зеленых огоньков, и на другой доске появляются соответствующие цифры, причем автоматический фотографический аппарат производит моментальный снимок. Фотографии хранятся в архивах как вещественное доказательство голосования. После каждого голосования председатель нажимает на свою кнопку, и все огни на доске гаснут.

Этим усовершенствованным аппаратом шведские сенаторы пользовались с полным доверием в течение некоторого времени. Но вот на днях рас-

смастривался какой-то вопрос, казавшийся почти бесспорным. А между тем на доске загорелось 46 зеленых лампочек и 42 красных. В зале поднялся спор. Председатель сената тогда заявил:

— Наш робот, по-видимому, не в порядке. Может быть, он считает неправильно. Давайте лучше прибегнем к старому способу поименного голосования.

Сенат последовал совету своего председателя, и оказалось, что за резолюцию голосовало 53 человека и 34 против.

Поднят вопрос о проверке всех результатов голосования начиная со дня установки робота. Возможно, что целый ряд законов был принят роботом вопреки желанию парламентариев».

Что же тут нового? Во всех трех сообщениях, казалось бы, нет ничего нового. Уже старо, что робот-машина не заменит человеческий организм. Не ново сообщение о передаче мыслей на расстоянии. Издавна это известно. Так же точно известно и то, что рассказано профессором Диренфуртом. А в то же время радуешься всем таким сообщениям. Для кого-то они очень стары, но и тем повторения такого старого всегда полезны. А другим такие сообщения будут новее нового. И, быть может, впервые заставят подумать о силе мысли.

Многим людям нужно, чтобы сведение произошло от лица с научным дипломом. Тем лучше, если профессора, среди которых столько было неисправимых, узких материалистов, начнут, во имя справедливости, обращать внимание на действительные

факты. Опять-таки было бы чрезвычайно полезно, если и читатели таких сообщений не поленятся написать или авторам сообщений, или в редакции газет факты, встреченные в их жизни. Очень просим, не поленитесь добросовестно, хотя бы кратко, сообщать наблюдаемые вами факты. Ведь такими вашими наблюдениями вы можете затронуть внимание самых неожиданно полезных людей. Кроме того, такими наблюдениями и сама механизация жизни станет на должное место.

Не следует отрицать, но всегда нужно соизмерять и прилагать по справедливости. Не забудем, что даже такой большой ум, как Наполеон, не понял и отверг первое предложение парохода и торпеды, ибо не мог понять силы пара. Мало ли ошибок произошло, но из этого не следует, чтобы эти ошибки продолжались и за них пришлось бы стыдиться впоследствии.

Пусть честная действительность во всем своем богатстве, во всей высоте будет убедительным руководящим началом.

13 мая 1935 г.

Цаган Куре

БИЧИ

За прошлый год в одних только Соединенных Штатах Америки погибло от рака сто тысяч человек. Прибавьте к этой потрясающей цифре еще все жертвы, унесенные раком в Европе и других стра-

нах, и получится цифра потерь целой войны. Бедствие раковых заболеваний внешне отличается от прочих эпидемий. Раком ужасаются. Строят еще одну больницу. Объявляют в газетах о средствах, вполне излечивающих рак, а цифры жертв не только не уменьшаются, но, пожалуй, угрожающе возрастают.

Рак не так бурно, как чума или холера, но верно продвигается, пока не будут приняты настоящие профилактические меры и не начнутся внимательные и длительные исследования. Этим мы не хотим обидеть тех самоотверженных врачей, которые неустанно стараются остановить мертвую хватку рака. Известны примеры действительно удивительной самоотверженности врачей.

Дело не во врачах только, но в самих народах, которые ради условных привычек не нарушают вредных сторон своего быта. Уже неоднократно сообщалось, что статистика повсеместно установила мясоедение как одну из причин раковых заболеваний. Так же точно общее потрясение нервной системы в нездоровых современных городских условиях также является способствующими условиями для страшной болезни.

Между тем известны местности, где рак неизвестен вообще или проявляется лишь в случаях занесенных. Также известно, что высоты как бы являются началом, охраняющим от рака. Значит, казалось бы, прежде всего нужно начать исследования в

местностях, где рак вообще неизвестен, и досмотреть, какие именно местные условия являются отличительными. Также известно, что тибетские ламы излечивают некоторые случаи рака. При этом лечение, свидетелями которого мы были, производится растительными веществами, при условии пользования ими в определенных горных местностях. Это обстоятельство сразу вызывает необходимость различных исследований и самих лекарств, и особых условий предписанной местности. Может быть, качество минеральных вод или почвы, или близость ледников, изобилующих метеорной пылью, — мало ли какие условия могут влиять и кроме очищенного горного воздуха и солнца.

Казалось бы, эти указанные обстоятельства уже должны побудить кого-то или заболевающего, или преисполненного филантропическими намерениями помочь этим исследованиям. Но на деле выходит совсем не так просто. Люди интересуются, но дальше расспросов и беспредметных желаний дело не подвигается. Допустим даже, что такие исследования потребовали бы значительное время. Допустим, что среди них произошли бы и частичные разочарования. Тем не менее и статистические данные, и уже наблюденная возможность излечения хотя бы некоторых форм рака должна бы являться достаточной причиной для пробуждения сердец к такого рода исследованиям.

Сами потрясающие цифры жертв должны бы заставить подумать о приумножении способов иссле-

дования. Одним только городским лабораторным путем не всегда удается уловить извилистый путь ехидны. Если же является хотя бы предположительная возможность обогатить способы исследования, то ведь ею нужно пользоваться, не упуская ни дня, ни часу. Таким образом, находя профилактические условия выздоровлений самого быта, можно, с другой стороны, указать и те, уже существующие, естественные условия, которые являются предохранителем от страшного заболевания.

Зачем же терять время там, где уже могла бы идти бодрая поступательная работа? Зачем же отвлеченно ужасаться числам жертв, когда еще что-то и где-то может быть сделано на спасительных путях?

Такие расследования скоро потребуются, и не только для рака. Надвигается и другой новый бич, пока носящий название испанской инфлюэнции. Многие врачи считают эту форму чрезвычайно близкой легочной чуме. По некоторым симптомам это действительно нечто весьма сходное. Каждый год можно видеть волну таких заболеваний, протекающую в разных странах. Во всяком случае, в этом есть какая-то новая форма заболевания. Если когда-то то, что называем насморком, было в смертельных формах, то и давно известный грипп, наоборот, возрос до опасных форм испанки.

Только что читаем о том, что сейчас много людей тяжело больны от странной формы воспаления легких, приписываемой недавним, неслыханным по силе, пыльным ураганам. Даже животные подышают

при подобных же симптомах. И здесь, в Китае, прошла тяжелая форма каких-то подобных же заболеваний. Думают, что из долины Ян-Цзе вихри несут какую-то зараженную пыль с определенными бактериями.

Так или иначе, опять мы встречаемся с усиливающейся легочной и гортанной формой заболевания. Если же сообразим все умножившиеся случаи сердечных болезней, странного усиления давления крови, менингита и других нервных сердечных форм, то опять можно видеть поднявшийся на человечество бич, который не замечаем в кинема и дансингах, на скачках и в кулачных боях.

«Пир во время чумы» в представлении гениального поэта всегда напоминает те неразумия, которые так легко ведут к мало поправимым последствиям.

Со времени великой войны, среди всех мирных конференций, народы истратили шестьдесят миллиардов долларов на вооружение. Сейчас опять гремят войсковые призывы. Возможность войны висит в разных частях мира. Поучительно было бы знать, сколько за это время было затрачено на борьбу с чудовищными бичами человечества, как рак, сердечные болезни, виды инфлюэнции и прочие угрозы. Не будем считать в этой цифре уже существовавших госпиталей и прочих научных медицинских учреждений. Эти достижения уже были кем-то выполнены. Знаменательно было бы посмотреть раз-

меры цифр на новые изыскания и сравнить их с цифрами вооружения.

Говорят, что дети до пяти месяцев вырабатывают сами свой витамин, но после четырнадцати месяцев это свойство пропадает. Тогда уже требуется особая профилактика. Почему же не думать о ней, хотя бы в тех пределах, которые легко доступны каждому человеческому мышлению? Конечно, не следует устрашаться заразительностью болезней. Ведь теперь признают, что и рак заразителен, и легочные формы. Было бы одинаково неразумно наполнить сознание боязливостью и тем самым открыть доступ всяким заразам. Думать своевременно о профилактике не должно быть признаком страха. Это должна быть просто бережливость жизни, чтобы она могла быть выполнена в превосходном и гармоничном напряжении энергии. Там, где можно предусмотреть уменьшение страданий, их и нужно предусмотреть, и нужно достичь этого всеми человеческими мерами.

Нельзя возлагать всю заботу лишь на врачей. Все люди должны быть сотрудниками в деле широко понятого Красного Креста. Так часто принято, собравшись за пресловутой чашкой чая, поболтать и ложками, и языком и разойтись потом без всяких последствий. Необходимо, чтобы каждая беседа вносила бы нечто действенное. Из этих, хотя бы малых, зерен сложится самое большое и самое неотложное.

Бич сам не подымается, его подымает рука. Нужно, чтобы эта рука не подняла бич. Нужно, чтобы бег и преуспеяние народов не нуждались в бичах, когда суждено так много прекрасного.

4 апреля 1935 г.

Цаган Куре

БОРЬБА С НЕВЕЖЕСТВОМ

«Борьба с невежеством должна быть явлением мировым. Ни один народ не может хвалиться, что он достаточно просвещен. Никто не может найти довольно сил, чтобы одолеть невежество в единоборстве. Знание должно быть всемирным и поддержано в полном сотрудничестве. Пути сообщения не знают преград, также и пути знания должны процветать в обмене мнений. Не нужно думать, что где-то достаточно сделано для образования. Знание настолько расширяется, что требуется постоянное обновление методов. Ужасно видеть окаменелые мозги, которые не допускают новых достижений. Каждый отрицатель не может называться ученым. Наука свободна, честна и бесстрашна. Наука может мгновенно изменить и просветить вопросы мироздания. Наука прекрасна и потому беспредельна. Наука не выносит запретов, предрассудков и суеверий. Наука может найти великое даже в поисках малого. Спросите великих ученых — сколько раз самые изумительные открытия происходили в процессе обычных наблюдений. Глаз был открыт и

мозг не запылен. Путь умеющих смотреть свободно будет путем будущего. Именно борьба с невежеством неотложна, как с разложением и тлением. Нелегка борьба с темным невежеством, оно имеет много пособников. Оно ютится во многих странах и прикрывается различными одеяниями. Нужно запастись и мужеством, и терпением, ибо борьба с невежеством есть борьба с хаосом».

Уже пять веков до нашей эры с Востока раздались благословенные слова: «Невежество есть тяжчайшее преступление». Затем и великие отшельники первых веков христианства заповедали, что «невежество есть ад». Действительно, из этой темной пропасти рождаются все братоубийственные преступления, мир наполняется тою ложью и тьмою, которая способствует самым безобразным, самым жестоким и отвратительным деяниям.

Глотать пищу еще не значит жить. Так же точно быть грамотным еще не значит быть просвещенным. Грамота есть естественное питание, но мы видим, что как пища может быть и полезной и вредной, так же и значки грамоты могут служить и свету и тьме. Просвещение и культура будут синонимами. Как в том, так и в другом наименовании заключена готовность к беспредельному познанию. В горниле такого постоянного обновления сознания очищается и сущность человеческая. В этом честном и неограниченном труде знания люди облагораживаются и начинают понимать, что есть служение человечеству и миру. Истинный ученый имеет глаз откры-

тый и мысль нестесненную. Но, как и все в мире, глаз должен быть воспитан, и мысль должна быть воспитана. От первых шагов образования светлое допущение и раскрытие горизонтов должно входить в основу начальной школы. Знание должно быть освобождено от условных рамок. Знание есть путь к радости, но радость есть особая мудрость.

Ученый и художник знают значение слова вдохновение. Они знают, что есть прозрение, в котором открываются им новые утонченные формы и познаются доселе не замеченные, а может быть, и позабытые высокие энергии. Из далеких веков уже пришло сознание того, что мысль есть энергия, мысль светоносна. Давным-давно некоторые люди знали о том, что мысль может быть внушаема или, вернее, передаваема. Но даже и такая старая истина лишь в самое последнее время, на глазах нынешнего поколения, вошла в обиход ученого мышления. Все мы были свидетелями, как еще совсем недавно невежды глумились над так называемым магнетизмом и гипнотизмом. Доходило до того, что та же сила в разных ее наименованиях воспринималась иначе. Месмеризм был осмеян и осужден, и он же под именем гипнотизма получил некоторое право на существование. Ведь для чего-то некоторые пилюли должны быть позолочены, а склянки лекарств снабжены особыми ярлыками. И можно понять, по каким причинам некоторые химические элементы, теперь вполне признанные, должны бы-

ли быть прикрываемы алхимиками под названиями орлов, фениксов и другими символами.

Все мы помним, как во время образования проф. Бехтеревым Неврологического института все, кому не лень было, насмеялись над его опытами передачи мысли на расстоянии. Широкая известность имени Бехтерева не избавила его не только от насмешек, но даже и от всяких подозрений. Невежды шептали, что не могло же целое учреждение возникать для исследования процессов нервной системы и мысли. Шептали о каких-то политических затеях или о романтических увлечениях и даже о помешательстве Бехтерева. Вот до каких Геркулесовых столбов доходили судороги невежества. Помню, как при этих злошептаниях мучительно вспоминалась книга Гастона Тиссандье «Мученики науки». Куда же дальше идти, когда еще на нашем веку некая академия обозвала великого Эдисона шарлатаном за его фонограф, а некие университеты не допускали женщин к высшему образованию. Ведь это было, повторяю, не в Средневековье, а на нашем веку. Делалось это не какими-то безграмотными дикарями, но людьми, забронировавшими себя мертвым, официальным ярлыком учености. Не будем перечислять бесконечный ряд истинных мучеников науки, но раз мы упомянули о гонениях на женское образование, то вспомним хотя бы гениальную математичку Софью Ковалевскую, которая не могла поступить ни в один университет, а в то же время удостоивалась мирового признания ее работ по

высшей математике. А сколько прекрасных ученых и врачей можно бы припомнить, которые, гонимые их невежественными коллегами, должны были даже покидать свою родину.

Мир гордится великим именем физиолога Павлова, повсюду твердятся формулы его учения о рефлексах и другие его гениальные прозрения. Но даже и эта нобелевски увенчанная всемирная деятельность вызывала в некоторых специфических кругах пожимание плечами. Среди этих пожимателей плечами тоже ищите невежество. Поистине никакие мундиры, никакие мертвенные, схоластические ярлыки не прикроют человеконенавистничество, зависть и тупую ограниченность. Борьба с безграмотностью куда легче, нежели поразить мрачную гидру человеконенавистничества со всеми ее атрибутами — зависти, сомнения, пошлости, злощептания и тех подпольных кампаний, которые силы мрака умеют так ловко проделывать. Ведь силы зла и с ними силы невежества — позорные синонимы — весьма сплоченны. Из всех чувств — любовь и ненависть являются наиболее объединяющими и сильнейшими.

Конечно, несмотря на все ярые попытки невежества, светлое познание продвигается по всему миру. Вспомним хотя бы недавние сведения, порадовавшие просвещенный мир. Вспомним все замечательные достижения великого биолога Боше о жизни растений. Проф. Комптон заявляет, что мысль человека является самым важным фактором

мира. Проф. Метальников дает исследования об иммунитете и о бессмертии одноклеточных. Д-р Котик исследует перенос чувствительности. Профессор Мюнстерского университета В. Стемпель доказывает существование незримых излучений от всех живых существ. Д-р Доблер из Гейлброннского университета утверждает существование еще недавно осмеянных излучений земли и связь их с человеческим магнетизмом. Гарри М. Джонсон, проф. университета Виргинии, делает поучительные заключения о безумии. Д-р Отриан, заведующий метеорологической станцией в Германии, наблюдает влияние атмосферных явлений. Аббат Морэ, французский астроном, делает интереснейшие выводы о солнечных пятнах. Американский биолог Бернард Проктор изучает условия жизни на высотах. Французский ученый д-р Леви-Валенси предостерегает об эпидемиях безумия. Д-р Ризе делает опыты над воздействием ритмов. Д-р Бернард Рид, британский ученый, сближает находения древнейшей медицины с современными исследованиями о витаминах. Венгерский молодой ученый открывает лучи-невидимки. Всем известны опыты профессоров Ришэ и Жиллэ и выводы сэра Оливера Лоджа. Проф. Лейденского университета В. де Хааз исследует абсолютный нуль, доказывая его невозможность. Профессор Гарвардского университета д-р Кеннон делает выводы о значении удачи в научных открытиях. Химик Минглей дает смелый прогноз грядущих открытий. Проф. Гарвардского универси-

тета Иосиф Райн и Уильям Мак-Дугалл достигают замечательных результатов по передаче мысли на расстоянии. Сколько прекрасных достижений! Итак, в каждой стране имеются светлые искатели, неутомимо и бесстрашно приоткрывающие завесы знания. И все-таки эти великие люди остаются единицами и вынуждены каждый в своей области, а иногда и в общественном мнении преодолевать незаслуженные затруднения.

Можно привести длиннейший ряд произведенных за последнее время работ, расширяющих условные рамки мышления. Сама природа деятельно приходит на помощь каждому мыслителю. Солнечные пятна, со всеми около них выводами, о которых пишут величайшие авторитеты нашего времени, как проф. Джине, Аббот и др., напоминают нам о том, что недалеко время, когда и столь осмеянная астрология окажется не чем иным, как просто формулой астрохимии, и еще одна великая отрасль науки будет освобождена от наветов. И люди поймут, что они живут окруженные великими химизмами и сами представляют из себя утонченнейшую и сильнейшую химическую лабораторию. Все читали о недавно произведенных опытах с химизмом человеческих секретов и излучений из пальцев, причем излучения некоторых людей убивали зловредные бактерии. Так же точно вспомнят и опыты проф. Юревича, подтверждающие, насколько энергия, излучаемая человеком, является проводником и соединителем для иначе не поддающихся сочетанию

элементов. И разве не о том же свидетельствовали попытки столь несправедливо преследуемого Килли. Итак, изучение человеческих излучений и психической энергии настоятельно зовет человечество к ближайшим, изумительнейшим достижениям.

Невежды очень любят смеяться над индусскими йогами. Для невежд хождение по огню, сидение на воде, глотание сильнейших ядов, остановка или ускорение пульса по желанию, погребение заживо и возвращение к жизни через несколько недель — все это лишь ловкие фокусы и шарлатанство. Но вот в весьма позитивном и распространенном журнале «Модерн ревью» можно прочесть статью с фотографиями о ходящих по огню в Мисоре, о чем журнал сообщает в связи с прогремевшими по всему миру демонстрациями кашмирца Кхуда Букса в Лондоне. Сидение на воде на Ганге было названо шарлатанством, и осторожные люди, даже видевшие это, добавляли: не знаем, не было ли какой-то подводной поддержки. Но сейчас английские газеты оповещают о женщине, настолько меняющей свой вес, что подобное проявление на воде для нее вполне доступно, как проявление изменения полярности. По всему миру прошли сообщения о необъяснимых, с точки зрения условий науки, манифестациях баварки Т. Нейман, а сейчас все газеты были полны об удивительном случае с девятилетней девочкой Шанти в Дели. Ряд выдающихся наблюдателей проверили этот замечательный случай.

Из Латвии приходит сведение, описанное в це-

лой брошюре, о необыкновенном случае чтения мыслей восьмилетней девочкой. Недавно зарегистрированы несомненные случаи улавливания радиоволн без аппарата и замечательная способность двух итальянских мальчиков — видеть через стены и другие непроницаемые предметы. Конечно, в Средневековье все эти злосчастные по необыкновенности своей люди были бы, наверно, сожжены на кострах. Но и в настоящее время человек, улавливающий самосильно радиоволны, все-таки отдавал сумасшедший дом.

Не забудем также и замечательные прозрения и яснослышания Жанны д'Арк, спасшие Францию, но за которые невежественные современники возвели ее на костер. И не только сами обладающие необыкновенными способностями, но даже и наблюдатели их подвергаются со стороны невежд и по сие время всяким гонениям. Вспомним несправедливые насмешки и над Обществом психических исследований. Преследуется каждый зародыш нового беспредрассудочного научного завоевания. Получается необыкновенно уродливое зрелище. С одной стороны, открываются новые учебные заведения, одним видом своим как бы зовущие для последующих познаний, но с другой стороны, каждое необычное явление, не вошедшее еще в элементарные учебники, оказывается достойным не только насмешек, но и всяких гонений. Значит, гидра невежества не только в безграмотности, но и в окаменелости восприятий и в человеконенавистничестве.

«Всякое отрицание истины невежественно и вредно не только самому отрицателю, но и пространственно. Противоборство против истины заражает пространство; но бывает еще более отвратительное действие, когда люди, однажды познав истину, потом от нее отступают. Безумно такое отступление во тьму! Можно найти случаи в истории человечества, когда уже постигались частицы Истины, но затем, по причине крайнего невежества, некоторые лжеучителя пытались снова скрыть от народа непреложное положение вещей, получались акты, которые когда-то будут рассматриваться как позорные страницы истории. При этом не давалось никаких доказательств, но приказывалось отрицать очевидность. Как бы неверие в солнце предписывалось, потому что кто-то, по слабому зрению, не мог взглянуть на солнце. Кто-то, по незнанию и по самости, запрещал и другим знать действительность. Пусть люди припомнят, сколько отступлений во тьму происходило в разные века. Может быть, такие воспоминания подвинут человечество к честности и справедливости».

Итак, каждый, для кого Просвещение и Культура не пустой звук, должен в своей области по мере сил бороться с невежеством. Пусть никто не скажет, что у него нет возможности к тому, — это было бы неправдой. Невежество — и явное, и тайное, со всей его притворностью и изворотливостью, увы! существует везде. В каждом обиходе ясный ум может усмотреть, какая пыль и грязь должны быть уб-

раны. И сейчас, когда в мире грохочут пушки и конструируют ядовитые газы, именно тогда всякая борьба с невежеством будет особенно нужна. Будет нужна оборона всего лучшего, прекрасного и просвещенного.

Если даже кто-то и не преуспееет в своих благих попытках, то все же это будут попытки, а не только отвлеченные намерения. Кроме того, в каждой попытке уже есть элемент действительности. Потому каждая попытка уже будет добротворчеством. Наверное, какие-то приспешники невежества будут шептать, что именно теперь неуместны слова о культуре и просвещении. Это их обычная уловка, чтобы в каждый момент человеческой жизни найти причину, почему именно тогда устремление к культуре и к просвещению несвоевременно. Этою своею формулою служители невежества и выдают себя. Ведь именно добро, культура и просвещение всегда своевременны.

Не может быть такого человеческого состояния, в котором человекообразие было бы неуместным и несвоевременным. Шептать о такой несвоевременности могло бы лишь человеконенавистничество, которое, во мраке своей берлоги, всегда мечтает обратить род человеческий в чудовищ, взаимно друг друга пожирающих.

Поистине от мала до велика каждый может и обязан внести свою лепту в дело борьбы с невежеством. Объединяясь в группы и единолично, каждый может где-то пресечь глумливое чудовище невежест-

ва. Каждый труд уже заключает в себе попытку к усовершенствованию и к просвещению. Только невежество могло унижать труд как таковой и бесстыдно насмехаться над исканиями знания. В справедливом негодовании против каждого проявления невежества, против каждого невежественного отрицания работник культуры найдет и действительную мысль, и яркое слово и запечатлеет прекрасным действием победоносный путь просвещения. Слава поборникам Культуры! Слава труженикам! Слава бесстрашным!

10 июня 1936 г.

Урсувати, Гималаи

СЛЕДЫ МЫСЛИ

Газета сообщает:

«Двум профессорам Кембриджского университета удалось произвести кинематографический снимок человеческой мысли. Это профессор физиологии Адриан, один из видных членов Королевского Ученого Общества, и проф. Метиус. Адриан, посвятивший всю свою жизнь изучению тайн нервной системы, — в 1932 г. он получил премию Нобеля, а всего несколько дней назад был награжден золотой медалью Королевского Ученого Общества».

«Когда человек сидит спокойно в кресле с закрытыми глазами и мысль его не занята ничем серьезным, тогда его мозговое вещество производит регулярные электрические разряды со скоростью приблизительно десяти разрядов в секунду. При помо-

щи весьма сложных и хитроумных аппаратов и фотоэлектрической камеры проф. Адриану удалось зарегистрировать на кинематографической пленке эти разряды. Он же обнаружил, что лишь только его пациент откроет глаза и начнет сосредоточивать на чем-либо свое внимание, как частота электрических разрядов значительно возрастает и обычно достигает 2000 в секунду).

«Ритмические импульсы продолжаютя и во время глубокого сна, а равным образом, когда человек (или животное) находится под наркозом. Профессор экспериментальным путем установил тождество колебаний у разных лиц при виде одного и того же предмета или явления. Разные мысли, возникающие в зависимости от зрительных нервов, дают разные изображения на пленке».

«Свои опыты проф. Адриан главным образом сосредоточил на той области человеческого мозга, которая ведает зрением. Он установил, что эта область поразительно мала. Да и вообще проф. Адриану удалось при помощи его аппаратов доказать, что большая часть человеческого мозга совершенно не участвует ни в каком умственном процессе».

«Свои опыты проф. Адриан довел уже до такой степени совершенства, что он легко теперь превращает фотографический снимок мысли в звуковой и может передавать его во всеуслышание по радио. Во время публичной демонстрации аудитория слышала самые различные звуки в зависимости от того, что появилось перед глазами пациента, сидевшего

на эстраде и открывавшего глаза лишь по указаниям профессора».

Итак, нечто вполне естественное и, может быть, давно известное запечатлевается уже и грубыми механическими аппаратами. Задолго до этих механических начертаний замечательный ученый Индии сэр Джагадис Боше в таких же путях исследования запечатлел пульс растений, выявил даже для случайного глаза, как реагируют растения на боль, на свет, как отмечается в пульсе его появление даже малейшего удаленного облачка. В полной графичности на стене отмечалась вся судорога смерти растения, отравленного или пронзенного. Тут же отмечалось и воздействие человеческой энергии на жизнь тех самых растений, которые еще недавно даже в глазах цивилизованных людей были лишь низшими, мертвыми отростками.

В движении иглы, отмечающей пульс растения, можно наблюдать и воздействие человеческой энергии мысли. Мысль добрая, мысль сочувствия могла ограждать растение от действий яда. Так же точно мысль злобная усилит смертельное воздействие. Если бы поскорей, как можно скорей, даже в непросвещенных массах человечества зародилось сознание о значении и мощи мысли! Смешно и унижительно подвергать высокие наблюдения над мыслью действию грубых механических аппаратов. Но для сознания грубого нужны такие же меры воздействия. Одно осознание значения мысли уже значительно преобразит земное существование.

В области телевидения чисто внешне механически происходят крупные усовершенствования. Только что было сообщено, что даже в течение наступившего года эта передача зримости на расстоянии получит новые возможности. Вполне вероятно, ибо раз произошло вступление в этом направлении, то следствия, несомненно, будут накапливаться в кратчайшие сроки. Постепенно и на телевидении будет наблюдено отражение качества мысли, если это касалось человеческих изображений.

Даже некоторые наблюдательные фотографы отмечают, что разница в снимках зависит не только от чисто внешних условий, но и от каких-то внутренних состояний объекта. И в этом случае мы так же точно подходим к рассуждению об отражении мысли.

Рассуждения о гипнотизме и внушении, т. е. о тренированных способах воздействия, уже становятся общим местом. Но ограниченное сознание все-таки слабо допускает, что не только в тренированных мысленных воздействиях, но решительно во всем, при более или менее ясном мышлении, происходят мощные воздействия на окружающее.

Это соображение еще раз напомнит и об идее ответственности, о которой мы имели и в недавнем прошлом несколько напоминаний. Какая величавая красота заключается в идее ответственности и служении. И нет такой точки в мире, где бы человек ни подлежал этим двум высоким назначениям.

Когда мы вызываем из пространства слова и зву-

ки, разве не идут с ними и все сопровождающие свойства энергии мысли? На огромнейших расстояниях ясно звучит человеческий голос, посланный мыслью.

Несомненно, через все эти огромные пространства вместе со внешним звуком протягиваются и внутренние струны мощнейшей энергии. Кто-то их почувствует очень ясно, кто-то даже, и чувствуя их, будет пытаться отрицать. В таком отрицании опять же будет значительный элемент страха. Ведь боязливое сознание содрогается от одного намека, что оно окружено какими-то энергиями, воздействиями. Именно то, что, казалось бы, должно окрылять людей, то самое повергает слабовольных в ужас. Именно в ужас, который является следствием чего-то неопределенного, хаотического. Но ужасом не спастись от хаоса. Ужас и есть врата к нему.

Прекрасно, облекшись во все мужество, признать величие мысли и всех приводимых ею в действие энергий. Хотя бы мерами механическими все же пусть спешно подходят люди к мысли о мысли во всем ее мощном значении. И вместо хаотического ужаса многие, казалось бы, такие несложные проблемы жизни просветляются от одного осознания всех возможностей мысли. Недаром говорится: «Совершай не только телом, но и мыслью».

Разве не увлекательно: «мыслить в Беспредельности»?!

12 января 1935 г.

Пекин

УЧЕННЫЕ

Обращаясь к целому классу деятелей, невольно прежде всего вспоминаете какое-либо имя из этого светлого ряда великих работников.

Вспоминаю давнишние заседания Русского Археологического Общества, на которых выступал Тураев, этот замечательный исследователь Египта и древнего Востока. Сама внешность его, вся скромная искренность и сердечность, свойственная большой душе, сразу привлекали к нему. Первый раз, еще не зная его, я спросил моего соседа Веселовского: «А кто там, еще молодой человек, который так славно улыбнулся?» Мне пояснили, что это Тураев. И тут же почему-то было указано мне, что он и замечательный египтолог, глубокий знаток религии Египта, и очень религиозный человек сам, и прекрасный в семейном быту. Так была дана полная характеристика Тураева.

Замечательный ученый, сам высоко религиозный и прекрасный участник общественной и семейной жизни. Затем около Тураева собралась целая группа выдающихся молодых ученых, и можно себе представить, как проникновенно руководил он стремящимися к познанию.

Вот уже будет пятнадцать лет, как ушел от сего мира Тураев.

Предисловие к его труду «Классический Восток» говорит:

«23 июля 1920 г. смерть исторгла Б. А. из ряда

живых и оставила жизни память о его великой личности, а науке многочисленные труды его и созданную им школу, тоже когда-то многочисленную. Этой школе, ряды которой и после смерти Б. А. продолжали редеть, предстояла ответственная задача сохранить и ввести в научный обиход литературное наследие своего учителя. Ученики, как в Петербурге, так и в Москве, бережно следили за сданными в печать трудами Б. А. В Петербурге вскоре после его смерти удалось издать несколько исследований, посвященных памятникам Музея Изящных Искусств в Москве и большому папирусу собрания Прахова в Известиях Российской Академии Истории Материальной Культуры».

Затем тот же Струве дает следующую справедливую характеристику Тураева: «Создавая свой громадный труд, Б. А. проявил громадную эрудицию в почти необозримой литературе о древнем Востоке, но эта литература не властвовала над его мыслью; он решал все проблемы на основании изучения самих источников. Широкое знакомство с почти всеми языками изучаемых им культур давало Б. А. возможность всесторонне использовать бесчисленные эпиграфические памятники, подаренные науке неисчерпаемой почвой Востока. По отношению к этому материалу Б. А. с одинаковым мастерством выявлял глубокий анализ филолога и широкий синтез историка».

«Наряду с эпиграфическим материалом, с одинаковым успехом им были использованы и памятники

вещественные. В своих выводах Б. А. был всегда чрезвычайно осторожен и, извлекая из источников все то, что они могут дать, он никогда не прибегал ради достижения большего к искусственным и рискованным толкованиям, никогда не навязывал источнику свой собственный домысел. Все эти достоинства труда Б. А., поразительная объективность и разносторонность, громадная эрудиция, всеобъемлющее знание всего доступного ему материала, как эпиграфического, так и вещественного, и осторожность в выводах на основании этого материала делают «Классический Восток» краеугольным камнем для дальнейших работ, посвященных этому периоду всемирной истории».

Справедлива характеристика, к которой хотелось бы еще добавить о самой притягательной личности Тураева. Характерно отметить и то, что никто из служителей религии не удивлялся, как в нем жила и собственная религиозность, и большое уважение к изучаемым религиям. Хотелось бы не забыть, как Тураев, будучи сам не крепкого здоровья, всегда замечательно отзывчиво уделял время для проходящих к нему.

Как и многим ученым, Тураеву жилось нелегко, но эти трудности тонули в океане научного энтузиазма. Именно энтузиазм познания удержал Тураева на высокой бесспорной стезе исследователя. Путь жизни, всякие смятения оставались в нем там, где они и должны оставаться, то есть не нарушая его основного смысла движения вперед. Он рабо-

тал необыкновенно усидчиво и всегда поступательно. Также он не принадлежал к тому разряду ученых, которые, чтобы избежать ответственности, избирают себе вполне ограниченную задачу, в пределах которой они не рискуют никакой критикой.

Тураев, наоборот, не боялся ответственных задач, складывая свои исследования в обоснованные выводы. Его увлекали большие задачи. Причем частичные исследования необыкновенно гармонично вливались в его основные построения. Ничто не загромождало его кругозора, и в то же время пути его следования были твердо ограждены. Теперь, когда особенно требуется осознание обоснованного синтеза, память о таких великих ученых, как Тураев, должна быть сохранена в руководство для многих.

Такие же были устремления и у недавно ушедшего Владимирцева, и особенно выделяется сейчас их сверстник, наш великий и всюду оцененный, ученый Ростовцев. Многочисленные труды его и новы, и глубоко обоснованны, и увлекательны в чтении. Эти три обстоятельства совсем не так часто встречаются в сочетании.

Сколько раз всем читателям приходилось жалеть, что очень нужные соображения бывают изложены в таких условиях нагромождения, что смысл их прямо раздробляется в этих чрезмерных насаждениях терновника. Но книги Ростовцева являются частями его огромного познания Востока. При этом, как истинный ученый, он одинаково понимает и звучит как на древнейшее, так и на новейшее.

Будучи глубоким знатоком вещественных памятников, Ростовцев является и справедливым ценителем современного искусства. Археолог, историк, ценитель искусства, он всегда обновляет библиотечные познания и раскопками, и путешествиями. Слово его ясно звучит как о древнейших периодах истории, так и о нашей современности. Его хватает на все. По справедливости он сейчас признан авторитетом и в Америке, и во всех европейских странах. Книги его можно видеть и в книгохранилищах университетских, и в самых неожиданных библиотеках, и всюду они будут сопровождены знаками частого чтения. Как нужны такие ученые! Нужны они и для нас, для соотечественников, и для всего мира.

Радуюсь, что труды Ростовцева печатаются на разных языках и тем доступны огромному числу читателей.

Сейчас сюда приехал Свен Гедин, всегда справедливо привлекающий к себе внимание мира. Сколько воодушевления нужно иметь в себе, чтобы вдохновить такое огромное число почитателей, оценивших великого исследователя и ученого. Глубокий познавательный синтез заложен в достижениях великого шведского исследователя. Он горит ко всему познавательному, он звучит на нужды государственные. Ко дню его семидесятилетия притекли к нему множества приветствий. Как же не приветствовать деятеля, всегда молодого духом, огненно познающего, неутомимого! Мы рады видеть его

Н. К. Перих

имя на почетном листе нашего музея. Мы рады приветствовать его и восхищаться его глубокими достижениями.

И другой замечательный шведский исследователь сейчас в Китае. Профессор Освальд Сирен, этот глубокий знаток не только искусства Китая, но и староитальянского. Вспоминаю наши встречи в Швеции и в Лондоне. Вспоминаю, как Освальд Сирен звучал и к научным исследованиям, и к философии, и к современному искусству. Ведь он замечательный знаток и современного искусства и умеет сказать о нем не только критически, но и широко вдохновительно. Чтобы сохранить всю вдохновительность истинного ученого, не впадая в излишнюю популярность, и в то же время уметь оценить, обобщить и сказать прекрасно, это будет знаками действительного, настоящего ученого. Привет!

28 февраля 1935 г.

Пекин (?)

ШАМБАЛА СИЯЮЩАЯ

— Лама, расскажи мне о Шамбале!

— Но ведь вы, на Западе, ничего не знаете о Шамбале и не хотите знать. Вероятно, ты спрашиваешь лишь из любопытства и напрасно произносишь это священное слово.

— Лама, я не случайно спрашиваю тебя о Шамбале. Повсюду люди знают об этом великом символе под разными названиями. Наши ученые собирают каждую искорку знаний об этой замечательной стране. Чома де Кереш узнал о Шамбале во время своего длительного посещения буддийских монастырей. Грюнведель перевел книгу известного Ташиламы, Палден Еше, «Путь в Шамбалу». Мы чувствуем, что под сокровенными символами скрыта великая Истина. Воистину, настоящий ученый жаждет узнать все о Калачакре.

— Так ли это? Ведь некоторые из ваших соотечественников оскверняют наши храмы! Они курят в наших святилищах; они не только не понимают, но и не хотят уважать нашу веру и наше учение. Они насмеваются и издеваются над символами, значе-

ние которых не способны постичь. Если бы мы посетили ваши храмы, мы вели бы себя совершенно иначе, потому что ваш великий Бодхисаттва, Исса, воистину возвышенный дух. И никто из нас не стал бы осквернять учение милосердия и справедливости.

— Лама, только полный невежда и глупец способен насмехаться над вашим учением. Все учения справедливости как бы сходятся в едином святилище. И никто, будучи в здравом уме, не станет осквернять священные места. Лама, почему ты считаешь, что основное учение Благословенного неизвестно Западу? Почему ты полагаешь, что мы, на Западе, не знаем о Шамбале?

Лама, и на моем столе ты можешь найти Калачакру, Учение, которое великий Атиша принес из Индии. Мне известно, что если высокий, уже подготовленный дух слышит голос, произносящий «Калагия», то это есть зов в Шамбалу. Мы знаем, какой Таши-лама посетил Шамбалу. Нам известна книга настоятеля монастыря Утайшаня «Красный путь в Шамбалу». Мы даже знаем монгольскую песню о Шамбале. Кто знает, быть может, нам даже известно многое, что ново для тебя. Мы знаем, что совсем недавно молодой монгольский лама издал новую книгу о Шамбале.

Лама изучает нас своим пронизывающим взглядом. Потом он говорит:

— Великая Шамбала находится далеко. Это могущественная небесная страна. Она не имеет ничего общего с нашей землей. Зачем и почему вы, земные

люди, интересуетесь ею? Лишь в некоторых местах, на Крайнем Севере, можно видеть сияющие лучи Шамбалы.

— Лама, мы знаем величие Шамбалы. Мы знаем, что эта заповедная область реальна. Но мы знаем и о реальности земной Шамбалы. Мы знаем, как некоторые высокие ламы отправлялись в Шамбалу и на своем пути видели обычные физические объекты. Мы слышали рассказы о бурятском ламе, о том, как его провели через очень узкий тайный ход. Мы знаем, что другой посетитель видел караван горцев с солью из озер на самой границе Шамбалы. Более того, мы сами видели белый пограничный столб одной из трех границ Шамбалы. Потому расскажи мне не только о небесной Шамбале, но и о Шамбале земной; ведь ты, так же как и я, знаешь, что Шамбала земная связана с Шамбалой небесной. И на этом звене оба мира соединяются друг с другом.

Лама замолкает. Глазами, наполовину прикрытыми веками, он внимательно всматривается в наши лица. И в вечерних сумерках начинает он свой рассказ:

— Истинно, наступает время, когда Учение Благословенного опять придет с Севера на Юг. Слово Истины, которое начало свой великий путь в Бодхигае, опять вернется в те же места. Надо принять просто то, что истинное учение покинет Тибет и вновь появится на Юге. И во всех странах станут известны заветы Будды. Действительно, наступают

великие события. Вы приходите с Запада, и все же вы приносите вести о Шамбале. Истинно, надо принять это так, как есть. Вероятно, луч из башни Ригден-Джапо достиг всех стран.

Как алмаз, горит свет на Башне Шамбалы. Он, Ригден-Джапо, там, в неустанном вечном дозоре на благо человечества. Его очи никогда не смыкаются. И в своем магическом зеркале он видит все происходящее на земле. И мощь мысли его проникает в далекие страны. Расстояние не существует для него; он может мгновенно принести помощь тем, кто достоин ее. Его могучий свет может уничтожить всю тьму. Его неисчислимы сокровища готовы для помощи всем нуждающимся, кто хочет служить делу справедливости. Он даже может изменять карму людей...

— Лама, мне кажется, что ты говоришь о Майтрейе. Так ли это?

— Мы не должны произносить эту тайну! Много такого, что не может быть выдано. Много такого, что не должно быть кристаллизовано в слове. В слове мы открываем нашу мысль. В слове мы выпускаем нашу мысль в пространство, и величайший вред может произойти. Ведь все, разглашенное до назначенного срока, приводит к несказуемому злу. Даже величайшие катастрофы могут быть вызваны такими легкомысленными действиями. Если Ригден-Джапо и Благословенный Майтрейя для тебя одно и то же, пусть будет так. Я этого не говорил!

Несчетны жители Шамбалы. Многочисленны

прекрасные новые силы и достижения, которые готовятся там для человечества...

— Лама, веданта говорит нам, что очень скоро человечеству будут даны новые энергии. Правда ли это?

— Неисчислимы великие ценности, сужденные и уготованные. Из Священных Писаний мы знаем Учение Благословенного о жителях далеких планет. Из того же источника мы слышали о летающей стальной птице... о железных змиях, которые огнем и дымом пожирают пространство. Благословенный Татхагата предсказал все на будущее. Он знал, что помощники Ригден-Джапо воплотятся в должное время; что священная армия очистит Лхасу от всех нечестивых врагов и что будет установлено царство справедливости!

— Лама, если великие воины воплотятся, не проявятся ли действия Шамбалы здесь, на нашей земле?

— Это произойдет повсюду, и здесь, и на небесах. Все благие силы должны объединиться, чтобы уничтожить тьму. Каждый, кто поможет в этой великой задаче, будет вознагражден стократно и на земле, в этом же воплощении. Все противоборствующие Шамбале погибнут в этом же самом воплощении, потому что они не достойны милосердия.

— Лама, тебе введома истина. Так скажи мне, почему среди священнослужителей столько недостойных?

— Конечно, это не извинение; но если Учение

должно переместиться на Юг, то неудивительно, что многие ученые ламы покинули Тибет. Знают ли на Западе, что Панчен-Ринпоче (Таши-лама) связан с Шамбалой?

— Лама, конечно, мы знаем, что Панчен-Ринпоче весьма почитаем повсюду. В разных странах мы слышали, как высоко отзывались о Его Святейшестве не только буддисты, но и люди многих национальностей. Говорят даже, что были представлены на фресках в его личных покоях задолго до его ухода некоторые подробности его будущих путешествий. Мы знаем, что Панчен-Ринпоче следует обычаям всех великих лам. Нам рассказывали, как во время своего бегства он и его спутники избежали многих величайших опасностей.

Мы знаем, что однажды погоня из Лхасы уже почти настигла его, как вдруг повалил сильный снег и преградил преследователям путь. В другой раз Панчен-Ринпоче прибыл к горному озеру; трудная задача встала перед ним. Враги следовали за ним по пятам, и, чтобы спастись, надо было проделать длинный путь в обход озера. Панчен-Ринпоче погрузился на время в глубокую медитацию. А затем отдал распоряжение, чтобы, несмотря на опасность, весь караван провел ночь на берегу озера. И вот случилось необычное: ночью ударил сильный мороз и озеро покрылось льдом и снегом. Перед рассветом, когда было еще темно, Таши-лама велел своим людям быстро двинуться вперед; он и триста его последователей перешли озеро по льду наикрат-

чайшим путем, избежав таким образом опасности. Когда враги подоспели к этому месту, солнце стояло уже высоко и в его лучах лед растаял. Для них остался лишь окольный путь. Разве это не так?

— Истинно, так оно и было. Панчен-Ринпоче помогала Святая Шамбала во всех его путешествиях. Он видел много чудесных знаков, когда пересекал нагорья, спеша на Север.

— Лама, недалеко от Улан-Давана мы видели огромного темного коршуна, низко летевшего неподалеку от нашего стана. Он пересек путь чему-то блестящему и прекрасному, что двигалось на юг над нашим лагерем и сверкало в лучах солнца.

Глаза ламы блеснули. Он быстро спросил:

— Не чувствовали ли вы в пустыне ароматы храмовых курений?

— Лама, ты совершенно прав: в каменистой пустыне, в нескольких днях пути от ближайшего жилья, многие из нас одновременно ощущали изысканные благоухания. Это происходило несколько раз. Мы никогда не слышали такого чудесного аромата. Он напомнил мне одно благовоние, которое дал мне однажды мой друг в Индии. Но откуда он получил его, я не знаю.

— О, вас хранит Шамбала. Огромный темный коршун — это ваш враг, который старается разрушить ваше дело, но охранительная сила Шамбалы сопровождает вас в виде этой лучезарной материи. Эта сила всегда с вами, но ее невозможно видеть постоянно. Она проявляется лишь по временам,

чтобы укрепить и направить вас. Заметили ли вы направление, в котором двигался этот шар? Вы должны следовать в том же направлении. Ты упомянул священный зов «Калагия!». Тот, кто услышал этот повелительный зов, должен знать, что путь в Шамбалу ему открыт. Он должен запомнить год, когда был позван, потому что с этого времени ему будет помогать сам Благословенный Ригден-Джапо. Но только надо знать и ясно представлять себе, каким образом людям помогают, ибо часто они отвергают посланную помощь.

— Лама, скажи мне, как обычные люди могут получить помощь Шамбалы? Мы знаем об адептах и воплощенных сотрудиниках Шамбалы. Но каким образом могущество Шамбалы проявляется в жизни простых людей?

— Несказуемы и разнообразны эти пути. Каждому, кто в прежних воплощениях следовал учению справедливости и был полезен для Общего Блага, поможет это Общее Благо. Несколько лет назад, во время войны и беспорядков, один человек спросил ламу, не надо ли ему переменить местожительство. Лама ответил, что он может оставаться на прежнем месте еще около шести месяцев, но потом окажется в большой опасности и ему придется бежать без промедления. В течение последующих шести месяцев человек этот весьма преуспевал в своих делах; все было спокойно, и его состояние увеличивалось. Когда эти шесть месяцев истекли, он подумал: «К чему мне рисковать своей собственностью, по-

кидая это спокойное место? Все как будто благоприятствует мне, и явно нет никакой опасности. Вероятно, лама ошибся». Но космическое течение шло своим ходом. И предсказанная опасность внезапно возникла. Вражеские войска мгновенно окружили место, где жил этот человек, а он понял, что лучшая возможность упущена и что путь ему теперь отрезан. Он поспешил к тому же ламе и рассказал ему о том, что случилось.

Лама сказал ему, что по определенным причинам необходимо, чтобы он был спасен. «Однако — добавил он, — теперь помочь тебе уже труднее. Лучшая возможность упущена, но я все же могу кое-что сделать для тебя. Завтра бери с собою свою семью и поезжайте на север. По дороге вы встретитесь с врагами. Это неизбежно. Когда вы увидите, что они приближаются, сойдите с дороги и стойте спокойно. Если даже они подойдут к вам и заговорят с вами, стойте молча и неподвижно, пока они не проедут». Так и случилось. Человек со своей семьей и имуществом отправился в путь рано утром. Внезапно в утренних сумерках они различили силуэты быстро приближающихся всадников. Они свернули с дороги и застыли в напряженном молчании.

Солдаты стремительно приближались, и бедняга слышал, как один из них закричал: «Вот они! Я вижу людей. Кажется, нас ждет хорошая добыча!»

Другой солдат, смеясь, возразил ему: «Приятель, похоже, ты плохо спал прошлой ночью, если не мо-

жешь отличить камни от живых людей. Они совсем рядом с нами, а ты говоришь, что это не камни!»

Первый настаивал: «Но я даже вижу лошадь!»
Второй смеялся: «На такой каменной лошадке далеко не уедешь. Неужели ты думаешь, что лошадь, чья наших коней, стояла бы неподвижно?»

Солдаты, смеясь от всей души и издеваясь над ошибкой первого, проехали совсем рядом с неподвижной группой и затем исчезли в тумане. Так, даже в самом трудном положении, этот человек был спасен, потому что однажды он был полезен Шамбале.

Шамбала знает все. Но тайны Шамбалы хорошо охраняются.

— Лама, каким образом охраняются тайны Шамбалы? Утверждают, что много сотрудников Шамбалы, много вестников спешат по всему миру. Как могут они сохранить тайны, доверенные им?

— Великие Держатели тайн внимательно наблюдают за теми, кому они доверили свою работу и дали высокие поручения. Если с ними случится неожиданное несчастье, им немедленно помогут. И доверенное сокровище будет охранено. Лет сорок тому назад большая тайна была доверена одному человеку, жившему в великой монгольской Гоби. Ему было сказано, что он может воспользоваться знанием этой тайны для достижения определенной цели, но при приближении смерти он должен передать сокровище доверенному лицу, которое выберет сам. Прошло много лет. Однажды человек этот

заболел, и во время болезни враждебные силы настигли его и он потерял сознание. В таком состоянии, конечно, он не мог передать сокровище достойному преемнику. Но Великие Держатели неусыпно бодрствуют на дозоре. Один из них из священного Ашрама в величайшей поспешности отправился в путь через огромную Гоби, оставаясь в седле без отдыха более шестидесяти часов. Он застал больного вовремя и временно вернул ему сознание, благодаря чему тот смог завершить данное ему поручение достойным образом. Может быть, ты удивляешься, почему Держатель не взял сокровище с собой? И почему все должно было произойти именно таким образом? Так случилось, потому что у великой кармы свои особые пути, и даже высшие Держатели тайн иногда не хотят прикасаться к нитям кармы. Ибо каждая нить кармы, будучи оборвана, производит величайший вред.

— Лама, в Турфане и Туркестане нам показывали пещеры с длинными неисследованными ходами. Можно ли этими путями достичь Ашрамов Шамбалы? Нам рассказывали, что бывали случаи, когда нездешние люди выходили из этих пещер и приходили в города. Они собирались расплачиваться за покупки необычными, старинными монетами, которыми давно уже никто не пользуется.

— Истинно, жители Шамбалы временами появляются в миру. Они встречаются с земными сотрудниками Шамбалы. Во благо человечества они рассылают драгоценные дары, замечательные реликвии.

Я могу рассказать тебе много историй о том, как чудесные дары были получены из пространства. Даже сам Ригден-Джапо временами является в человеческом теле. Неожиданно появляется он в святых местах, монастырях, и к сужденному сроку возвещает свои пророчества.

Ночью или рано утром, до восхода солнца, Владыка Мира прибывает ко Храму. Он входит. Сразу же сами собой возжигаются все лампы. Некоторые сразу узнают Великого Незнакомца. В глубоком почтении собираются ламы. С величайшим вниманием они слушают пророчества о будущем.

Приближается великая эпоха. Владыка Мира готов к битве. Много уже проявляется. Космический огонь опять приближается к земле. Планеты возвещают Новую Эру. Но много катаклизмов еще произойдет до наступления Новой Эры благоденствия. И опять человечество пройдет через испытания, чтобы стало ясно, достаточно ли продвинулся его дух. Подземный огонь стремится соприкоснуться с огненным элементом Акаши; если все благие силы не объединят свою энергию, величайшие катаклизмы неизбежны. Рассказывают, как является Благословенный Ригден-Джапо, чтобы отдать приказ своим вестникам; как на черной скале, на пути в Ладак, появляется Могущественный Владыка. От всех сторон стремятся к нему вестники всадники, чтобы в глубоком почтении выслушать приказ, а затем мчатся во весь опор исполнять то, что заповедано великой мудростью.

— Лама, почему так получилось, что земная Шамбала еще не открыта путешественниками? На картах можно видеть столько маршрутов разных экспедиций. Кажется, что все вершины уже отмечены и все долины и реки исследованы.

— Воистину, много золота в земле, и много алмазов и рубинов в горах, и каждый жаждет овладеть ими! И сколько людей пытаются найти их! Но пока они не нашли всего этого, так же никому не удастся достичь Шамбалы без зова! Вы слышали о ядовитых воздушных потоках, существующих в горах. Возможно, вы были свидетелями того, как люди умирают от этих газов, когда приближаются к таким областям. Может быть, вы видели, как животных и людей начинает сотрясать дрожь, когда они приближаются к определенным местам.

Многие пытаются достичь Шамбалы без зова. Некоторые из них исчезают навсегда. Лишь единицы доходят до святого места в том случае, если карма их созрела.

— Лама, ты говоришь о святом месте на земле. Насколько богата там растительность? Горы выглядят бесплодными, а ураганы и смертоносные морозы кажутся необычайно сильными.

— Посреди высоких гор неожиданно встречаются раскинувшиеся между ними долины. Множество горячих источников питают богатую растительность. Многие редкие растения и лекарственные травы способны произрастать на этой необычной вулканической почве. Возможно, вам встречались

горячие гейзеры в нагорьях. Может быть, вы слышали, что всего лишь в двух днях от Нагчу, где не увидишь ни кустарника, ни растения, находится долина с деревьями, травой и теплой водой. Но кому ведомы лабиринты этих гор? На каменистой поверхности не различить человеческих следов. Невозможно прочесть мысли людей, а тот, кто может это делать, — молчит! Возможно, во время ваших странствий вы встречали многочисленных путников — неведомых странников, скромно одетых и молчаливо идущих по пустыне, в жару и холод, к своим неведомым целям. Не думайте, что если одевание скромно, то и сам незнакомец незначителен! Если глаза его полужакрыты, не надо думать, что и взгляду его ничто не доступно. Невозможно разглядеть, откуда приходит сила. Беспольны все предостережения, тщетны все предсказания, лишь по единственному пути Шамбалы можно достичь победы. Обращаясь прямо к Благословенному Ригден-Джапо, вы можете преуспеть.

— Лама, ты сказал, что враги Шамбалы погибнут. Каким же образом это случится?

— Воистину, они погибают в должное время. Они истребляются собственным порочным честолюбием. Ригден-Джапо милосерден. Но грешники сами себе враги. Кто может сказать, когда выплачивается заслуженное? Кто может знать, когда помощь действительно нужна? И какова должна быть эта помощь? Нужны многие перевороты, и они имеют свою цель. Именно тогда, когда наш ограниченный

человеческий рассудок убежден, что все погибло и что не осталось никакой надежды, тогда созидаящая рука Владыки шлет свой могущественный луч.

Как же уничтожаются грешники? Один лама-художник имел высокий дар писать священные изображения несравненной красоты. Великолепно писал он лики Ригден-Джапо, Благословенного Будды и Дуккар-Всевидающей. Но другой художник позавидовал ему и в ярости замыслил причинить ему зло. Но когда он начал клеветать на ламу-художника, по неизвестной причине в его доме произошел пожар. Все его имущество было уничтожено, и руки клеветника были сильно обожжены, так что он долгое время не мог работать.

Другой клеветник угрожал разрушить все труды одного честного человека. Но сам вскоре утонул, переправляясь через Цангпо. На другого человека, который совершил много прекрасных дел благотворительности, напал некто, стараясь уничтожить все его состояние, которое было посвящено благу человечества. Но опять могущественный луч Ригден-Джапо настиг нападающего, и в один день все его богатство было сметено и он сделался нищим. Возможно, и теперь еще вы можете встретить его на базаре в Лхасе, просящего милостыню.

В каждом городе вы можете услышать, как те недостойные, которые обратили свою злобу против достойных, были наказаны. Только по пути Шамбалы вы можете идти в безопасности. Любое уклонение с этого пути славы ввергает вас в величайшие

опасности. Все на свете может быть изучено и измерено. Не веру и не слепое поклонение заповедал Благословенный, но знание опыта.

— Это так, Лама. Я могу также рассказать тебе, как один из наших близких стал братом Шамбалы. Мы знаем, что он прибыл в Индию с научной миссией, как караван неожиданно потерял его и что много времени спустя нежданная весть открыла, что он в Шамбале.

Я могу рассказать тебе, как из далекого Алтая многие староверы отправлялись искать так называемое Беловодье и больше уже не возвращались. Я слышал названия тех гор, рек и озер, которые лежат на пути к святым местам. Они сокровенны; некоторые из этих названий искажены, но вы узнаете заключенную в них основную истину.

Я могу рассказать тебе, как один достойный ученик этого возвышенного учения отправился в путь, чтобы достичь Шамбалы, прежде назначенного ему срока. Это был чистый и искренний дух, но карма его еще не была изжита, и его земная задача была еще не исполнена. С его стороны это было преждевременно, и один из Великих Учителей выехал верхом ему навстречу в горах и лично говорил с этим устремившимся путником. В милосердии и сострадании своем он послал его обратно, чтобы тот завершил свои неоконченные дела. Я могу рассказать тебе об Ашрамах за Шикацзе. Я могу рассказать тебе, как Братья Шамбалы появлялись в разных городах и как они предотвращали величайшие челове-

ческие бедствия, если люди принимали их подобающим образом.

— Лама, встречал ли ты Азаров и Кутхумпа?

— Если тебе известно так много случаев, то ты должен быть успешен в своей работе. Знать так много о Шамбале уже само по себе есть поток очищения. Многим из нас в жизни доводилось встречать Азаров и Кутхумпа и снежных людей, которые им служат. Только недавно Азары перестали появляться в городах. Они все собрались в горах. Очень высокие, с длинными волосами и бородами, они внешне напоминают индусов. Однажды, идя вдоль Брахмапутры, я увидел Азара. Я попытался догнать его, но он быстро скрылся за скалой и исчез. Однако я не нашел там ни пещеры, ни углубления; все, что я увидел, это небольшую ступу. Вероятно, он не пожелал, чтобы его беспокоили.

— Кутхумпа больше не видно. Раньше они совершенно открыто появлялись в области Цанг и у Манасаровара, когда паломники посещали священную гору Кайлас. Даже снежных людей теперь редко увидишь. Обычные люди в своем невежестве ошибочно принимают их за призраков. Есть важные причины того, что именно теперь Великие не появляются открыто. Мой старый учитель много рассказывал мне о мудрости Азаров. Мы знаем несколько мест, где жили эти Великие, но в настоящее время эти места опустели. Глубокая причина, великая тайна!

— Лама, значит, это правда, что Ашрамы удалены из окрестностей Шикацзе?

— Не надо произносить эту тайну. Я ведь уже сказал, что Азаров больше не встретишь в Цанге.

— Лама, почему ваши священники уверяют, что Шамбала — далеко за океаном, ведь земная Шамбала много ближе? Чома де Кереш даже упоминает, приводя тому доказательство, это место — чудесную горную долину, где произошло посвящение Будды.

— Я слышал, что Чома де Кереша постигло несчастье. И Грюнведель, которого ты упоминал, лишился рассудка; ибо они прикоснулись к великому имени Шамбалы из любопытства, не представляя себе его огромного значения. Опасно играть с огнем, несмотря на то, что огонь приносит человечеству величайшую пользу. Ты, наверное, слышал, как некоторые путешественники пытались проникнуть в запретную область и что проводники отказывались следовать за ними. Они говорили: «Лучше убейте нас». Даже этим простым людям понятно, что к таким высоким вопросам можно прикасаться лишь с величайшим почтением.

Не преступайте законов! Ждите в пламенном труде, среди постоянного подвига, пока вестник Шамбалы не придет к вам. Ждите, пока Мощного-госый не произнесет: Калагия! Тогда вы можете не-вредимо углубиться в исследование этого великого вопроса. Поверхностное любопытство должно преобразиться в истинное изучение, в приложение высоких принципов в каждодневной жизни.

— Лама, ты странник. Где я увижу тебя снова?

— Прошу тебя, не спрашивай моего имени. Более того, если ты повстречаешь меня в городе или в каком-нибудь другом селении, не подавай вида, что узнал меня. Я сам подойду к тебе.

— А если бы я подошел к тебе, ты бы просто ушел или же как-то загипнотизировал бы меня?

— Не вынуждай меня употреблять эти природные силы. В некоторых Красных сектах позволено применять известные силы. Но мы можем пользоваться ими лишь в исключительных случаях. Мы не должны нарушать законы природы. Истинное Учение Благословенного велит нам быть осторожными в обнаружении наших внутренних способностей.

— Лама, скажи мне еще, видел ли ты сам Ригден-Джапо?

— Нет, я не видел Владыку во плоти. Но я слышал Его Голос. И зимой, когда в горах стоял мороз, роза — цветок дальней долины, была Его подарком мне. Ты спрашиваешь меня столь о многом, что я вижу, ты владеешь основами знаний по многим вопросам. Что бы ты делал, если б я начал так же спрашивать тебя?

— Лама, я молчал бы.

Лама улыбнулся:

— Да, ты действительно знаешь многое. Может быть, ты даже знаешь, как пользоваться силами природы и что Запад в последние несколько лет стал свидетелем многих знамений, особенно во время войны, которую начали вы или кто-то из вас.

— Лама, безусловно, такое беспримерное массовое убийство людей должно было вызвать неожиданный поток реинкарнаций. Столько людей умерло ранее своего назначенного часа, и из-за этих событий столь многое было искажено и приведено в расстройство.

— Вероятно, вы не знали о пророчествах, в которых эти бедствия давно уже были предсказаны. Если б только вы знали, вы никогда бы не начали эту ужасную бойню.

Если вы знаете о Шамбале, если вы знаете, как использовать свои скрытые природные силы, вы также должны знать и о Намиг — Небесных Письменах. И вы, наверное, знаете, как воспринимать пророчества о будущем.

— Лама, мы слышали, что все передвижения Таши-ламы и Далай-ламы были предсказаны в пророчествах задолго до того, как они произошли.

— Я повторяю, что в частных покоях Таши-ламы по его указанию были изображены все события его будущих странствований. Часто совсем незнакомые люди сообщают эти пророчества, и вы можете видеть и слышать ясные знаки приближающихся событий.

Вы знаете, что у входа в великий храм Гесэр-хана стоят два коня: белый и красный. И когда Гесэр-хан приближается, эти кони ржут. Слышали ли вы, что недавно это великое знамение совершилось и многие люди слышали ржание священных коней?

— Лама, ты упомянул третье великое имя Азии...

— Тайна, тайна, не надо говорить слишком много. Когда-нибудь мы побеседуем с одним ученым геше из Морулинга. Этот монастырь был основан нашим Далай-ламой Великим, и Великое Имя звучит в названии монастыря. Говорят, что прежде чем оставить Лхасу навсегда, великий Далай-лама имел в этом монастыре таинственное причастие. Истинно, из этого монастыря исчезло несколько лам для новых великих задач. Там ты нашел бы кое-что очень знакомое тебе.

— Лама, можешь ли ты рассказать что-нибудь о трех крупнейших монастырях близ Лхасы — Сера, Гандене и Депунге?

Лама улыбнулся:

— О, это крупные государственные монастыри. В Сера среди трех тысяч лам ты можешь найти много настоящих бойцов. В Гандене много лам из других стран, таких, как Монголия. Там находится Кресло нашего Великого Учителя Цзохапы. Никто не может прикоснуться к этому великому сиденью, не испытав трепета. В Депунге тоже есть несколько ученых лам.

— Лама, имеются ли под Поталою тайные ходы? И есть ли под главным храмом подземное озеро?

Лама опять улыбнулся:

— Ты знаешь так много, что мне кажется, что ты был в Лхасе. Я не знаю, когда ты был там. Не имеет значения, был ли ты там теперь или в другом одеянии. Но если ты видел это подземное озеро, ты, должно быть, был или очень высоким ламой, или

слугой-факельщиком. Но как слуга ты не мог бы знать всего того, что ты рассказал мне. По всей вероятности, ты знаешь также, что в Лхасе во многих местах имеются горячие источники и в иных домах они питают весь домашний обиход.

— Лама, я слышал, что некоторые животные — олени, белки и шакалы — подходят к медитирующим ламам в пещерах гималайских лесов и что обезьяны и мартышки иногда приносят им свою еду.

— Я со своей стороны спрошу тебя, что может быть невозможного? Но оно очевидно: олень не подойдет к человеку в городе, потому что крайне редко в этих многолюдных местах найдете вы человека с благими помыслами. Человечеству неизвестно значение и определенное воздействие аур: оно не представляет себе, что не только люди, но даже неодушевленные предметы имеют значительные и действенные ауры.

— Лама, мы знаем об этом и даже начали фотографировать ауры. Что же касается неодушевленных предметов, Лама, мы тоже знаем кое-что о Кресле Учителя и что никто не должен прикасаться к этому Креслу. Таким образом, присутствие Великого всегда ощутимо.

— Если вам известна ценность этого почитаемого Кресла, то вы знаете и о значении водительства Гуру. Гуру — это высшая связь, какую мы можем достичь в нашем земном одеянии. Водительство Гуру нас охраняет, и в нашем почитании Гуру мы восхо-

дим к совершенству. Тот, кому известно истинное значение Гуру, не станет говорить против реликвий. На Западе вы тоже храните портреты дорогих вам людей, и вы очень цените символы и предметы, которыми пользовались ваши далекие предки и великие вожди. Потому не принимайте это за идолопоклонство, но лишь как глубокое почитание и памятование работы, совершенной одним из великих. И это не одно только внешнее почитание, но если вам известно о психических эманациях предметов, то вы знаете также и о естественной магии. Что ты думаешь о магнитном жезле, который указывает подземные богатства земли?

— Лама, мы повсюду слышали многочисленные рассказы о странной способности этой движущейся палочки, при помощи которой обнаруживают многие залежи руд, ключи и источники.

— И кто, по-твоему, действует в этих опытах, палочка или человек?

— Лама, я думаю, что палочка — безжизненный предмет, между тем как человек полон вибраций и магнетических сил. Таким образом, палочка не более чем перо в руке человека.

— Да, в нашем теле сосредоточено все. Надо только знать, как применять эти силы и как не употребить их во зло. Знаете ли вы на Западе что-нибудь о Великом Камне, в котором сосредоточены магические силы? И знаете ли вы, с какой планеты пришел этот Камень? И кто владел этим сокровищем?

– Лама, о Великом Камне у нас столько же легенд, сколько у вас изображений Чинтамани. Со времен друидов многие народы помнят эти правдивые легенды о естественных энергиях, скрытых в этом странном пришельце на нашу планету. Очень часто в таких упавших камнях скрыты алмазы, но это ничто в сравнении с некоторыми другими неизвестными металлами и энергиями, которые ежедневно находимы в камнях и в многочисленных токах и лучах.

Lapis Exilis — так называется камень, который упоминали в старину мейстерзингеры. Видно, что Запад и Восток сходятся во многих основах. И нам не нужно идти в пустыню, чтобы услышать о Камне. В наших городах, в наших научных лабораториях другие легенды и доказательства... Мог ли кто подумать, что волшебные сказки о летающем человеке станут когда-то реальностью? А теперь ежедневно и почта и туристы могут прибыть по воздуху.

— Конечно, Благословенный уже давно говорил, что железные птицы будут летать высоко в воздухе. Но между тем мы способны парить в наших тонких телах, не нуждаясь в подъеме столь больших масс. Вы, западники, постоянно мечтаете подняться на Эверест в тяжелых ботинках: но мы достигаем тех же высот и гораздо более высоких пределов без затруднений. Надо только думать, изучать, запоминать и знать, как сознательно усваивать весь свой опыт в тонких телах. Все указано в Калачакре, но

лишь немногие постигли это. Вы на Западе, со своими ограниченными аппаратами, можете слышать звуки на дальних расстояниях. Вы можете улавливать даже космические звуки. Но уже давным-давно Миларепа безо всяких аппаратов мог слышать все высшие голоса.

— Лама, правда ли, что Миларепа в юности не был духовным человеком? Где-то мы читали, что он даже убил всю семью своего дяди. Каким же образом такой человек, после подобных крайних проявлений гнева и даже убийства, стал духовно развитым существом?

— Ты прав. В юные годы Миларепа не только убил эту родственную семью, но, по всей вероятности, совершил и много других ужасных преступлений. Но пути духа неисповедимы. От одного из ваших миссионеров мы слышали о вашем Святом по имени Франциск. Однако же в юности он тоже совершил немало проступков и его жизнь не была так уж чиста. Как же тогда он смог за одну жизнь достичь такого совершенства, что на Западе его почитают одним из самых возвышенных Святых? От ваших миссионеров, посещавших Лхасу в прежние века, мы слышали много рассказов, и некоторые из ваших книг стоят в наших библиотеках. Говорят, что книги вашего Евангелия можно найти запечатанными в некоторых из наших ступ. Может быть, мы лучше вас знаем, как почитать чужие религии.

— Лама, для нас, западных людей, так трудно почитать вашу религию, потому что многое так запу-

тано, многое искажено. Например, как мог бы чужестранец, видя два внешне совершенно одинаковых монастыря, понять, что в одном проповедуется буддизм, в то время как другой является злейшим врагом буддизма. Даже если войти в эти монастыри, то, глядя поверхностно, видишь почти одинаковые изображения. Так, для чужеземца столь же трудно различить, повернута ли свастика в обратном направлении или нет, как и понять, почему одна и та же иконография может выступать как за, так и против Будды. Постороннему трудно понять, почему совершенно безграмотные и предающиеся пьянству люди носят то же звание ламы, как и ты, так много знающий и столь глубоко культурный.

— Ты прав. Много лам носят ламаистские одеяния, но их внутренняя жизнь гораздо хуже, чем у мирянина. Нередко из многих тысяч лам найдется лишь несколько отдельных лиц, с которыми можно беседовать на возвышенные темы и ждать достойного ответа. Но разве не то же самое и в вашей религии?

Мы видели многих миссионеров. Вероятно, они говорят об одном и том же Христе, но они нападают друг на друга. Каждый называет свое учение высшим. Я убежден, что Исса дал одно учение, каким же образом этот великий символ может содержать части, явно враждебные одна другой? Не думайте, что мы настолько невежественны. Мы слышали, что обряды, отправляемые одной сектой христианских священников, не признаются другими христи-

анскими священниками. Следовательно, у вас должно быть много противостоящих друг другу Христов.

В наших пустынях находят много христианских крестов. Как-то я спросил одного христианского миссионера, подлинны ли эти кресты, и он мне ответил, что все эти кресты поддельные, что во все века ложное христианство проникало в Азию и что мы не должны считать эти кресты высокими символами. Так скажи мне, как нам отличить подлинный крест от поддельного? У нас тоже имеется крест в Великом Знаке Акдордже. Но для нас это великий знак жизни, огненной стихии вечный знак. Против этого знака никто не станет возражать!

— Лама, нам известно, что лишь знанием духа можем мы распознать, что подлинно.

— Опять ты обнаруживаешь знание великих вещей. Опять ты говоришь словно из нашей величественной Калачакры. Но как нам проявить наше великое понимание? Воистину, мы мудры в духе: мы знаем все, но как нам вызвать это знание из глубин нашего сознания и передать его нашему уму? Как распознать необходимые границы между жизнью аскетической и жизнью простой? Как узнать, сколько мы можем оставаться отшельниками и сколько должны мы работать среди людей? Как узнать, какое знание может быть открыто безо всякого вреда, а какое, может быть, самое возвышенное, можно разглашать лишь немногим? Это знание Калачакры.

— Лама, великая Калачакра в сущности неизвестна, потому что ее учение смешано с низким тантри-

ческим учением. Точно так же, как у вас есть настоящие буддисты, а также их противоположность бонпо, так же у вас имеется и самая низкая тантра колдовства и некромантии. А разве Благословенный не осудил колдовство? Скажи мне откровенно, позволительно ли ламе быть колдуном?

— Ты прав. Не только колдовство, но и ненужное выставление напоказ сверхобычных сил были запрещены нашими великими Учителями. Но если чей-то дух настолько продвинулся, что может совершить многое и естественным образом использовать любую свою энергию на Общее Благо, то это уже не колдовство, но высокое достижение, великий труд ради человечества.

На наших символических изображениях, на наших образах и танках вы можете видеть, как действовали великие Учителя: из всех великих Учителей лишь немногих вы видите в полной медитации. Обычно они принимают деятельное участие в великой работе. Они или учат народ, или укрощают темные силы и стихии: они не боятся противостоять самым могущественным силам и даже вступить в союз с ними, лишь бы это было на общее благо. Иногда вы можете видеть Учителей, в самом столкновении рассеивающих силы злых духов. Земную войну мы не одобряем, хотя на буддистов нападали на протяжении всей истории: буддисты же никогда не были зачинщиками. Мы слышали, что во время вашей недавней Великой войны христианские священники каждой из воюющих сторон объявили, что Исса и

Бог с ними. Если Бог един, то из этого следует, что он вступил в противоречие с самим собой. Как вы можете объяснить это противоречие, которое так непонятно для всех буддистов?

— Лама, эта война кончилась. Могут происходить самые ужасные ошибки, но теперь все народы мыслят о том, как уничтожить не только саму идею, но даже средства и орудия войны.

— А ты считаешь, что все пушки и военные корабли следовало бы уничтожить? Лучше бы обратить их в орудия мира и возвышенного учения. Мне бы хотелось видеть большие военные корабли передвижными школами высокого учения. Возможно ли это? Во время своей поездки в Китай я видел такое множество пушек и военных кораблей, что я подумал: будь эти ужасные творения символами высокого учения, а не символами убийства, какой огромный прилив космической энергии испытал бы тогда наш мир?

— Лама, змея жалит, и все же она считается символом мудрости.

— Наверное, ты слышал старую притчу о том, как змея получила предостережение не жалить, но только шипеть. Каждый должен быть сильным, но какую защиту ты считаешь самой сильной?

— Лама, конечно же, ту защиту, которую дает сила духа. Потому что лишь в духе мы укрепляемся и умственно и физически. Духовно сосредоточенный человек так же силен, как дюжина самых мускулистых атлетов. Человек, который знает, как пользо-

ваться своими умственными способностями, сильнее толпы.

— Ну вот, мы снова подходим к нашей великой Калачакре. Кто может жить без пищи? Кто может жить без сна? Кто не подвержен жаре и холоду? Кто может исцелить раны? Истинно лишь тот, кто изучает Калачакру.

Великим Азарам, которые знают Учения Индии, известно происхождение Калачакры. Познания их огромны, и когда они будут явлены на помощь человечеству, они полностью переродят жизнь! И Восток, и Запад применяют многое из учений Калачакры, не ведая того, и даже такое бессознательное использование дает столько замечательных результатов. Поэтому ясно, насколько несравнимо большие возможности открылись бы при сознательном подвиге и как мудро могла бы быть использована великая вечная энергия, эта тонкая невесомая материя, которая рассеяна повсюду и которая доступна нам в любое мгновение. Это Учение Калачакры, это использование первичной энергии называлось Учением Огня. Индусам известен великий Агни: хотя учение это и древнее, оно будет новым учением Новой Эры. Мы должны думать о будущем: и мы знаем, что в Учении Калачакры содержится все, что может быть применено с наибольшей пользой.

Сейчас столько учителей: так различны они и так враждебны друг другу. И однако же многие из них говорят об одном и том же: о том, что изложено в Калачакре. Один из ваших священников как-то

спросил меня: «Не составляют ли Каббала и Шамбала части единого учения?» Он спрашивал: «Не был ли великий Моисей посвященным этого же учения и последователем тех же самых законов?»

Можно утверждать одно: каждое учение истины, каждое учение высшего принципа жизни исходит из единого источника. Многие древние буддийские ступы были превращены в лингамы, и многие мечети заключают в себе стены и основания древних буддийских вихар. Но что в том плохого, если эти сооружения посвящались единому высшему принципу жизни? Многие буддийские изображения на скалах восходят к учениям, существовавшим задолго до Благословенного. И тем не менее они символизируют ту же самую высокую Сущность.

Что раскрыто в Калачакре? Есть ли в ней какие-либо запреты? Нет, в высоком учении изложено только созидательное. Это так. И эти же высокие силы предлагаются человечеству. И строго научно показано, как природные силы стихий могут быть использованы человечеством. Когда говорится, что кратчайший путь через Шамбалу, через Калачакру, это означает, что совершенство не есть недостижимый идеал, но что искренним и ревностным устремлением оно может быть достигнуто здесь, на этой самой земле и в этом же воплощении. Таково Учение Шамбалы. Истинно, каждый может приобщиться к нему. Истинно, каждый может услышать звучащее слово Калагия!

Но чтобы достичь этого, человек должен полно-

стью посвятить себя созидательному труду. Те, кто сотрудничает с Шамбалой, посвященные и вестники Шамбалы, не сидят в уединении, они странствуют повсюду. Очень часто люди не узнают их, а иногда они даже не узнают друг друга. Но они выполняют свою работу не для себя, но для великой Шамбалы: и всем им известен глубокий символ анонимности. Иногда они кажутся богатыми, но у них нет собственности. Все для них, но они ничего не берут себе.

Так что, если вы посвятили себя Шамбале, все у вас взято и все вам дано. Если у тебя есть сожаления, ты сам же и теряешь, если отдаешь с радостью — обогащаешься. По существу, в том и заключается Учение Шамбалы, что мы не говорим о чем-то далеком и тайном. Поэтому, если вы знаете, что Шамбала здесь, на земле; если вы знаете, что все может быть достигнуто здесь, на земле, тогда все должно получить воздаяние здесь же, на земле. Вы слышали, что воздаяние Шамбалы воистину происходит здесь, и притом многократно умноженное. И причина не в том, что Учение Шамбалы по-своему единственное, но в том, что Учение Шамбалы жизненно, дано для земных воплощений и может применяться во всех обстоятельствах. Как можем мы научиться работать? Как быть готовым ко всевозможным знаниям; как быть открытым и всевещающим? Только через практическое изучение Шамбалы.

Когда вы читаете многочисленные книги о Шам-

бале, частью переведенные на другие языки и частью закрытые, не смущайтесь великими символами. Даже на Западе, когда вы говорите о великих открытиях, вы пользуетесь специальным языком, и обычные люди не понимают его и воспринимают эти выражения буквально, судя только по поверхности. То же самое можно сказать и о великих писаниях, и о научных документах. Некоторые понимают великие Пураны буквально. К каким выводам они придут? Только к таким, какие можно извлечь из поверхностного слоя языка, из его филологии, но не из значения употребляемых знаков. Гармонию между внешним и внутренним можно обрести только через изучение Калачакры. Вероятно, вы встречали знаки Калачакры на скалах, в совсем безлюдных местах.

Чья-то неизвестная рука нанесла рисунок на камни и высекла знаки Калачакры на скалах. Истинно, истинно, только через Шамбалу, только через Учение Калачакры можно достичь совершенства кратчайшего пути.

Калагия, калагия, калагия. Приди в Шамбалу!

Затем наша беседа стала еще более прекрасной и священной. В нее вошел тот символ, который возносит все человеческие устремления. Мы говорили о горе Кайласа, об отшельниках, которые и по сей день живут в пещерах этой чудесной горы, наполняя пространство зовами, пробуждающими людей к праведности.

А затем мы говорили о Том Месте, что лежит к северу от Кайласа...

Спустились сумерки, и вся комната, казалось, преобразилась. Образ Ченрези, великолепно вышитый по блестящему шелку и висевший над головой Ламы, казалось, многозначительно взглянул вниз на нас. Таких изображений больше не найти в Тибете.

По обеим сторонам от этого изображения располагались другие, тоже редкой вышивки. На одном из них был Амитаюс; на другом Владыка Будда, непоколебимый, с победоносным знаком молнии, дордже, в руке. Из алтаря в комнате благосклонно улыбалась Долма, Белая Тара.

От букетика свежих фуксий и фиолетовых георгин исходила живительная жизненная сила. Там же светился образ Могущественного, Непобедимого Ригден-Джапо, и Его Присутствие опять напомнило нам о таинственном Месте к северу от Кайласа. По углам этого знамени разместились четыре очень значительных образа. Внизу преемник Ригден-Джапо с пандитом-индусом, одним из первых толкователей Калачакры. В верхних углах находились два образа Таши-лам. Слева Таши-лама Третий, Панчен Пелден Еше, который дал указания о Шамбале. А справа соответственное изображение нынешнего Таши-ламы, Панчена Чхокьи Ньима Гелег Намгьял Пелсангпо, который недавно опубликовал еще одну молитву Шамбале Сияющей. В центре знамени был сам Ригден-Джапо, и в основании Его трона сверкал скрещенный Акочир-Акдордже — Крест Жизни. Множество людей собрались перед тронем Ригде-

на: кого только нет среди них! Вот ладакец в своей высокой черной шапке; китайцы в своих круглых шапочках с красными помпонами наверху; вот индус в своем белом одеянии; а вот мусульманин в белом тюрбане. Здесь киргизы, буряты, калмыки, а там монголы в своей характерной национальной одежде.

Каждый преподносит Владыке лучшие дары своей земли: фрукты и зерно, ткани и оружие и драгоценные камни. Эти народы никто не принуждал: они пришли добровольно со всех концов Азии, окружив Великого Воина. Может быть, они покорены? Нет, в их обращении к Нему нет униженности. Народы обращаются к Нему как к своему собственному, своему единственному правителю. Его рука указывает по направлению к земле, как и рука великого Льва-Сэнкэ в его величественном жесте: на земной твердыне дает он клятву всегда созидать непоколебимо.

От благовонных курений перед изображением поднимались синеватые струйки дыма, проплывая перед ним и выписывая многочисленные знаки на тайном языке сензар. А затем, дабы не знающие Великую Истину не осквернили ее, благоухающие знаки поплыли, постепенно растворяясь и исчезая в пространстве.

Talai-Pho-Brang (Талайнхотан), 1928 г.

Литературно-художественное издание

МИСТИЧЕСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Н. К. Рерих

МИФ АТЛАНТИДЫ

Ответственный редактор *Н. Самохина*
Художественный редактор *Н. Кудря*
Технический редактор *О. Куликова*
Компьютерная верстка *И. Ковалева*
Корректор *Н. Сикачева*

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home раде: www.eksmo.ru E-mail: InfoOeksmo.ru

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:
ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411 -50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»
E-mail: International@eksno-sale.ru

International Sales: International wholesale customers should contact Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.
International@eksno-sale.ru

По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном оформлении, обращаться по тел. 411-68-59, доб. 2299, 2205, 2239, 1251.
E-mail: yipzakaz@eksmo.ru

Оптовая торговля бумажно-беловыми и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:
Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный),
e-mail: kanc@eksno-sale.ru, сайт: www.kanc-ekamo.ru

Подписано в печать 23.12.2011.
Формат 84x108 1/32 - Гарнитура «Нью-Баскервиль».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,16.
Тираж 4000 экз. Заказ № 21

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в ОАО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

ISBN 978-5-699-53763-1

Мифы и легенды, эссе и рассказы, вышедшие из-под пера великого русского художника и мыслителя Н. К. Рериха, – это не просто художественные произведения. Это крупницы подлинной мудрости и Великого Знания, которое вечно учит нас, поддерживает и вдохновляет...

«Истина не познается расчетами, лишь язык сердца знает, где живет великая Правда, которая, несмотря ни на что, ведет человечество к восхождению. Разве легенды не есть гирлянда лучших цветов? О малом, о незначительном и жалком человечество не слагает легенд».

Н.К. Рерих («Легенды»)

«...каждая легенда содержит нечто необычное. Не ведет ли эта необычность дух человеческий поверх сумерек механического стандарта? Этим машинным стандартом эволюция не строится. Легенда, которая освобождает нас от подавляющих условий каждодневной рутины, обновляет наше мышление, позволяет погрузиться в новые глубины познания, полные неисчерпаемого молодого задора».

Н.К. Рерих («Легенды»)

МИФ

АТЛАНТИДЫ

Миф Атлантиды

В этом сборнике представлены самые поэтические и загадочные работы великого русского художника, мыслителя, путешественника Н.К. Рериха.

- Мудрые легенды, предания и философские стихи.
- Эссе о тайнах бытия и загадках истории.
- Рассказы о необычных возможностях человеческой психики и паранормальных явлениях природной среды.
- Тысячелетняя мудрость эзотерического духовно-философского наследия Востока – все это отражено в самых увлекательных рассказах Н.К. Рериха, представленных в этом сборнике.

ISBN 978-5-699-53763-1

